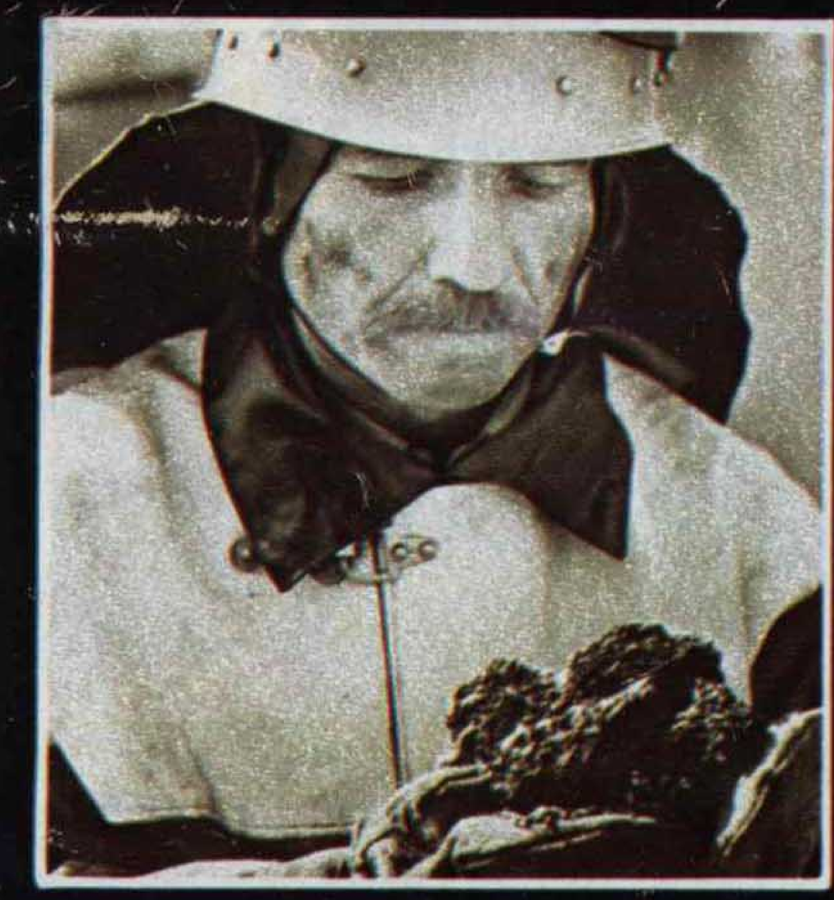
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 43 ОКТЯБРЬ 1988

БЕСЕДА С МИНИСТРОМ ОБОРОНЫ США

ТРЕБУЮТСЯ РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

ПАЛЕХ: ЭПИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ ИВАНА ГОЛИКОВА

ТРЕВОГИ СЕВЕРНОГО ДОМА

82-12

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 43 (3196)

22—29 ОКТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. ГЛОТОВ (ответственный секретарь),
Л. Н. ГУЩИН (первый заместитель главного редактора),
Н. А. ЗЛОБИН,
В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Жизнь меняется вокруг коренных северян. (См. в номере материал «Ягельные поляны».)
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)
(095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 30.09.88. Подписано к печати 18.10.88. А 11796. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 3102.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

СЭВ

ОТ

ЖУРНАЛИСТАМ, ОСВЕЩАЮЩИМ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЭВ, НАВЕРНОЕ, ЛУЧШЕ ВСЕГО ЗАМЕТНЫ ПЕРЕМЕНЫ, ПРОИСШЕДШИЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В ВЫСОТНОМ ЗДАНИИ НА КАЛИНИНСКОМ ПРОСПЕКТЕ МОСКВЫ. КОРОТКО ЭТО МОЖНО СФОРМУЛИРОВАТЬ ТАК: БЫЛИ МЫ НЕЗВАНЫМИ ГОСТЯМИ, СТАЛИ ИЛИ, ТОЧНЕЕ ГОВОРЯ, СТАНОВИМСЯ ЖЕЛАННЫМИ.

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Александр КОНДРАШОВ

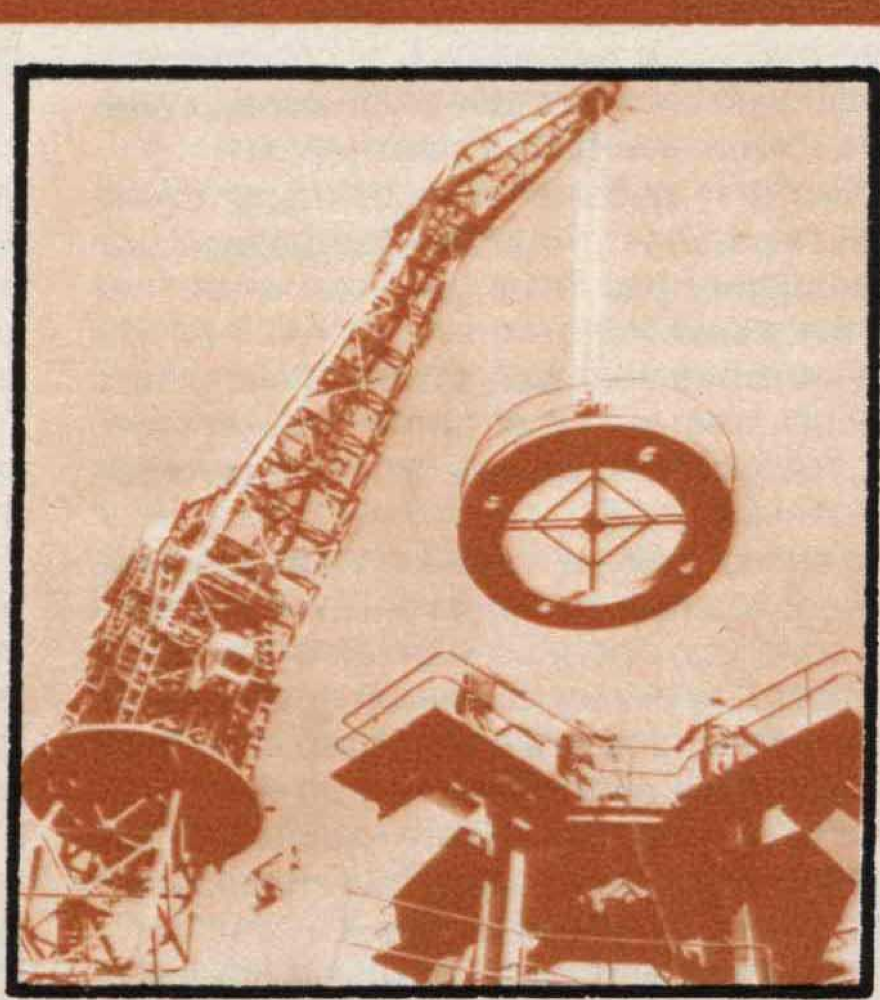
Внимательно, но без былой подозрительности и оглядывания тебя с ног до головы изучает твои документы охранник в светло-зеленом мундире служащего международной организации. Охотнее, без прежних ссылок на необходимость письменного разрешения секретаря СЭВ беседуют с представителями прессы советские и зарубежные представители. Чаще проводятся пресс-конференции, брифинги. Словом, в СЭВ взят верный курс от замкнутости и таинственности к широкому ознакомлению общественности с теми задачами и проблемами, которые решает этот коллективный орган 10 братских стран. Дел у Совета всегда было много. Стоило только соприкоснуться поближе с работой той или иной комиссии СЭВ, как открывалась уйма больших и малых, важных и незначительных планов, проектов, заданий, согласований, проходивших через кабинеты 30-этажного небоскреба.

Ситуация в общем-то знакомая по делам любого нашего министерства, где спускают планы, выделяют фонды, определяют нормы десяткам и сотням предприятий от Бреста до Владивостока. В СЭВ география еще шире — от Эльбы до Меконга и Кубы в западном полушарии. Но специфика работы похожая — разработка многосторонних планов, программ и подпрограмм специализации производства, научных исследований, взаимных поставок. Существенная разница лишь в одном. Если министерство может приказать, поторопить, наконец, строго спросить с подведомственного главка или предприятия, то в СЭВ такое просто немыслимо. У каждой страны свой интерес, все делается добровольно, с учетом пожеланий, потребностей, возможностей каждой страны.

Принцип равноправия, суверенности, консенсуса * соблюдается строго и неукоснительно. Но в этом объективно есть и свой минус. Процесс практической реализации сэвовских программ проходит труднее и медленнее, чем национальных, ибо у одной или даже нескольких стран может ослабеть по разным причинам заинтересованность, не хватить средств. И затягивается дело, страдают интересы более активных партнеров. Есть, конечно, исполком, наконец сессия, где ставятся и решаются такие вопросы. Но все же нет начальника, администратора, который отве-

* Консенсус — общее согласие по спорным вопросам, к которому приходят участники международных конференций; которое в последующем может стать основой для подписания договора.

КРЫВАЕТ ДВЕРИ

чал бы и обеспечивал сроки, объемы, качество. Поэтому не только у нас, но и в кругу хозяйственников других социалистических стран я не раз встречал мнение, что «СЭВ — тяжелая организация», от которой быстрого эффекта не дождешься.

В общем-то это верно, особенно на фоне того возвышенного политического ореола вокруг самой аббревиатуры «СЭВ». Авторитет высок, но практические возможности Совета, особенно в выполнении оперативных хозяйственных функций, куда скромнее.

Я не экономист, да и у самих экономистов наших стран нет сейчас единого мнения о действительном эффекте для экономики социалистического содружества прежних интеграционных программ и мероприятий, осуществлявшихся в рамках Совета. Но я до сих пор не слышал, чтобы кто-то помянул недобрым словом СЭВ за какие-либо волюнтаристские проекты, пущенные на ветер деньги, промышленные объекты с гибельными последствиями для окружающей среды. Нет, большинство того, что делалось и строилось в рамках СЭВ, и по сей день исправно служит народному хозяйству всех 10 стран. Более того, в других братских странах намного более зримо, чем у нас, с нашими масштабами и расстояниями, ощущаются плоды объединения усилий или, наоборот, специализации. Для многих стран СЭВ — это природный газ из Сибири или Урала, поступающий по проложенным общими усилиями газопроводам, это домостроительные комбинаты, объекты современной химии, машиностроения, электронной промышленности. Впрочем, и мы ежедневно сталкиваемся с венгерскими "Икарусами", чехословацкими трамваями и электровозами, плаваем на пассажирских судах из ГДР, не говоря уже об оборудовании из братских стран, которым оснащены сотни предприятий нашего машиностроения, химической, легкой, пищевой индустрии.

Но есть и неумолимые факты, от которых никуда не денешься. Несмотря на все усилия СЭВ и национальных правительственных органов, на все комплексные и отраслевые интеграционные программы, доля кооперированной продукции во всем внешнеэкономическом обмене в содружестве составляет всего лишь 7—10 процентов, в то время как в странах ЕЭС — свыше сорока. В два раза выше в наших странах энергоемкость и в 1,7 раза — материалоемкость производимой продукции. А общественная производительность труда составляет лишь 60 процентов.

Уже давно вызывает озабоченность сложившаяся к концу 70-х годов объективно никому не выгодная модель разделения труда в СЭВ, во многом построенная на обмене советского сырья и топлива на готовые изделия из других стран. Невооруженным глазом видно, что такая структура товарообмена — главный тормоз интеграции в машиностроении, электронике, других современных отраслях, препятствие в наращивании товарообмена.

Конечно, для всех огорчительны вышеприведенные данные. Но в то же время для многих стран сотрудничество в рамках СЭВ означало прежде всего создание на голом месте современных отраслей, научной базы, надежных рынков сбыта продукции, смягчение последствий недавней кредитной блокады Запада или спадов конъюнктуры на капиталистических рынках.

К этому и сводились ответы многих моих собеседников в СЭВ на вопросы о том, как оценивать прежние сэвовские интеграционные программы. Приведу некоторые из них, наиболее характерные и в то же время откровенные.

Мы осуществляли интеграцию для министерств, а не для конкретных производителей, говорит заведующий отделом информации секретариата СЭВ Вацлав Соукуп. А ведомствам в те годы нужны были миллиарды — тонн, рублей, кубических и погонных метров, а не конкретная прибыль, усовершенствованные параметры и экономия тех же миллиардов. Словом, построено, разработано, внедрено за последние десятилетия очень много, все это дает немалый эффект народному хозяйству наших стран. Но, реализовывая программы, мы упускали из виду экономические показатели, а также такой важный аспект, как обновление организационного, правового, валютно-финансового механизма нашего сотрудничества.

Цели и задачи комплексной программы были верными, по меркам того времени даже новаторскими — таково мнение советника секретариата СЭВ С. А. Угарова. Другое дело, что формы взаимодействия через правительства, министерства и ведомства на основе простого внешнеторгового обмена оказались чересчур громоздкими. И кооперация на отраслевом уровне очень быстро исчерпала себя. А необходимость развития непосредственной кооперации на уровне предприятий на повестку дня не ставилась. Но вряд ли можно винить в этом СЭВ. Ведь предоставление прав самостоятельного выхода предприятий на внешние рынки — компетенция национального руководства. А в самих странах внутренние условия для развития этих новых форм в то время еще не созрели.

Вообще, отметил советник, совершенствование механизма сотрудничества в рамках СЭВ и в организационном, и в правовом, и, если хотите, в психологическом отношении — дело более сложное и длительное, чем национального. Ведь очевидно, что этот процесс требует вызревания условий для ломки старого во всех или по крайней мере в большинстве стран Совета. И, на мой взгляд, здесь важны не сроки, не конкретные рубежи, а именно согласованная постановка целей, к которым надо стремиться. И сама жизнь подскажет, какие конкретные формы целесообразно применять для решения этих задач.

Возьмем, к примеру, Комплексную программу научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 года, на выполнение которой все мы и в СЭВ, и в правительствах стран направляем огромные усилия. Я напомню, что решение о ее разработке было принято еще на совещании руководителей стран СЭВ в июне 1984 года. В декабре 1985-го она была принята. Программа смелая, с хорошим видением перспективы, разработанная, кстати сказать, раньше западноевропейской «Эврики». Но уже первые месяцы работы по ее заданиям показали, что прежние формы сотрудничества через министерства и ведомства не дают желаемых результатов. И вот тогда было решено активнее базировать ее на прямых связях, совместных лабораториях и конструкторских коллективах, смелее внедрять хозрасчетные рычаги. И страны СЭВ оперативно внесли изменения во внутреннее законодательство, расширили права и возможности организаций — участниц этой программы. И заметно продвинулось дело.

...Во многом правы мои собеседники: СЭВ действительно лишь отражал доминировавшие в прежние годы взгляды и подходы к сотрудничеству в высших эшелонах хозяйственного руководства наших стран. И нельзя однозначной меркой — «плохо» или «хорошо» — оценивать работу и сами функции СЭВ в предыдущие годы. Более того, можно говорить и о том, что высших хозяйственных руководителей объективно устраивала сложившаяся тогда модель «сырье и топливо — готовые изделия». Нас — потому, что наращивание поставок нефти и газа было куда менее хлопотным делом, чем развитие подлинной интеграции и кооперации в промышленности и научных исследованиях. А наших партнеров — потому, что необъятный советский рынок не требовал передовых параметров качества и производительности в отличие от жестких требований западных рынков. Словом, все мы шли по пути наименьшего сопротивления, который в экономике отнюдь не ведет к прогрессу.

Но думается, что опытные, высококвалифицированные специалисты в органах СЭВ, у которых и информации было больше, и кругозор шире, чем у коллег в национальных органах, могли и в прошлом более активно влиять на формирование экономической политики, если не предотвращать, то и не усугублять опасный крен в сторону экстенсивности. Тем более что и раньше, знаю, видели в СЭВ тормоз интеграции и эффективности. Скажем, были сомнения в принимавшихся долгосрочных целевых программах сотрудничества, где детально согласовывались объемы и номенклатура взаимных поставок, сроки и цены. А это препятствовало развитию научно-технического прогресса, ибо новые, прогрессивные изделия, сулившие многократный экономический эффект, стоили, понятно, дороже, не вписывались в регламентированную систему цен и объемов, а значит, были не нужны партнерам.

Были и дебаты относительно функций переводного рубля. Введенный для упрощения расчетов, он уже много лет объективно усложняет их, так как количество его курсов стало исчисляться десятками, а то и сотнями. Что ни группа товаров или даже вид, то свой определенный курс.

Только сейчас серьезно зашла речь о необходимости коммерческого кредита в международных банках стран СЭВ. До сего времени львиная доля кредитов носит льготный характер, платежи по которым составляют всего 2—3 процента. А это, учитывая нынешний быстрый рост цен, сразу же порождает проблему их обесценения.

Но сказать об этом открыто, по-деловому мешал покров таинственности, облекавший деятельность СЭВ, его статус зоны, закрытой для критики, ложная боязнь показать вполне нормальное различие взглядов и позиции стран СЭВ по тем или иным проблемам экономики или политики. Поэтому не случайно я начал с отношения в СЭВ к представителям прессы. Изменение его — хороший, многообещающий знак, который стал реальной приметой перестройки.

А началась она со встречи в Москве в ноябре 1986 года руководителей коммунистических и рабочих партий стран — членов СЭВ, на которой были приняты принципиальные договоренности о совершенствовании сотрудничества, использовании новых форм хозяйственного и научно-технического взаимодействия. Минуло два года с той поры. С усмешкой ловлю себя на желании добавить: равных десятилетиям. Нет, просто два года более интенсивной работы СЭВ, два года самой начальной фазы перестройки. Процесса довольно медленного, сложного, зачастую противоречивого. Но, как показывает жизнь, необратимого. То, о чем два года назад говорили как о желанных, но трудноосуществимых сдвигах и изменениях, становится сегодня не просто реальностью, а настоятельной задачей органов СЭВ, правительств и министерств братских стран. Во всех областях экономических отношений в соцсодружестве принимаются конкретные меры с целью повышения их эффективности, гибкости, использования товарно-денежных рычагов.

Прежде всего начата перестройка самого механизма деятельности СЭВ. Сокращено число его органов, идет процесс высвобождения их от оперативно-хозяйственных функций, которые до сих пор во многом дублировали деятельность национальных внешнеторговых и отраслевых ведомств. Сферой их деятельности становятся разработка, а главное, реализация крупномасштабных программ, формирование новых плановых, товарно-денежных и правовых инструментов, аналитическая, прогнозная работа. Пристальное внимание уделяется развитию процесса налаживания прямых связей между предприятиями.

Радует, что инициатором перестройки механизма сотрудничества в СЭВ, последовательным сторонником ее углубления, придания ей новых, прогрессивных форм выступает наша страна. Запомнилось выступление Н. И. Рыжкова на проходившей в июле в Праге 44-й сессии СЭВ. В нем ставилась задача формирования в перспективе объединенного рынка стран Совета, указывались пути к этому: внедрение бесконтингентного, не охваченного централизованным планом обмена товарами, распространение оптовой торговли между предприятиями в странах СЭВ, расширение приграничной торговли и товарообменных операций между городами и областями братских стран, расширение прав предприятий в определении цен на кооперированную продукцию, установление реальных курсовых соотношений между национальными валютами, переводным рублем и валютами западных стран.

Признаться, поначалу был слегка озадачен, сравнив выступление нашего премьера с текстом коммюнике сессии, подписанным всеми десятью странами. В целом видна поддержка этих назревших задач. Но меньше конкретности, больше оговорок.

Спросил в беседе С. А. Угарова: как все же реально расценивать реакцию стран СЭВ на советские предложения?

— Как реальное проявление основополагающих принципов СЭВ: равенства, суверенности, демократичности, взаимной выгоды. Позиции стран неодинаковы, готовность их к реформам неодинакова. Поэтому и есть нюансы. Но драматизировать это ни в коем случае не следует. Ведь в главном все страны единодушны: в необходимости перестраивать механизм сотрудничества. Но какими путями, методами, в какие сроки — здесь есть разные мнения. И это нормально. И задача секретариата СЭВ и заключается в том, чтобы сближать позиции, принимать решения, которые устраивали бы все страны.

Прошу рассказать собеседника о сроках, этапах, целях перестройки.

— Цель сейчас сформулирована четко — объединенный рынок стран СЭВ, который даст оптимальные возможности для развертывания подлинной производственной кооперации на уровне предприятий, а значит, и повышения эффективности общественного производства. Но создание объединенного рынка требует, во-первых, соответствующих условий в самих странах, а во-вторых, достижения определенной глубины механизма многостороннего сотрудничества. Поэтому сейчас органы СЭВ изучают, вырабатывают предложения — что необходимо менять и совершенствовать. В области валютно-финансовой системы это касается, например, усиления денежных функций переводного рубля, его конвертируемости с национальными валютами и долларом. В области ценообразования — задачи сближения цен в наших странах с мировыми. Чтобы уже в следующую пятилетку войти с новой базой контрактных цен. В области координации планов поставлена цель — в максимальной мере отразить все новые элементы, прежде всего, конечно, найти пути роста товарооборота за счет кооперированных поставок, отойти от прежней схемы «сырье — товар». Эту работу мы в принципе планируем закончить в 1990 году.

Что касается конкретных этапов продвижения к объединенному рынку, то один из возможных — создание зон свободной торговли. Скажем, несколько стран договариваются о том, что в их пределах товары могут перемещаться свободно, без таможенных сборов. В дальнейшем страны СЭВ могут вступить в таможенный союз, предусматривающий беспошлинную торговлю в его рамках и единые тарифы в отношении третьих стран. Но для этого уже должна быть создана система конвертируемости валют, другие предпосылки. Словом, это задача на перспективу.

ПРОШУ СЛОВА!

Я СОЖАЛЕЮ...

Мне хотелось бы затронуть тему трудную, болезненную и, как мне кажется, не только личную.

7 февраля текущего года в «Известиях» была напечатана беседа с членом Верховного суда СССР М. А. Маровым, принимавшим непосредственное участие в пересмотре дела и последующей реабилитации Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и других осужденных в 1938 году по процессу «антисоветского право-троцкистского блока». В числе вопросов корреспондента «Известий» был и такой:

«Вы юрист, но вы еще и человек. Сколько вам было, когда шел процесс над Бухариным, Рыковым и другими?»

Ответ члена Верховного суда:

«Я понимаю, о чем вы говорите. Тогда я учился в школе. Да, я, как и абсолютное большинство, считал этих людей врагами народа. И тогда, и много позже мы были уверены, что Бухарин и другие пытались вернуть страну в лоно старых общественных отношений. Не скрою, даже мне, юристу, поначалу психологически было непросто отрешиться от этих представлений. Но такова истина».

Должен с горечью признать, что к этому абсолютному большинству, о котором говорит М. А. Маров, верившему в контрреволюционную, вражескую деятельность Бухарина, Рыкова и других, принадлежал в ту пору и я. И этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что мне в числе других журналистов довелось присутствовать на том процессе, видеть все своими глазами, слышать все своими ушами.

Я сидел в Октябрьском зале Дома союзов рядом с Ильей Эренбургом. Он учился с Бухариным в одной гимназии, много лет был с ним в дружеских отношениях. Теперь, растерянный, он слушал показания своего бывшего одноклассника и, поминутно хватая меня за руку, бормотал: «Что он говорит?! Что это значит?!» Я отвечал ему таким же растерянным взглядом.

А слушать Николая Ивановича было действительно страшно. Со свойственным ему ораторским мастерством, с блестящим умением формулировать свои мысли он признавал, подтверждал, уточнял предъявляемые ему обвинения. И это говорилось не в каком-нибудь потаенном, глухом застенке, а в ярко освещенном зале, публично, перед лицом сотен людей, знакомых, журналистов, корреспондентов. Как было не поверить?

Помню и последнее слово подсудимого, которое Бухарин произносил с полным спокойствием, отчетливо и обстоятельно, опять-таки признавая свою вину. Председательствовавший «знаменитый» Ульрих всем своим видом демонстрировал крайнюю скуку и нетерпение. Наконец перебил:

— Подсудимый Бухарин, нельзя ли покороче.

Это было жутко — торопить человека, произносящего в буквальном смысле последнее слово в своей жизни. А в этом никто не сомневался...

Бухарин остановился и после маленькой паузы ответил:

— Странно. Почему-то вы не торопили прокурора, хотя он говорил здесь весьма многословно и даже цитировал Тацита.

Все это было похоже на какую-то фантасмагорию. И кто возьмется понять и объяснить непостижимую, трагическую, бредовую нелепость того, что говорилось в этом ярко освещенном зале и чему нам предлагалось верить?

...Думаю, что в прошлом любого человека существует что-то такое, о чем он вспоминает неохотно, с досадой, с сожалением, со стыдом. Дорого бы дал такой человек, чтобы в свое время не совершать какого-то поступка. Но, увы... Не течет река времени вспять. Или, как гласит восточная мудрость, сам Аллах не в силах бывшее сделать небывшим.

Сегодня я бы дорого дал, чтобы пятьдесят лет назад, в 1938 году, на страницах «Известий» не появились некоторые мои рисунки. Ни в малейшей степени себя не оправдывая, хочу все же вспомнить, как было дело.

— Надо бы дать в номер карикатуру по материалам процесса,— сказал мне один из руководителей редакции.— Вы ведь были на суде? Слышали, что говорил Бухарин? Наш бывший редактор.

— Слышать-то слышал,— замялся я.— Но...

На меня строго посмотрели.

— Это что за интеллигентское либеральничанье?

— Либеральничанье? — вмешался другой, видимо, более бдительный работник «Известий».— А по-моему, это больше похоже на сочувствие врагам народа. По сути дела, прямое предательство.

...Сегодня я смотрю на эти рисунки с досадой и отвращением. Мне, повторяю, стыдно за них. Как, не сомневаюсь, стыдно большинству из нас, уцелевших в те годы, за многое, что мы тогда делали, и за многое, чего мы тогда не делали. Может быть, мы были слишком запуганы, малодушны? Или слишком верили Сталину?

Мое поколение хорошо знает и помнит все свои вольные и невольные прегрешения. Я лично приношу близким Николая Ивановича Бухарина свои самые искренние и глубокие сожаления. Мне ли не понять их переживания? Разве я сам долгие годы не носил на себе клеймо «брат врага народа»?

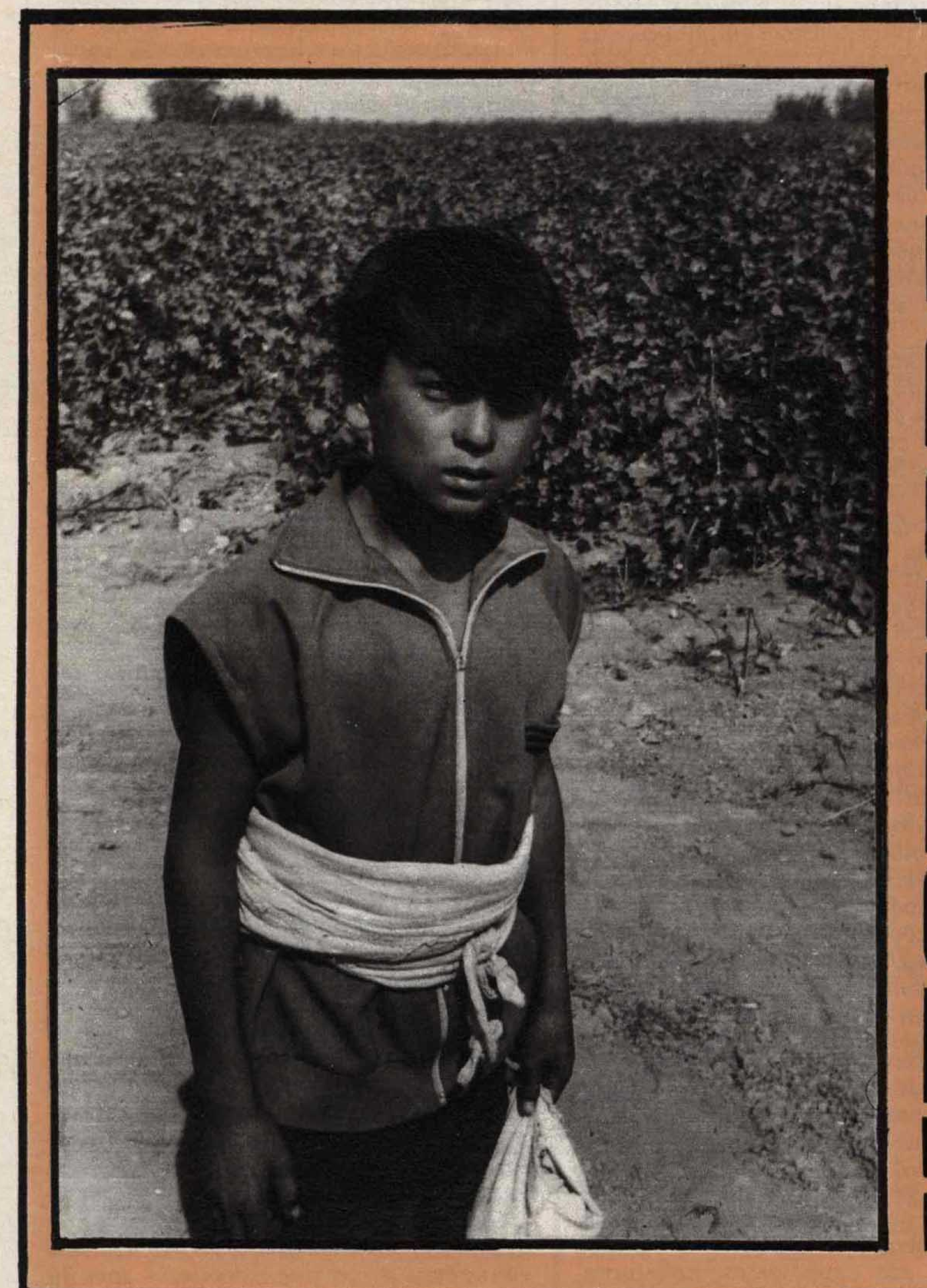
Я знаю — то, что я написал, будет разными людьми воспринято по-разному. Одними — с пониманием, другими — угрюмо или со злорадством. Но при любом отношении, думается мне, главное все-таки в том, что восстановлена наконец справедливость, что восторжествовала правда, что всем безвинно опозоренным, замученным, расстрелянным возвращено их честное имя. Да, это, пожалуй, самое главное.

Бор. ЕФИМОВ

Москва.

ХЛОПКОРАБ

Александр ТРЕПЛЕВ

Это — Дамир. Он сейчас собирает хлопок. Я очень просил его улыбнуться. Он понял. Но не сумел.

Каждое утро все радиостанции Советского Союза сообщали, что уж в этом-то году дети не будут работать на хлопке. Живя в Москве, в это, пожалуй, можно поверить.

Четыре часа в воздухе, еще полчаса на машине — и я с двумя узбекскими писателями (свидетели!) в Среднечирчикском районе Ташкентской области. 30 километров от Ташкента.

Рано, говорили мне, массовая уборка еще не началась. Но я знал, что дети здесь работают всегда, и был уверен — увидим их на поле. Они были на поле при Рашидове, при Усманходжаеве, были в апреле этого года — разве что-нибудь изменилось? (Имею в виду сельское хозяйство Средней Азии.)

15 сентября 1988 года. 14 часов 30 минут. Жара под 40. Одиноко и неизвестно зачем стоящая арка. Из-под нее выходят десятки детей — у каждого фартук для сбора хлопка.

— Ежедневно работаете?

— Нет, каждый день.

Каждый день с 9.00 до 18.00. В прошлом году это продолжалось то ли два, то ли два с половиной месяца — уже не помнят. В этом году? Да что спрашивать. Кончится хлопок — кончится работа. Кончится хлопок — начнется учеба.

Здесь их кормят. Здесь они и спят.

— Что ты сегодня ел, Дамир?

— Утром — масло, хлеб, чай. В обед — гороховый суп, каша.

— А на ужин?

— Так ужина еще не было.

— А вчера что было на ужин?

— Макароны.

«С котлетой»,— добавляет кто-то рядом. Что ж, с котлетой это еще куда ни шло. Хотя... осень, Ташкент — где же овощи-фрукты?

На шоссе, на улицах, на зданиях — многометровые плакаты: улыбающийся человек с полными пригоршнями хлопка. Улыбаются взрослые, собирают дети. Может быть, что-то одно стоит убрать: или плакаты с улиц, или детей с поля?

В другом, тоже не далеком от узбекской столицы районе я забрел в школу — ветхий барак 30-х годов. Жара была страшная. Во дворе малыши пили воду из-под крана. В кабинете, под портретом Ильича, под лампочкой Ильича сидел симпатичный директор. На стене — плакатик с членами и кандидатами Политбюро. Три лица заклеены бумажками. Отогнул бумажки — Кунаев, Ельцин, Соколов.

В четвертом классе я написал на доске «7×8=?». Вызвавшийся мальчик написал ответ: 48. Девушка-десятиклассница на эту же загадку ответила: 54.

РОБОТЫ ОКУПЯТСЯ ЧЕРЕЗ... ПЯТЬ ВЕКОВ ●
ВОЕННЫЙ БЮДЖЕТ — ВОЕННАЯ ТАЙНА? ●
КУДА ЕДУТ «ЮНЫЕ ЖДАНОВЦЫ»? ●

■

Мне 19 лет, и в этот призыв иду в армию. Недавно вызвали в Первомайский военкомат и, кроме прочего, сказали, что каждый призывник обязан подписаться на газету «Красная звезда» на следующий год. «Почему? — спрашиваю.— Я же в армию иду, зачем выписывать, если читать не буду?» Что тут началось!.. Дали мне понять, что я «самый умный», что есть положение, по которому я обязан выписать эту газету, что без меня родители пусть читают. А у нас с потолка деньги не падают.

Скоро мне идти в военкомат на медкомиссию. Там опять будут заставлять подписываться, а если откажусь, то штраф или сто почтовых карточек должен купить.

А. БУЖИНСКИЙ
Курган

■

В журнале «Комсомольская жизнь» опубликовано интервью с В. Е. Семичастным, заместителем председателя Правления Всесоюзного общества «Знание». Материал называется «Незабываемое» и идет под рубрикой «Комсомол: биография в судьбах», поэтому беседа в основном затрагивает работу Семичастного на посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Также мы узнаем из интервью, что Семичастный в свое время предупреждал Брежнева о том, что нельзя назначать Щелокова министром внутренних дел: тот является проходимцем, случайной фигурой в партии. Молодое поколение ничего не знает о Семичастном, и из этой беседы складывается впечатление, что бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ является светлой, незаслуженно забытой личностью.

Об одном факте биографии Семичастного не упоминается в этом интервью. Люди старшего поколения помнят клеветническую кампанию против Бориса Пастернака в связи с романом «Доктор Живаго», и они прекрасно знают, что одним из организаторов травли великого советского поэта был В. Е. Семичастный. Он поносил его последними словами: «Паршивую овцу мы имеем в лице Пастернака», который «взял и плюнул в лицо народу... свинья не сделает того, что он сделал. Он нагадил там, где он ел». По свидетельству посла Б. Панкина, опубликованному в этом году в «Комсомольской правде», В. Семичастный и позже, в 60-е годы, ничуть не раскаивался, что травил Пастернака. И, судя по интервью, ему вообще укорять себя не в чем.

И еще один факт. Прошло несколько месяцев с момента опубликования интервью, но ни одна газета, ни один журнал не высказали свое отношение к беседе в «Комсомольской жизни». Делают вид, что они об этом интервью ничего не знают, или считают, что говорить не о чем, а может, боятся потревожить имя В. Семичастного? Я считаю, что молчание должно быть прервано.

А. СУЛЕЙМАНЯН,
преподаватель обществоведения Московского техникума автоматики и телемеханики

■

Давно собирался написать вам по поводу одного, как мне кажется, важнейшего вопроса, связанного самым непосредственным образом с гласностью. Речь идет о нашем военном бюджете.. Ведь он скрыт от народа! Почему не публикуются данные о закупках и поставках вооружения, о строительстве кораблей, ракет, самолетов? О подобном подробно сообщается в зарубежной печати. Во всех цивилизованных странах существуют парламентские комиссии по делам вооруженных сил. Нам известно, какие острые дебаты происходят там вокруг военных бюджетов. А что знаем мы? Каждый здравомыслящий человек представляет, конечно, что мы тратим немало. Но, во-первых, на что и как тратим? А во-вторых, вполне вероятно, что тратим и куда больше, многих стран в связи с нашим серьезным отставанием в технологии.

Нужно, видимо, говорить и о создании института по связям с Вооруженными Силами, в ведение которого входил бы и вопрос информирования советского народа. Когда наконец Министерство обороны откажется от засекречивания всех и вся сторон собственной деятельности, тогда только можно будет говорить о реальности лозунга «Народ и армия едины».

Г. ИВАНОВ,
пропагандист
Москва

■

Еженедельник «Аргументы и факты» № 37 поместил диаграмму под заголовком «Растет парк автоматов и роботов». В тексте написано: «...за прошлый год в промышленности установлены 403 быстропереналаживаемые гибкие технологические системы, 15 тысяч металлорежущих станков с ЧПУ, 484 роторные и роторно-конвейерные линии, 10 тысяч промышленных роботов». Прочитал я о роботах и не знаю: радоваться или плакать?..

Дело в том, что в «Правде» за 22 августа 1988 года опубликована очень аргументированная статья академика Л. Кошкина «Индульгенция на разорение?», в которой горячо и убедительно говорится о разорительности внедрения в промышленность роботов, гибких производственных систем (ГПС) и обрабатывающих центров. Вот как начинается эта статья: «В 1985 году средний срок окупаемости промышленных роботов за счет дополнительной прибыли составлял в Минавтопроме 38 лет, а в Минтяжмаше — 196 лет. При проверке в 1985 году Комитетом народного контроля СССР 600 внедренных роботов общей стоимостью 10 миллионов рублей оказалось, что годовой экономический эффект составляет... 0,2 процента затрат, срок их окупаемости — 500 лет...»

Академик убедительно доказывает, что создание такой техники «на принципиально изжившей себя основе — это сознательно осуществляемое разорение, уже унесшее миллиарды рублей, по результатам сравнимое с крупнейшими стихийными бедствиями». Однако, замечает автор, конкретных виновников нет, и эта деятельность все еще планируется и продолжается.

Спрашивается: доколе мы будем так хозяйствовать? Странное дело: убеждаемся и широко оповещаем о том, что экономическая эффективность Чебоксарской ГЭС (и не только Чебоксарской!) микроскопически мала, а ущерб от нее огромен, все же с тупым упрямством продолжаем ее строить... Отлично понимаем, что строить в Крыму химические комбинаты, работающие на привозном сырье, и АЭС на тектоническом разломе — преступление, но упорно продолжаем его совершать.

Меня могут назвать ретроградом и обвинить в том, что я против прогресса. Но еще несколько подобных «прогрессивных» шагов, и все... ни прогресса, ни самого человечества. Смешно и глупо кичиться тем, что нас убивает ежесекундно и повсеместно...

В. ФРОЛОВ,
член Союза писателей СССР
Керчь

■

Удивительный трамвай бегает по Москве. Огромными буквами на нем выведено: «Юные ждановцы — XII пятилетке». Нетрудно понять, что сделан этот трамвай из металлолома, собранного юными москвичами.

Молодцы ребята! Но знают ли они, что сегодня тысячи, миллионы людей называют имя Жданова в ряду позорных имен, ставших проклятием нашей страны, имен, за которыми миллионы загубленных судеб?

Гласность открыла многие страшные страницы нашего прошлого, и, наверное, самые страшные из них — преступные действия людей, представлявших верховную власть, находившихся в первых ее эшелонах. Они не только губили народ, но жаждали, чтобы обманутые соотечественники вечно и благодарно их помнили. Во славу свою они называли города, улицы, пароходы, заводы, как бы присваивали добрые дела, волю людей, там живущих и работающих.

Бытует объяснение, что, дескать, накладно менять названия, что замена вывесок обойдется в миллионы рублей и что «ради экономии» это со временем будет сделано «единым махом». Однако следует ли ждать, когда накопится «список», в котором утонет каждое отдельное имя, смажется позор за содеянное? Разве не ясно, что чем громче зазвучит каждый акт такой «гражданской казни», тем больше надежд, что это будет урок на будущее? Следует ли жалеть даже миллионы, чтобы смыть скверну?

В конце концов можно обратиться и к народу. Наверно, даже студенты ЛГУ не откажутся скинуться по полтиннику из своей тощей стипендии, чтобы перестать быть «ждановцами»? А ребятишки и металлолом соберут для этой цели, не так ли? Надо только им объяснить, что к чему. Ведь сегодня кто-то еще убеждает их, что почетно быть «ждановцами», «брежневцами»... А может быть, и «сталинцами»?..

В. ДРАПУШКО,
инженер
Москва

■

В нашей печати крайне редко поднимаются вопросы армейской жизни без прикрас и лакировки, без показухи: Если же случаются попытки (повесть Полякова «Сто дней до приказа»), руководящие чины заявляют, что такие произведения мешают перестройке в армии. К сожалению, застойные явления еще не редкость в армейской среде.

Мы хотим рассказать о том, что волнует нас, да и не только нас, а и тех офицеров, которые находятся в таком же положении, как и мы.

Окончив училище и начав служить в войсках в должности командира взвода, мы пришли к выводу, что ошиблись в выборе профессии и занимаем чужое место. Поэтому и написали рапорта с просьбой уволить нас из рядов ВС СССР, чтобы приносить пользу в народном хозяйстве. Совсем недавно пьяниц и разгильдяев выгоняли из армии, а офицеров, которые не желали служить, но не совершали при этом никаких проступков, не имели взысканий, не увольняли. И из части в часть по всему Советскому Союзу годами мотались офицеры, не нашедшие себя, занимающие чужое место, тяготящиеся службой и не приносящие никакой пользы. От безысходности, обреченности многие начинали пить, не выходя неделями на службу. В финале — суд офицерской чести, исключение из партии, комсомола и увольнение из рядов Вооруженных Сил. Эта традиция стала законом, и даже порядочный, честный человек и коммунист уходил из армии запятнанный и озлобленный.

Это было в печально известные времена — годы периода застоя. А сейчас? Сейчас, в эпоху демократизации и гласности, мы уже полгода ждем решения нашего вопроса, не получая никаких известий. Но зато: задержано на два месяца присвоение очередного воинского звания без всяких причин, слышны угрозы об исключении из партии, есть попытки составить отрицательные характеристики по указке сверху и раздаются посулы всяческих благ при условии, если заберем рапорта обратно. Не совершив никаких проступков, в глазах командования училища мы стали настоящими преступниками.

Что же это — угар эпохи застоя или просто обычный бюрократизм армейских чиновников? Где же перестройка в армии?

А. МАРЦЕНЮК, В. ЮНАК,
старшие лейтенанты
Одесса

■

Свою статью «Ответственность перед правдой», опубликованную в журнале «Молодая гвардия» № 8, Николай Зайцев заканчивает вопросом, сформулированным еще М. Горьким: «С кем вы, мастера культуры?» В самом вопросе уже содержится водораздел между двумя позициями. Какова же позиция самого Зайцева? Позволю лишь одну цитату из его статьи: «...нельзя не оценивать получившие распространение односторонние негативные высказывания о деятельности Сталина как серьезный шаг назад по сравнению с тем, что было достигнуто за послевоенные десятилетия». По мнению Н. Зайцева, «в последнее время некоторые деятели культуры вновь поднимают проблему культа личности, делая вид, будто не существовало XX съезда партии и постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» (от 30 июня 1956 г.)».

Мне непонятно, почему только «некоторые деятели культуры» подняли этот вопрос, который интересует каждого советского человека? Не пересказывая полностью содержания статьи, скажу сразу, что она требует немедленно прекратить «углублять оценку деятельности Сталина». Позиция знакомая, не правда ли? В стиле Нины Андреевой. Также содержатся ссылки на произведения классиков марксизма-ленинизма, на выступления Генерального секретаря ЦК КПСС. Цитаты, вырванные из контекста, чему многие научились в годы застоя, у Зайцева выступают в качестве основных доказательств. Правда, ему иногда изменяет чувство меры и он использует «шедевры» культа Брежнева. Например, «Нельзя... забывать, что советские люди знали Сталина как человека, который выступает всегда в защиту СССР от происков врагов, борется за дело социализма» («Правда», 1979, 21 декабря).

Кто же стоит по другую сторону? По мнению Н. Зайцева, все, кто раскрыл реакционную сущность сталинизма больше, чем это было сделано на XX съезде. Я их выписал из статьи Зайцева: «Новый мир», «Огонек», «АиФ», «Литературная газета», «Московские новости». Писатели, поэты, ученые, журналисты: А. Бек, М. Булгаков, Ю. Буртин, Н. Гумилев, Е. Евтушенко, В. Кондратьев, И. Минц, В. Набоков, А. Нуйкин, Б. Окуджава, А. Самсонов, А. Рыбаков, А. Платонов, М. Шатров. Комментировать данный список не вижу смысла. Поэтому мне хочется свое письмо закончить тоже вопросом: «С кем вы, Николай Зайцев, с кем вы, редколлегия «Молодой гвардии»?

В. КРАСИЛЬНИКОВ,
военнослужащий
Хабаровск

■

Работаю я в коллективе симфонического оркестра Ленинградской государственной филармонии с 1978 года. Поступив в филармонию, я почти сразу с коллективом оркестра выехал на гастроли в Японию. В поездке и после нее не имел ни единого замечания дисциплинарного характера. Однако при последующих оформлениях коллектива на гастроли мне было отказано в выезде за границу. Далеко не сразу мне удалось встретиться с тогдашним секретарем Куйбышевского райкома партии, чтобы выяснить причину отказа. Разговор был короткий: «Пока я здесь, вы никуда не поедете».

Времена изменились. Сейчас новый порядок оформления выездных документов. Моя характеристика обсуждалась на общем собрании коллектива и получила единогласное одобрение. Однако несмотря на решение коллектива, выездная комиссия вновь отказала мне в участии в гастролях. Директор филармонии в обкоме получил ответ: «Скажите ему просто, что инстанция отказала». Три дня я пытался добиться приема в отделе культуры обкома партии. Наконец после долгих хлопот мне удалось встретиться с и. о. заведующего отделом культуры, который сказал, что нет никаких препятствий моему выезду за рубеж в порядке туризма и в гости, но в качестве артиста филармонии я выехать на гастроли не могу, поскольку якобы имеются документально подтвержденные сведения о том, что я намереваюсь остаться за границей.

Вот так неожиданность, представьте мое состояние... Но хотя бы выяснилось, откуда ветер дует. Никогда я не давал повода для таких высказываний, никогда не подавал документы для выезда, об этом можно справиться в ОВИРе. Не зная меня, комиссия на основе неизвестных заключений делает выводы, порочащие меня как человека и как артиста. Что, опять доносы, анонимки, клевета? А как же мнение коллектива? Где же логика? Как частное лицо, получается, я могу выезжать. А как член коллектива филармонии... Вот тут обком меня охраняет... Или себя?

Г. САНИЦ
Ленинград

■

Уже много лет существует практика привлечения студенчества на строительные и сельхозработы. Для нас, студентов физико-технического факультета, поворотным моментом в отношении к данному вопросу стала осень прошлого года. Судите сами. Большая часть студентов на два месяца была оторвана от занятий. Однако реальный фронт работ не был обеспечен. Чем только не пришлось заниматься, красили даже строителям вагончики. Зато деньги получили, галочку поставили: считается, что университет внес свою лепту.

После такой «работы» комсомольское собрание факультета решило отказаться от подобных выездов в учебное время за исключением случаев стихийных бедствий. Постановление февральского (1988 г.) Пленума ЦК партии подтвердило нашу правоту: «ЦК КПСС считает недопустимым отвлечение в учебное время студентов и учащихся на различные работы и мероприятия, не связанные с учебным процессом». Но тем не менее и в этом учебном году ничего не изменилось. Первый курс (а первокурсникам особенно трудно «догонять» программу) уже выехал в Херсонскую область, сейчас университет посылает студентов II—V курсов (у нас обучение 5,5 года) на сельхозработы. Помня о решении прошлого комсомольского собрания, зная постановление Пленума ЦК, имея информацию о необеспеченности фронта работ у нынешнего первого курса, большинство студентов высказались за продолжение учебы. Однако под давлением администрации большая часть, правда, позже, но все-таки выехала, а остальные обеспечили себя оправдательными документами.

Оказывается в августе этого года Совет Министров Украины принял решение (№ 237) о том, что студенты всех курсов, исключая последний, должны с сентября отправляться на сельхозработы. Дальше, естественно, все пошло по инстанциям, в результате — приказ ректора. Поведение администрации не кажется нам удивительным, она стремится выполнить указания, поступившие сверху.

Безусловно, урожай надо спасать, и в реальной критической ситуации мы, уверяем, всегда готовы прийти на помощь нашему сельскому хозяйству. Но возникает несколько вопросов. Почему спасать урожай требуется каждый год? Что делает наш Госагропром? Почему именно мы, студенты, должны латать прорехи в его работе? И потом, наконец, какое же решение принято правильно: решение ЦК партии или Совмина Украины? Нам кажется, что принудительное привлечение студентов несовместимо с новыми методами хозяйствования и с понятием правового государства.

И если уж без помощи студентов наше сельское хозяйство обойтись не может, то вопрос этот, на наш взгляд, должен решаться иначе. А именно: нужно организовать работу по принципу стройотрядов на добровольных и договорных началах. Пусть студенты сами решают: ехать в село или самостоятельно заниматься, а в селе подумают, как их разумнее использовать и к тому же заинтересовать материально. Это будет хорошим стимулом и для тех и для других. А нецелесообразно ли в таком случае начинать учебу в вузах на месяц позже, если студентам из года в год приходится выручать агропром?

А. ГРИНЕНКО, А. ШРАМКОВ,
студенты Харьковского государственного университета

■

В «Огоньке» № 40 за 1987 год опубликована статья В. Лейбовского «Бесповоротно!», посвященная главным образом деятельности Института водных проблем АН СССР и его директора члена-корреспондента АН СССР Г. В. Воропаева в связи с широко нашумевшей проблемой переброски части стока северных и сибирских рек, так называемого «проекта века». Вопрос об ответственности руководства Института и Отделения океанологии, физики атмосферы и географии АН СССР поставил в статье «Застойные зоны» член-корреспондент АН СССР А. С. Монин (журнал «Новый мир», 1988, № 7). Писатель С. Залыгин в журнале «Молодой коммунист» № 7 за 1988 год опубликовал статью «Экология нравственности», где еще раз напомнил о том, что крупнейшие ученые Академии наук СССР обнаружили в проектах переброски факты фальсификации и подгонки.

Неужели Президиум АН СССР не заметил этих статей, как не заметил и других материалов на эту тему в центральной печати?

Правда, по одному вопросу из множества поднятых Президиум АН СССР прореагировал. Бюро Отделения океанологии, физики атмосферы и географии АН СССР 3 июля сего года освободило Г. В. Воропаева от должности директора Института водных проблем АН СССР, но освободило... «по собственному желанию» и с объявлением ему благодарности! Президиум АН СССР это решение утвердил.

А в Институте водных проблем, по сути дела, ничего не изменилось. Формально объявлен конкурс на вакансию директора. Г. В. Воропаев высказал мнение, что преемник продолжит начатое им дело в прежнем духе. Вероятно, так и будет, поскольку деятельность самого Г. В. Воропаева отмечена благодарностью.

Гласность нужна не только для удовлетворения нашей любознательности, но и для того, чтобы выявлять ошибки, нарушения норм социальной справедливости, злоупотребления, преступления, наконец. И главное — на основе гласности принимать самые действенные меры для исправления допущенных ошибок. К сожалению, порой до этого далеко. Пример — история с Институтом водных проблем АН СССР.

В заключение — о себе. Я работал в Институте водных проблем АН СССР с момента его образования с 1968 по 1984 год заведующим сектором и старшим научным сотрудником. С 1971 по 1979 год был секретарем партийного бюро Института.

Г. ШУПЛЕЦОВ
Москва

■

Недавно в вашем журнале писалось о поездке моего мужа Вагиза Хидиятуллина во Францию, и даже были затронуты некоторые финансовые вопросы в связи с его работой в клубе «Тулуза». Сейчас Вагиз во Франции. Я с детьми задержалась в Москве, пытаясь решить квартирный вопрос.

Четыре года мы с двумя детьми живем в однокомнатной 19-метровой квартире. Однажды я уже собрала все документы, чтобы встать на очередь по месту жительства, но в это время Вагиз возвратился в «Спартак», и начальник команды Н. П. Старостин пообещал, что получим мы квартиру по месту работы как остро нуждающиеся. Главное, добавил он,— хорошо играть. И действительно, в списке очередников мы были первыми. В течение этих трех лет порядок предоставления площади нарушался, другие игроки получали ордера и вселялись в новые квартиры, а мы все так же оставались в списке под первым номером.

Чтобы создать мужу хоть какие-то сносные условия (он играл за клуб и сборную страны), мне приходилось спать в кухне на полу, старшего сына оставлять в саду в ночной группе, а с младшим, грудным, если он рано просыпался и плакал, я шла гулять в пять часов утра, чтобы Вагиз смог выспаться до тренировки.

Забегая вперед, скажу, что вскоре пошли разговоры о том, что мы слишком привередливы, никак не выберем себе квартиру, хотя посмотрели уже несколько. Да, нам действительно предлагали 4 или 5 квартир. Не буду подробно описывать наши хождения, расскажу о последнем предложении. Когда Вагиз был на чемпионате Европы, администрация «Спартака» подобрала нам квартиру. Они сами уже ее посмотрели и решили, что эта квартира очень хорошая, если и она не подойдет, то больше и говорить не о чем. И вот, получив уже ордер, я отправилась на смотрины. Трехкомнатная 48-метровая квартира, хороший район. И что же я вижу? (Я — потому что Вагиз уже улетел в Тулузу.) Окно одной из комнат, скорее всего детской, выходит на заасфальтированный забор, образованный крышей магазина, расположенного внизу, крышей, построенной не плоско, а загнутой кверху настолько, что не видно ни неба, ни дороги. Прямо из окна я вышла на крышу, на которой могут играть, если не выпадут на дорогу, дети. А во время нашего пребывания во Франции спартаковские фанаты или просто желающие могут не только изучить наше жилье, но и поселиться в нем. Остальные окна выходят на трамвайные пути. Добавляю, что дом заселен уже больше года и, как выяснилось из разговора с жильцами, в эту квартиру никто въехать не пожелал. Я все-таки решилась вернуть ордер. Руководители возмутились и заявили, что перед отъездом во Францию надо въезжать в любую квартиру, а уже потом покупать другую. Через несколько дней я с детьми вылетаю к мужу. Можно считать, что проблема с жильем отпала сама собой. На целых два года, ровно столько будет играть в «Тулузе» Вагиз.

Что же заставило меня написать это письмо в самые последние дни перед вылетом? 21 июля в газете «Советский спорт» я прочитала заметку «Наш человек в «Тулузе», где много теплых слов сказано об игре Вагиза Хидиятуллина уже за клуб «Тулуза». Само слово «наш» вернуло меня к реальности. В самом деле, ведь мы — «наши» и едем работать во Францию в качестве «наших», принося пользу не только футболу, но и немалые деньги Госкомспорту. Откуда же к нам такое отношение как к чужакам?

С. ХИДИЯТУЛЛИНА

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

КОМАНДНО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ОЧЕНЬ МНОГОЕ ИЗУРОДОВАЛИ В НАШЕЙ ЖИЗНИ, В ТОМ ЧИСЛЕ — ЖИЗНИ ЛИТЕРАТУРНОЙ.
СЕЙЧАС, КОГДА ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ ОБМЕНИВАЮТСЯ УПРЕКАМИ В РАЗОБЩЕННОСТИ, В НЕЖЕЛАНИИ СПЛОТИТЬСЯ, СТОИТ ЗАДУМАТЬСЯ НАД ТЕМ, КАКИМ ОБРАЗОМ СОЗДАВАЛАСЬ И ВЫЗРЕВАЛА НАХОДИВШАЯСЯ ВНЕ КРИТИКИ ЧАСТЬ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ, КТО РАЗВОДИЛ ПО РАЗНЫМ ЭТАЖАМ И УГЛАМ СОВЕТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФРОНТ. МНОГИЕ НАШИ СЕГОДНЯШНИЕ СПОРЫ — СИМПТОМЫ СТАРЫХ БОЛЕЗНЕЙ. СЕГОДНЯ, В ЭПОХУ ГЛАСНОСТИ, ПОЯВИЛАСЬ ВОЗМОЖНОСТЬ НАЗВАТЬ МНОГОЕ, ЗАГЛЯНУТЬ В ЗОНЫ, КОТОРЫЕ В ТЕЧЕНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЙ БЫЛИ СКРЫТЫ ЗА ДЫМОВОЙ ЗАВЕСОЙ СПЛОШНЫХ ПАНЕГИРИКОВ.
МЫ ПОЛУЧАЕМ МНОЖЕСТВО ПИСЕМ ОТ ЧИТАТЕЛЕЙ, НЕДОВОЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНОЙ СИТУАЦИЕЙ, СЛОЖИВШЕЙСЯ В ГОДЫ ЗАСТОЯ. ВРЯД ЛИ МОЖНО СОГЛАСИТЬСЯ С Ю. БОНДАРЕВЫМ, НАЗВАВШИМ ЭТУ СИТУАЦИЮ «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ» И ВЫЯСНЯВШИМ, КТО ПОСМЕЛ ПОСЯГНУТЬ НА УСТАНОВЛЕННУЮ ТАБЕЛЬ О РАНГАХ. СЕГОДНЯ САМОЕ ВРЕМЯ СПОКОЙНО ДОБРАТЬСЯ ДО ИСТИНЫ И В ЭТОЙ СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ. НЕ МЫ ПЕРВЫЕ ГОВОРИМ ОБ ЭТОМ. ВОПРОСЫ ТИРАЖНОЙ ПОЛИТИКИ, НАПРИМЕР, ГОРЯЧО ОБСУЖДАЛИСЬ В «ИЗВЕСТИЯХ» И «КНИЖНОМ ОБОЗРЕНИИ», «ДРУЖБЕ НАРОДОВ» И «МОСКОВСКОМ ЛИТЕРАТОРЕ», ДРУГИХ ИЗДАНИЯХ.
КОНЕЧНО, НАДО СПОКОЙНО ВГЛЯДЕТЬСЯ В ФАКТЫ. НИКОИМ ОБРАЗОМ НЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЯЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИ И ТВОРЧЕСКИ ОДНУ ГРУППУ ПИСАТЕЛЕЙ ДРУГОЙ, МЫ ХОТИМ ЛИШЬ ВОСПРОИЗВЕСТИ РЕАЛЬНУЮ КАРТИНУ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ МЕЖДУ НИМИ ДЕФИЦИТНОЙ БУМАГИ. БОЛЕЕ ТОГО, НЕ СОМНЕВАЯСЬ В ЦЕННОСТИ МНОГИХ НАЗВАННЫХ В СТАТЬЕ КНИГ, МЫ НЕ МОЖЕМ НЕ ПОРАЖАТЬСЯ НЕДАВНО ЕЩЕ САМО СОБОЙ РАЗУМЕЮЩЕЙСЯ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ОДЕРЖИМОСТЬЮ В ТИРАЖИРОВАНИИ ОДНИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ЗАБВЕНИИ ДРУГИХ, НЕ МЕНЕЕ, А ИНОГДА И БОЛЕЕ ЦЕННЫХ (ПРИ ВСЕЙ УСЛОВНОСТИ ПОДОБНОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ — НО ВЕДЬ ОБСУЖДАЕМАЯ ПРОБЛЕМА ВОЗНИКЛА ИМЕННО В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ).
ОЗНАКОМИВШИСЬ С ИССЛЕДОВАНИЕМ В. ВИГИЛЯНСКОГО, ДАВНО УЖЕ ЗАНИМАЮЩЕГОСЯ ВОПРОСАМИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ТИРАЖИРОВАНИЯ, МЫ СОЧЛИ ВОЗМОЖНЫМ ПРЕДЛОЖИТЬ РЕЗУЛЬТАТЫ ЕГО АНАЛИЗА ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ. ПОКАЗЫВАЯ ИЗДЕРЖКИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКИМ СПРОСОМ, МЫ ПРЕДЛАГАЕМ СОВМЕСТНО ПОРАЗМЫСЛИТЬ О ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ БУМАЖНОГО ДЕФИЦИТА И ДЕФИЦИТА ДОВЕРИЯ.

«ГРАЖДАНСКАЯ В ЛИТЕРАТУРЕ, ИЛИ О ТОМ, КАК ПОМОЧЬ ЧИТАТЕЛЮ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА

Владимир ВИГИЛЯНСКИЙ

Увсех на памяти заявление писателя Ю. Бондарева: сейчас-де в литературе происходит «гражданская война», некий враг дошел чуть ли не до Волги, и вот-вот грянет Сталинградская битва. Эту метафору с удовольствием подхватили еще несколько литераторов, а недавно в интервью журналу «Наш современник» Анатолий Иванов развил эту тему: «Атаке подвергаются не просто те или иные авторитеты, но и позиции, которые за ними стоят...»

По А. Иванову, современная литературная ситуация выглядит так: по одну сторону баррикад — силы, отстаивающие своим творчеством «социальную нравственность» и наш социалистический строй, а по другую — те, кто посредством «новой», «другой» правды расшатывает и эту нравственность, и этот строй. К первым он причисляет Г. Маркова, П. Проскурина, М. Алексеева, Г. Коновалова, Л. Леонова, Л. Кокоулина, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина и, конечно, себя. К писателям, в чьих произведениях «буйствует стихия разрушения» и «раскачивается» «социальная нравственность», он отнес Н. Гумилева, О. Мандельштама, В. Набокова, Б. Пастернака, А. Рыбакова, А. Бека, Д. Гранина, В. Дудинцева, А. Приставкина.

С раздражением говорит А. Иванов о повсеместном читательском интересе к этой группе авторов, которых он презрительно окрестил «возвращенцами».

Нуждается в комментарии и простодушное недоверие писателя к мощи социалистического строя, который, как он считает, легко расшатается при столкновении с... правдой; и почти нескрываемая ревность к читательскому успеху своих собратьев. Можно было бы вспомнить другие высказывания Иванова, например, его попытку опорочить реабилитацию видных деятелей прошлого, приписав им нарушение уголовного законодательства, или его рассужде-

ния об истоках «вредительства» в нашем обществе. Но я не буду этого делать — о подобного рода «манифестах» достаточно сказано 5 апреля в «Правде».

Мне важно лишь отметить во всех этих разговорах о «гражданской войне» пронизывающий их панический страх перед надвигающейся бурей.

И дело даже не в том, что терпит крах система взглядов на наше государство как на тоталитарную державу, не допускающую в своем развитии демократических преобразований,— в конце концов, если «сверху» прикажут, этими взглядами даже можно и поступиться (ведь вольно было некоторым из этих литераторов в 60-е годы клеймить Сталина, в 70-е — прославлять его, а в наши дни — опять от него отрекаться). Дело в том, что уходит из рук власть, высокие должности, влияние, награды, премии, лауреатские значки, наконец, гонорары.

На страницах «Книжного обозрения» (№ 23) сотрудница Центрального бибколлектора, обслуживающего 850 московских библиотек, поведала о том, в каких именно книгах нуждаются читатели. Если на роман «Дети Арбата» А. Рыбакова библиотеками была сделана заявка на 2200 экземпляров, то на роман «Вечный зов» А. Иванова — 110; на «Новое назначение» А. Бека и «Белые одежды» В. Дудинцева — по 1000 заявок, а на «Соль земли» Г. Маркова — 180; на «Отблеск костра» Ю. Трифонова — 1100, а на «Горькие травы» П. Проскурина — 300; на «Избранное» Б. Окуджавы — 820, а на Л. Кокоулина — 68; на Б. Можаева — 880, а на В. Поволяева — 120.

Нет, нерадостно некоторым нашим литературным деятелям от этих, как они говорят, «разрушительных» процессов. И чем выше на чиновничьей лестнице стоял подобного рода литератор в последние два десятилетия, тем громче он ныне высказывает недовольство современной литературной ситуацией, тем чаще после дежурных слов о нужности перестройки и гласности у него срываются с языка коварные, изобличающие этого деятеля словечки «но» и «однако».

Со словом «перестройка» сладить еще как-нибудь можно — слишком уж оно многоликое, многослойное. При желании и втиснуть в него можно всякое. А вот что делать с «гласностью»? Почти за любыми поползновениями дискредитировать ее, заглушить, кивая на «соображения высшего порядка»,— боязнь разоблачения.

К примеру, заглянет какой-нибудь чудак любопытный в картотеку Библиотеки имени В. И. Ленина и захочет сравнить, сколько было издано книг, скажем, у М. Алексеева и у А. Битова, у А. Иванова и у Б. Можаева, у И. Стаднюка и у Б. Окуджавы, у А. Чаковского и у Ф. Искандера, у А. Калинина и у В. Белова, у Ю. Бондарева и у В. Маканина, у Г. Гулиа и у В. Дудинцева. С уверенностью можно сказать, что он поразится чудовищной диспропорции в тиражах и количествах изданий. Если у одной группы писателей количество изданий на русском языке колеблется от 75 до 115, то у другой это колебание будет в пределах от 12 до 35. Разрыв от Битова до Стаднюка в 50 книг и от Белова до Бондарева в 75 книг объясняется очень просто: в первой группе находятся писатели, которые были облечены властью, в другой — не имевшие этой власти.

Или захочет этот чудак проверить заявление А. Иванова о том, что В. Кочетова «вспоминают-то теперь, чтобы лишний раз «лягнуть», как мертвого льва», и что «о переиздании его книг и речи не заходит».

Что же он увидит? А увидит он то, что Иванов его опять ввел в заблуждение: с 1980 по 1988 год у В. Кочетова вышли 22 книги (2547 тыс. экз.), в том числе трехтомник (1982), шеститомник (1987), 10 изданий романа «Журбины» (1390 тыс.), что за это же время опубликованы две монографии о его творчестве, а совсем недавно — книга воспоминаний о нем. Или решит этот чудак воочию убедиться в факте, сообщенном Ивановым, что Гумилев, Мандельштам, Набоков и Пастернак издаются у нас миллионными тиражами. Действительно, говорят сейчас о них много. Может быть, правда — миллионы? Но и здесь его постигнет разочарование: пока выходили 22 издания Кочетова и 25 изданий (9 из них — двухтомники и 1 четырехтомник) самого Иванова (около 10 млн. экз.), у Гумилева вышла одна небольшая книжечка (Библ. «Огонек», 150 тыс.), у О. Мандельштама — 1 (65 тыс.), у Б. Пастернака — 7 (740 тыс.), у В. Набокова пока вообще нет ни одного отдельного издания в нашей стране.

Но за одно лишь пятилетие — с 1981 по 1985 год, как утверждает социолог С. Шведов на страницах «Вопросов литературы», Ю. Бондарев издавался 50 раз (5868 тыс. экз.); Г. Марков — 32 раза (4129 тыс.); П. Проскурин — 21 раз (2615 тыс.); С. Сартаков — 15 раз (849 тыс.); А. Чаковский — 40 раз (3901 тыс.).

К сожалению, за всей этой кропотливой цифирью не видны весьма существенные нюансы, которые очень многое объясняют в истинных причинах разговора о «гражданской войне» и в механизме литературной политики последних десятилетий. Сами по себе миллионные тиражи и многочисленные переиздания ничего плохого в себе не таят.

Но это в том случае, когда сам читатель своим же рублем определяет, что и сколько ему читать. Жаль, что в прошлые десятилетия читатель был практически отлучен от решения этой своей частной проблемы и за него решали, что и сколько издавать, чиновники Госкомиздата и начальство Союза писателей (по сути дела, искусственно создававшие дефицит на лучшие книги современных авторов и писателей прошлого). И проблема распределения тиражей и изданий между авторами приобретает в этом контексте характер хорошо продуманных действий.

Чтобы хоть примерно представить, как конструировалась история современной литературы, достаточно взглянуть на распределение между прозаиками выпусков популярной «Роман-газеты». Здесь, как в капле воды, отразилась издательская политика прежних лет. Об этом «Огонек» писал еще в прошлом году.

Напомню эти цифры. А. Чаковский — 21 выпуск, В. Кожевников — 15, С. Сартаков — 13, С. Бабаевский — 13, П. Проскурин — 12, В. Кочетов — 10, Г. Марков — 9, Ю. Бондарев — 9, М. Алексеев — 9, А. Иванов — 9, И. Стаднюк — 8, М. Бубеннов — 8.

И для сравнения: Ф. Абрамов — 3, В. Белов — 3, В. Тендряков — 3, Г. Бакланов — 2, Ю. Нагибин — 2, В. Солоухин — 2, Е. Носов — 2, А. Рыбаков — 2, Г. Троепольский — 1, С. Антонов — 1, Ю. Трифонов — 1. Только после смерти были удостоены по одному выпуску такие писатели, как В. Шукшин, В. Семин, Ю. Казаков, К. Воробьев. Ни разу не печатались в «Роман-газете» М. Булгаков, И. Бабель, М. Зощенко, А. Платонов, В. Каверин, А. Яшин, Б. Можаев, Ф. Искандер, В. Лихоносов, В. Конецкий, В. Маканин, Б. Окуджава, А. и Б. Стругацкие, В. Кондратьев, А. Битов, Ю. Давыдов, Т. Пулатов, О. Волков, А. Злобин, И. Грекова, Б. Васильев, Ч. Амирэджиби, Ч. Гусейнов, А. Ким, Г. Матевосян... Практически весь цвет нашей прозы оказался в загоне.

Зато за последние два десятилетия печатались там, иногда по нескольку раз, романы и повести А. Блинова, И. Бойко, Ю. Бородкина, М. Горбунова, М. Домогацких, Н. Никонова, С. Пестунова, А. Побожего, М. Соколова, А. Стрыгина, В. Серикова, Ю. Слепухина, Ю. Убогого, И. Уханова, А. Филева, П. Халова, С. Цвигуна, А. Шелудякова...

Ссылаясь на постоянное отсутствие бумаги, Госкомиздат создал специальный отдел по координации выпуска книг в издательствах, чтобы устранить «параллелизм и дублирование изданий». Со временем оказалось, что направлена эта «забота» исключительно на «рядовых» писателей. Мало того, он стал зорко следить, чтобы никто из них не выпускал в один год разные книги в разных издательствах. Что же касается писателей, причисленных к особой касте «неприкасаемых», им, наоборот, всеми способами создавался «режим наибольшего благоприятствования».

Посудите сами: роман «Горячий снег» Ю. Бондарева выходил по два раза в год в 1970, 1974, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1984, 1988 годах; по три раза в 1982, 1983, 1985 годах; пять раз — в 1986 году (всего 38 изданий, около 8 млн. экз.). Его же роман «Берег» по два раза выходил в 1975, 1977, 1979, 1982 годах; по три раза — в 1985, 1986 годах (18 изданий, более 4 млн. экз.). Роман А. Иванова «Вечный зов» дважды печатался в 1971, 1972, 1987-м; трижды — в 1974, 1978-м; четыре раза — в 1986 году (21 издание — I том и 15 изданий — II тома).

Моему любопытному чудаку можно было бы показать вообще уникальные две книги, вышедшие в «Молодой гвардии» в 1978 году. Обе были сданы в один и тот же день в набор, только одна подписана к печати в январе, другая — в феврале. Название у этих книг одно и то же — «Горячий снег», да и автор один — Ю. Бондарев. Шрифт, макет — все повторяется, даже художники одни и те же. Лишь обложки немного разные. Та, что вышла в «Библиотеке Победы», интересна тем, что фамилия одного из членов редколлегии этой серии та же, что и на обложке книги. Этот случай действительно уникальный. Обычно этот автор, как, впрочем, и другие начальники, чтобы не слишком маячить своей фамилией в столице, любит издаваться в других городах. Бондарев, например, помимо центральных издательств, выходил, и иногда по нескольку раз, в Ставрополе, Волгограде, Казани, Калининграде, Новосибирске, Ташкенте, Йошкар-Оле, Кишиневе, Петрозаводске, Минске, Элисте, Барнауле, Ленинграде, Баку, Воронеже, Краснодаре, Харькове, Таллине.

Обладая монополией на издание и продажу книг, Госкомиздат с помощью тех, кого он кормил и кто, в свою очередь, его поддерживал на протяжении последних десятилетий, мог совершенно свободно, бесконтрольно и безнаказанно манипулировать книжной политикой: печатать одних и не печатать других, организовывать дефицит, постоянно повышать цены на книги и т. д. Больше всего страдал при этом читатель. Долг перед ним у наших книгоиздателей накапливался из года в год, пока не наступил такой момент, когда практически любая нужная книга стала недоступной.

Мало того, читатель наш даже с радостью воспринял введение в 1974 году карточной системы на книги. Я имею в виду «эксперимент», связанный с получением талона на книгу повышенного спроса в обмен на дотацию государству «натурой» в виде 20 килограммов макулатуры.

Эта уникальная, не имеющая аналогии в отечественной и мировой экономике ситуация стала у нас обыденным мероприятием. Рабское, зависимое положение читателя от Госкомиздата усугублялось еще и тем, что, принимая это колоссальное вспомоществование, эта организация не давала возможности человеку, рыскавшему по помойкам, копившему месяцами газеты, за свои 20 килограммов макулатуры свободно выбирать себе даже из специального, составленного Госкомиздатом списка литературы. Нет нужды говорить, что список этот обсуждался за закрытыми дверями и ни к чьим голосам, требующим допустить читателей к обсуждению этого списка, там не прислушивались. Именно это обстоятельство позволяло Госкомиздату выпускать за счет дотаций книги или не пользующиеся повышенным спросом, или те издания, которые он обязан ежегодно печатать из просветительских целей (произведения А. Фадеева, Н. Островского, А. С. Пушкина, С. Есенина, А. П. Чехова, О. Бальзака, Т. Драйзера и др.). Высвободившаяся таким образом бумага шла на издание небольшой группы писателей.

Всего за два с лишним десятилетия полиграфическо-экономическое ведомство (именно с этой целью оно создалось в 1963 году) превратилось в литературное министерство, делающее погоду в писательском мире. С годами, прибрав в свои руки практически всю власть над читателями и писателями, оно выработало четкие принципы, по которым сортировало писателей по рангам: одному — «Избранное», другому — трехтомник, третьему — пятитомник; одного — издавало минимальным тиражом, другого — стотысячным, третьего — миллионным.

Сегодня Госкомиздат своим волевым решением отменил печатание собраний сочинений. Действительно, зачем? Ведь все начальники уже получили сполна, а кто не имел даже двухтомника (смотри список не издававшихся в «Роман-газете»), те опять остались выброшенными за борт.

Госкомиздат почти полностью лишил каких бы то ни было прав издательства, вмешиваясь в их кадровые вопросы, навязывая им «свою» литературу и изымая из планов неугодную. Еще совсем недавно это литературное министерство составляло секретные, «для служебного пользования», списки, куда входили писатели, которых издавать вообще не следовало. Тщательно продуманной тиражной политикой оно конструировало свою историю литературы, из которой изымались десятки писателей, другие если и печатались, то настолько мало и ничтожным тиражом, что до своего читателя не доходили. Оно создало постыдное для нашего могучего государства понятие «самиздат». В списках ходили именно те произведения, которые ныне щедро публикуют наши журналы.

Зато оно подкармливало целый разряд сочинителей, облеченных даже незначительной властью.

Один из бывших ответственных работников Госкомиздата — Ю. Идашкин — в газете «Книжное обозрение» (1987, № 8) перечислил «качественный» состав этих писателей-чиновников, пользующихся преимущественным положением перед другими авторами. В первую очередь — это секретари СП

СССР и республиканских союзов, затем — главные редакторы журналов и директора издательств, после них — руководители местных писательских организаций и замы главных редакторов. Именно эти люди были освобождены от печатной критики, именно им Госкомиздат предоставлял безграничные возможности для своего собственного, на этот раз — официального, «самиздата».

Что же говорить о положении «просто автора»? Чтобы издать небольшую рукопись стихов или прозы, он должен ждать как минимум — три, максимум — 10 лет. Тираж он получает мизерный, гонорар платят по самой низшей ставке. Еще совсем недавно его рукопись сначала рассматривалась двумя-тремя рецензентами, затем, если она была рекомендована к печати, на нее писал отзыв член редсовета, потом давал письменное заключение редактор, после этого читал заведующий отделом, нередко замыкал эту издательскую цепочку главный редактор или один из его заместителей. И это еще не все. Готовая к печати рукопись шла в Главлит. По дороге туда она могла завернуть на «черный» отзыв в Госкомиздат.

Система преград на пути рукописи к книге неизбежно создавала и сложную систему запретов. Причем на всех этих этапах мотивом отказа печатать рукопись могли послужить самые неожиданные причины. В конце концов эта система запретов создала такие условия, когда любую рукопись можно было отвергнуть.

Сама жизнь создавала «питательный бульон» для разрастания мафиозных отношений: ты мне рецензию в этом издательстве, я тебе — в другом; ты замолвишь словечко, чтобы меня вставили в план, я за это похлопочу, чтобы тебя вставили в список (жилищный, загранкомандировок, правления, комиссии и т. д.). Ты мне тираж побольше, я тебя опубликую в журнале.

В связи с этим мне вспоминается горькое признание одного поэта. Он пожаловался в печати, что в бытность его редактором в «Современнике» у него легко выходили книги в других издательствах, у него было много друзей, его приглашали в рестораны, ему дарили книги с трогательными надписями, ему предлагали интересные поездки и что потом, когда он ушел на «вольные хлеба», вдруг все приятели улетучились, никто никуда его не приглашает, книги не издаются.

Улавливаете систему? Да, да — та самая «командно-бюрократическая система», как принято сейчас называть. Госкомиздат брал на себя услуги по распространению намеченной к изданию книги. Она автоматически снабжалась в тематическом плане «звездочкой», что означает рекомендацию ее для городских и сельских библиотек (а их у нас 350 тысяч). Библиотечные коллекторы, вопреки всякой здравой логике (деньги-то за книги для библиотек платит Министерство культуры), находятся в ведении того же Госкомиздата, и потому проблемы книжных залежей в магазинах как не бывало...

Для того чтобы ясно представить размах деятельности сильных мира сего, заглянем вместе с моим героем-чудаком в библиотечную картотеку какого-нибудь одного писателя и проследим историю его книгоизданий. Выбор мой пал на Героя Социалистического Труда, лауреата чуть ли не всех премий, секретаря СП СССР, главного редактора журнала «Москва», писателя Михаила Алексеева.

Он в числе «лидеров» — 109 изданий на русском языке (по данным на 1 янв. 1988 г.). Рядом с ним — Ю. Бондарев (107) и Г. Марков (113). И для сравнения — В. Распутин — 59, Б. Окуджава — 19, В. Маканин — 14...

С 1951 по 1987 год у него вышли два «Избранных» однотомника, два двухтомника, трехтомник, «Собрание сочинений» в 6 томах и, наконец, начавшее издаваться в 1987 году — в 8 томах. Из всех ныне здравствующих прозаиков только Л. Леонов и В. Каверин были удостоены «собрания» более чем в 6 томах. Теперь к ним присоединился третий. И это после издания шеститомника в конце 70-х годов!

В основном количество книг М. Алексеева набралось из переизданий. Так, романы и повести «Наследники» издавались 5 раз, «Драчуны» — 6, «Солдаты» — 15, «Хлеб — имя существительное» — 15, «Ивушка неплакучая» — 16, «Карюха» — 18, «Вишневый омут» — 20. Нередко эти произведения печатались по нескольку раз в году в разных издательствах. Особенно «урожайным» для него оказались 1973 и 1981 годы. В 1981 году, например, «Ивушка неплакучая» вышла 2 раза, «Хлеб — имя существительное» — 3, «Вишневый омут» — 3, «Карюха» — 4, плюс к этому — переиздание романа «Солдаты». Для полноты картины скажем, что все эти произведения обязательно печатались в самом многотиражном нашем издании — «Роман-газете» (1952, 1957, 1962, 1964, 1967, 1971, 1975, 1982).

Поражают некоторые тиражи книг М. Алексеева. Если издательство «Молодая гвардия» никогда не выпускало его книги больше чем в 150 тыс. экз., а «Советский писатель» и «Воениздат» — больше чем в 200 тыс., то издательство «Художественная литература», «Известия», «Современник» щедро выбрасывали на библиотечные и магазинные полки издания с тиражом в 265 тыс. и даже 700 тыс.

Загадочным мне показался тираж нескольких книг в 115 тыс. Но знающие люди мне объяснили секрет этой некруглой цифры. Дело здесь не в строгом соблюдении заказов Книготорга, а в гонораре. Сумма, получаемая от 115 тыс., такая же, как и от 200 тыс., то есть за два «массовых» тиража. Но, издавая книгу в 115 тыс., издательство, пусть даже и теряя в деньгах, существенно экономит в бумаге.

Вообще вопрос о гонорарах у нас не любят публично обсуждать, особенно писатели. Тем не менее в последнее время этот вопрос все чаще звучит на писательских собраниях, съездах, в печати. Писатели, как оказалось вопреки общим представлениям, одни из самых малозарабатывающих людей творческих профессий. Сейчас подсчитано, что ежемесячный гонорар одного члена СП в среднем равен 160 рублям.

Причин такой ситуации указывают несколько — устаревшие тарифы, оценивающие писательский труд, большая конкуренция среди желающих издавать свои книги, слишком маленькое количество издательств и литературных журналов, огромная себестоимость изданий. Каждый из этих аргументов требует особого рассмотрения.

Меня же волнует в связи с этим следующее обстоятельство.

Чтобы обойти закон об уменьшении оплаты за переиздания, для «избранных» и «собраний сочинений» была установлена оплата, как за первое издание. У М. Алексеева, например, «Вишневый омут», пройдя через пять «избранных» и три «собрания», каждый раз оплачивался, как новая книга.

Но «избранные» и «собрания» каждый год при всем желании выпускать нельзя — слишком будет это заметно для рядовых писателей, которые в лучшем случае один раз в жизни к юбилейной дате (50, 60, 70 лет) получают «избранное». Поэтому Госкомиздат придумал еще одно «исключение» — для так называемых «библиотек» и книжных серий. Если два десятилетия тому назад их было не так много, то в 70—80-е годы их число увеличилось в десятки раз.

Вот список некоторых «библиотек» и серий, в которых участвовал своими произведениями М. Алексеев иногда по два и три раза: библиотеки журналов «Советский воин», «Огонек», «Дружба народов», «Библиотека солдата и матроса», «Библиотека произведений, удостоенных Государственной премии СССР», «Российский роман», «О времени и о себе», «Советский военный роман», «Подвиг», «Сельская библиотека Нечерноземья», «Волжские просторы», «Мужество», «Отрочество», «Классики и современники». В последней, самой престижной «библиотеке» издается в основном классика. Из ныне живущих писателей туда попали только шесть человек: М. Алексеев, Л. Леонов, С. Михалков, С. Сартаков и дважды Ю. Бондарев и Г. Марков.

По числу участий в подобного рода «библиотеках» М. Алексеев — не лидер. Ю. Бондарев, например, помимо почти всех перечисленных выше серий, участвовал также в других: 7 раз в «Школьной библиотеке», два раза в «Библиотеке Победы», кроме этого — «Политический роман», «Подвиг Сталинграда», «Военная библиотека школьника», «Военно-патриотическая библиотека», «Ратная слава», «Патриот», «Библиотека советского романа», «Доблесть», «Писатель — молодежь — жизнь».

Если на одну из чаш весов положить весь гонорарный фонд, накапливающийся таким образом, то чтобы стрелка указала цифру в 160 рублей, на другую чашу придется положить гонорары нескольких тысяч авторов. Вот что стоит за усредненной цифрой.

Я не думаю, что сам М. Алексеев так уж усердно заботился об этих изданиях и тиражах. Попав в определенную «обойму», он мог уже не «устраивать» свои вещи. За него все это делало соответствующее ведомство. Впрочем, есть и исключения. В. Распутин, например, когда речь зашла о том, что нет бумаги для издания Соловьева и Карамзина, предложил Госкомиздату бумагу, предназначенную для переиздания одной из его книг. Поэт Б. Слуцкий, когда его книгу стихов решили опубликовать в Венгрии, спросил у директора издательства, кто из поэтов XX века у них уже вышел, и, узнав, что несколько поэтов — его современников — еще там не изданы, отказался подписывать договор до тех времен, когда они будут напечатаны.

В этом контексте меня, как, надеюсь, и многих других, радует недавнее заявление М. Алексеева:

«Я с горечью стал замечать, что некоторые писатели, с кем связывает меня многолетняя творческая и просто человеческая дружба, стали явно преувеличивать свои достижения. Так и хочется сказать: поскромнее нужно бы относиться к тому, что нами делается... Как бы не захворать «наполеоновской болезнью» в литературе. Очень она опасна. И сам порой не заметишь, как преувеличены оценки твоего творчества отдельными критиками, которые руководствуются разными соображениями... Очень мне по душе мысль В. Астафьева — всегда думаю, имею ли я право «уворовывать» читателей у Льва Николаевича Толстого своими писаниями. Это, по-моему, самый трезвый взгляд на себя и на литературу».

Ссылка на критиков не случайна. Действительно, панегирические отзывы на произведения М. Алексеева исчисляются сотнями. Пожалуй, последняя отрицательная рецензия была опубликована в «Новом мире» незадолго до того, как М. Алексеев подписал печально знаменитое письмо, осуждающее линию редактированного А. Твардовским журнала, то есть 20 лет тому назад. После этого случая — одни только славословия. За последние десять лет, к примеру, о его творчестве было написано и издано шесть монографий. В одной из них родная деревня М. Алексеева поставлена в один ряд с Ясной Поляной и Шахматовом. Отрадно, что писатель понял: быть «некритикабельным» — это значит быть заживо похороненным: ведь у нас в России только о мертвых — или «хорошо» или «ничего».

Замечательно и последнее утверждение М. Алексеева — трезвый взгляд на себя и литературу давно назрел. Действительно, надо посмотреть, кто и сколько, пользуясь его терминологией, «уворовал», если не у Л. Н. Толстого, то у сотен писателей — от античных авторов до Шукшина, за чьи книги надо переплачивать на «черном» рынке вдесятеро.

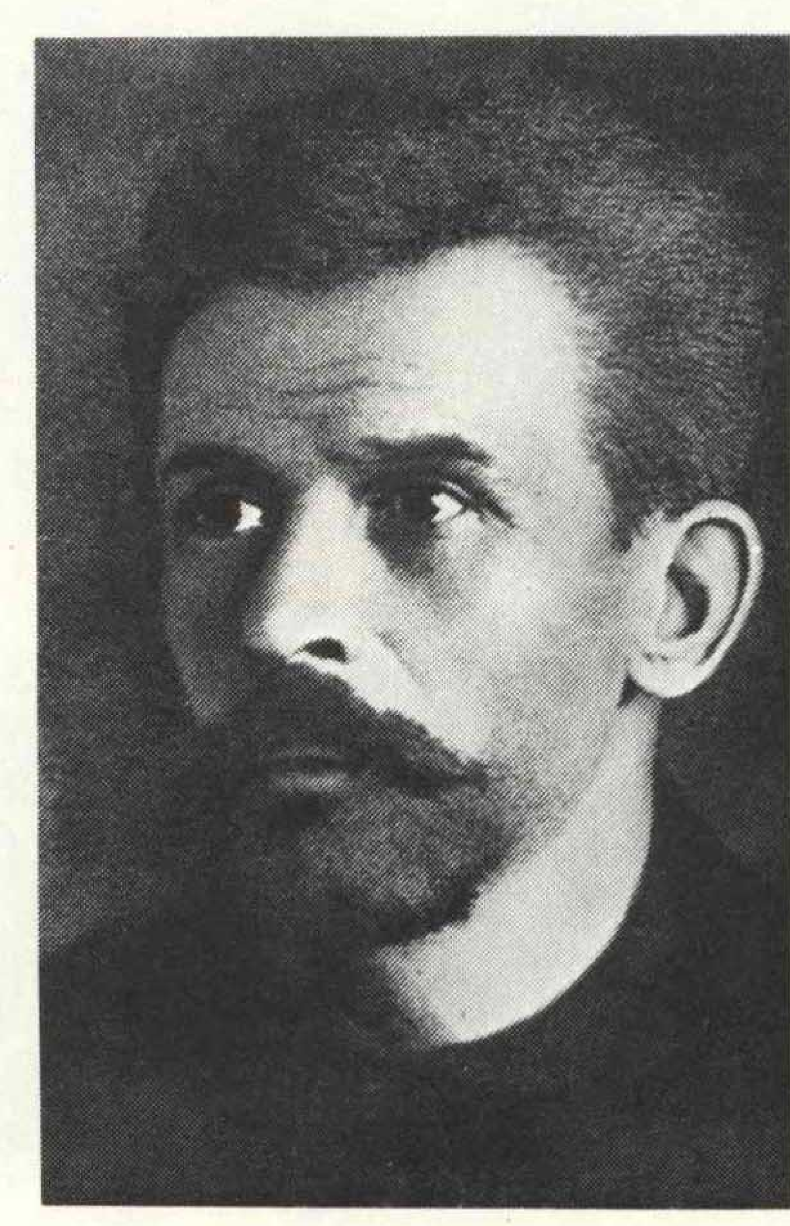
Предадимся литературным мечтаниям. Думаю, престиж и значение Ю. Бондарева и Г. Маркова не упали бы, если бы из 38 изданий романа «Горячий снег» и из 33 изданий романа «Строговы» можно было бы взять всего по 5 и выпустить долгожданные пятитомники А. Платонова и М. Зощенко. А можно было бы издать на этой бумаге пятитомник Б. Пастернака, четырехтомники О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Клюева, трехтомник И. Бабеля, вышедшие, кстати, на русском языке за границей еще в 60—70-е годы...

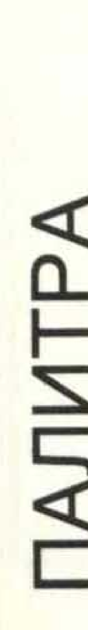
Впрочем, Ю. Бондарев сегодня размышляет в том же духе. Его призыв издать в 1990 году собрание сочинений М. Булгакова в пяти томах заслуживает очень большой поддержки. Только не понятно, почему писатель требует издать 5, а не 10 томов, ведь в США выходит десятитомник, а в Югославии давно уже вышел восьмитомник. Неужели опять нет бумаги, или по своему «рангу» М. Булгаков, наконец, сравнялся с обладателями пятитомников — С. Дангуловым, С. Сартаковым, А. Ивановым, Г. Марковым, но, с другой стороны, немножко не дотянул до обладателей шеститомников — А. Софронова, Н. Грибачева, В. Кочетова, И. Шамякина, М. Ибрагимова, Ю. Семенова, А. Коптяевой, А. Чаковского и самого Ю. Бондарева?

В разговорах о «гражданской войне» в литературе, которые ведут Ю. Бондарев, А. Иванов и другие, есть доля истины. Развитие гласности и демократии неизбежно затронет экономические интересы этих литераторов. Уже под угрозой оказались их вседозволенность, миллионные доходы, привилегии, безграничная власть. Просто так с такими вещами не расстаются.

И. И. ГОЛИКОВ. 1886—1937. ПАРОЧКИ. 1925.

ПРЕДАННЫЙ КРАСОТЕ

Иван Голиков родился в Москве в семье потомственного палехского иконописца. Вскоре они переехали в Палех. С 10 лет Иван был отдан в обучение иконописному делу, в мастерскую братьев Сафоновых. После смерти отца, в 14 лет ставший старшим в семье, Голиков работает в мастерских. Сначала в Палехе, затем в Москве и Петербурге. Много занимается реставрацией живописи и росписью церквей и монастырей. Специализировался и по «доличному письму» — писал на иконах одежды. После революции Голиков,

ПАХАРЬ. 1929.

Беседа министра обороны США Фрэнка КАРЛУЧЧИ со специальным корреспондентом журнала «Огонек» Артемом БОРОВИКОМ

ВЗГЛЯД С ВОЕННОГО ОЛИМПА

— Страна на страну не похожа. В одних государствах министерства обороны возглавляются профессиональными военными, а в других, как, например, в США,— гражданскими лицами. Каковы плюсы и минусы «американского варианта»? Когда вы были назначены министром обороны, не испытывали ли вы каких-либо затруднений, связанных с недостатком специальных военных знаний?

— Главный плюс заключается в эффективном контроле над военными, который обеспечен в нашем обществе. Мы убеждены в том, что министром обороны должен быть гражданский человек. Основное внимание министр обороны США уделяет взаимоотношениям с различными гражданскими институтами, с конгрессом и общественностью. И лишь небольшая доля его работы посвящена решению чисто военных оперативных вопросов. Ими занимаются весьма компетентный председатель Комитета начальников штабов и Комитет начальников штабов, которые могут давать министру советы. Так что министр обеспечен всей необходимой поддержкой для осуществления своих функций. Конечно, важно располагать специальными военными знаниями. Но, с другой стороны, я провел большую часть моей жизни, работая в правительственной системе, на дипломатической службе. Я достаточно образован по части международных отношений. Предыдущий срок я провел здесь в качестве заместителя министра обороны. Некоторое время я работал в ЦРУ. Словом, кое-что знаю. Более того, как и многие граждане США, я служил в армии, правда, много лет назад.

— Вы служили на территории США или за рубежом?

— Я проходил службу на военном корабле в районе Тихого океана.

— Кто, на ваш взгляд, располагает большей властью — советский министр обороны или вы?

— Очень трудно ответить на этот вопрос, потому что наши системы столь различны. В своей деятельности мы значительно больше зависим от конгресса. Я не совсем точно представляю себе, каковы отношения между министром Язовым и Политбюро. Я знаю, что у вас есть Совет Обороны. Как я полагаю, этот орган направляет деятельность министра Язова. Но у него нет 14 или даже 15 различных комитетов и комиссий конгресса, которые есть у меня и с которыми мне приходится иметь дело: это и ежегодное одобрение различных законопроектов, и выделение ассигнований на нужды министерства обороны. Все перечисленное в определенной мере ограничивает нас. Так что я могу предположить, что советский министр располагает большей гибкостью, чем я, но наша система достаточно надежно работает.

— В свое время здорово нашумела книга двух вашингтонских корреспондентов «Семь дней в мае». Если судить по ней, возможность военного переворота в США вполне реальна. Какие вы видите гарантии против этого?

— Лучшими гарантиями являются традиции, уходящие корнями в глубь истории США. Их суть в том, что американские военные не участвуют в политической жизни. Даже министр обороны, будучи гражданским лицом, не участвует в политических кампаниях. Сам я нахожусь в стороне от нынешних политических предвыборных кампаний. Я не произношу политических речей. Я не участвую в работе партийных конвентов. Это — традиция. Я бы мог нарушить ее, если бы мне того захотелось, но я считаю, что эту традицию следует всячески поддерживать. Американские военные всегда были верны ей и неизменно сторонились политики. Моя жена и я активно участвуем в кампании, чтобы побудить наших военных голосовать, но многие из них полагают, что им не подобает делать даже этого. Мы пытаемся их убедить, что голосование — это обязанность каждого гражданина.

— Но ведь они голосуют?

— О, да. В большинстве случаев — заочно. Голосование затруднено для военных тем, что они служат вдалеке от своих родных штатов. Но мы создали очень эффективную систему заочного голосования. В нашей стране никогда не было ни одной попытки военного переворота. Мы располагаем соответствующими законами и правилами на сей счет. У нас крепкая традиция верховенства гражданских властей по отношению к военным. Никто в США не озабочен возможностью военного переворота. Это вызывает у нас наименьшую тревогу.

— Видимо, поэтому не увидеть на демократическом или республиканском конвентах ни одного человека в военной форме?

— На политических мероприятиях вы никогда не увидите военнослужащих. Разве что оркестр морских пехотинцев.

— Отличаются ли ваши воззрения на то, каким должен быть оптимальный американский военный бюджет, от точки зрения вашего предшественника на посту министра обороны США — господина Уайнбергера? Ведь есть мнение, что вы хотели бы привести военные расходы США в большее соответствие с реальными оборонительными нуждами американцев. Если это так, то как реагируют на подобные планы ваши военные промышленники?

— Думаю, мне не следует сравнивать себя с моим предшественником. Я работал под его руководством. Я полагаю, он много сделал на посту министра обороны, и полностью разделяю его точку зрения, что нашей стране нужны сильные средства обороны. Став министром обороны, я внес собственные коррективы. В результате соглашения, достигнутого между президентом и конгрессом, мне было поручено осуществить определенное сокращение бюджета. Я сократил смету расходов на предстоящие годы, исходя из собственной оценки того, что осуществимо и необходимо. Со стороны промышлен-

ности на этот счет никаких жалоб не поступает, да я их и не ожидаю. Суждение на сей счет выносит президент на основе рекомендаций, представленных ему министром обороны; президент затем направляет свой проект бюджета в конгресс, и конгресс ставит его на голосование. Конгрессмены очень чувствительны к общественному мнению, и это общепризнанный факт. Кроме того, в свободной стране у каждого есть собственное мнение по поводу недостаточности или чрезмерности военных расходов, и люди откровенно выражают свое мнение, но в отличие от некоторых бытующих в мире представлений наше ведомство не поддается нажиму со стороны подрядчиков. Не забывайте о том, что подрядчики появляются на сцене не раньше того времени, когда они получают индивидуальные программы. Подрядчики представляют свои предложения, но не принимают какого-либо участия в процессе составления бюджета и распределении финансов.

— Господин министр, а теперь вопрос несколько личного плана: каков обычный распорядок вашего рабочего дня?

— Как правило, мой день начинается без четверти шесть утра. Иду в бассейн и проплываю одну милю. К семи часам утра я уже в своем кабинете. Мы проводим те или иные совещания обычно во время завтрака. Сегодня во время завтрака я совещался с исполняющим обязанности директора ЦРУ. Чаще всего я встречаюсь с конгрессменами где-то около 7.30 или 8 часов утра. Между 7.30 и 8 часами я читаю газеты, просматриваю различные входящие телеграммы, информационные сводки и так далее, после чего мне обычно приходится принимать участие в брифингах с моими сотрудниками и военными, и только после этого начинается мой рабочий день, который иногда может быть заполнен беседами с журналистами. А иной раз он бывает посвящен участию в какой-нибудь церемонии. Мой друг, Дэн Говард*, заставляет меня слишком часто произносить речи. Сейчас даже затрудняюсь сказать, сколько речей я произношу за одну неделю. Есть еще выступления на слушаниях в конгрессе. Меня там довольно часто заслушивают. У меня бесконечно возникают какие-то дела и телефонные переговоры с представителями конгресса. Кроме того, проводятся совещания в Белом доме и Совете национальной безопасности.

На этой неделе президента в столице не было, поэтому такие совещания не проводились, а вообще я в среднем за неделю участвую в пяти-шести совещаниях в Белом доме, присутствую на встречах с представителями конгресса в Белом доме. Приходится также путешествовать и принимать иностранных гостей. Я принимаю много иностранных гостей, кстати, одним из недавних гостей был маршал Ахромеев. Его, правда, принимал не я, но я также провел с ним определенное время. К тому же я принимаю своих коллег из различных министерств со всех концов света и встречаюсь с представителями государственного департамента для обсуждения вопросов, касающихся внешней политики. Иначе говоря, работа есть. Обычно я обедаю за рабочим столом, и если нет официальных обедов, то пытаюсь не задерживаться на службе. Обычно я ухожу в 5.30 или 6 часов вечера, чтобы добраться до дома и просмотреть там некоторые бумаги. Вчера вечером, например, я смотрел по телевизору передачу о съезде демократической партии. Я также поработал над одной из своих речей. В общем, мне приходится трудиться и дома, уже после рабочего дня.

— Майкл Дукакис, кандидат на пост президента от демократов, недавно подверг резкой критике военную политику нынешней администрации Белого дома. Собираетесь ли вы отвечать на эту критику?

— Я бы предпочел этого не делать... Я бы не стал делать специальное ответное заявление. Однако были затронуты некоторые существенные моменты, которых я бы коснулся отдельно. Естественно, я не собираюсь молчать. Я выступлю с заявлением, скажем, по политике в районе Персидского залива. Из того, что я слышал, губернатор Дукакис не согласен с этой политикой, но я говорю о данной политике в районе Персидского залива уже около двух лет и, конечно, не замолчу в результате ведущейся политической кампании. В то же время я не стал бы выступать с речью наряду с кандидатом от республиканцев. Я не приму участия в официальных дебатах с губернатором Дукакисом.

— Позвольте мне опять задать вопрос, касающийся Карлуччи-человека, а не Карлуччи-министра: нашим читателям было бы очень интересно узнать о вашей семье.

— У меня трое детей, двое старших живут отдельно. Дэн — лейтенант ВМС. Он служит офицером разведки на авианосце «Америка»; еще есть 29-летняя дочь, она замужем и только что устроилась на новую работу в одну компанию здесь, в Вашингтоне. Есть у меня еще и младшая дочь, сейчас она немножко старше, чем на той фотографии, что вы видите. Ей 8 лет, и она, естественно, живет с нами. А это — моя жена. Мы — вообще довольно активная семья. Естественно, моя жена и я много занимаемся спортом. Теннис, сквош; жена немного увлекалась аэробикой. Занимается бегом. Она путешествует вместе со мной. У нас есть дом в местечке Маклин, от которого добираться до Пентагона всего 15 минут... Теннисный корт, плавательный бассейн, вокруг лес. Нам этот дом очень нравится. В целом мы ведем спокойную жизнь, редко куда-нибудь выбираемся, разве что на одну-две вечеринки или на общественные мероприятия. Еще мы любим танцевать.

— Где же вы танцуете? В министерстве обороны?

— Там, где это удается. *(Смех.)* Если мы едем на вечеринку, то стараемся побольше потанцевать. Дэн Говард может вам рассказать, как я реорганизовал официальные обеды. Ушли в прошлое длинные вечера с речами. Мы теперь сворачиваем все речи к девяти часам вечера и танцуем. Это оказывается неожиданностью для некоторых зарубежных гостей, особенно для министров из арабских стран *(смех)*, но они к этому привыкают.

— Вы сказали, что ваш сын лейтенант. Одобряете ли вы ситуацию, когда дети высокопоставленных военных идут по стопам своих отцов? Не является ли это питательным бульоном для процветания семейственности, блата в армии?

— О, я думаю, для молодых людей очень полезно иметь опыт военной службы. Больше того, я думаю, мы кое-что утратили с отменой призыва. При этом имейте в виду, что я целиком поддерживаю идею добровольной армии. Я полагаю, что министерство обороны повысило качество подготовки солдат и офицеров благодаря существованию полностью добровольной армии. С другой стороны, обязанность нести военную службу в молодом возрасте чрезвычайно благоприятно сказывается на мышлении и формировании мировоззрения человека. Я не знаю, останется мой сын служить в военно-морских силах или нет. Он ведь не кадровый офицер флота. У него есть выбор — остаться или завершить службу. Как бы то ни было, я думаю, для него это был нужный опыт, но, бесспорно, каждый человек должен сам выбирать свою карьеру. Мы по этому вопросу не занимаем какой-либо политической позиции. Если бы кто-то обратился ко мне за советом, то, как частное лицо, я бы, конечно, дал совет, но я, несомненно, понимал бы, что речь идет о личном решении.

— Господин министр, насколько реальна возможность возврата Америки от добровольной армии к обязательному призыву? Могут ли проблемы, возникающие, скажем, в результате недобора в ряды вооруженных сил, вынудить Соединенные Штаты пойти на такое решение вопроса?

— Такая возможность всегда существует, но я думаю, что это маловероятно. Я полагаю, что создание полностью добровольной армии — наше огромное достижение. Теперь мы располагаем армией самого высокого качества, которого нам когда-либо удавалось добиться. Я думаю, у маршала Ахромеева была возможность убедиться в этом самому. Он сказал мне, что на него произвела большое впечатление качественная сторона, особенно — наши добровольно поступившие на службу солдаты старшего звена. А в них весь ключ к успеху — в старослужащих старшего звена. Причем не только в том, чтобы привлечь хороших людей, но и в том, чтобы задержать их. На основе обязательного призыва этого не добьешься. При обязательном призыве люди приходят на пару лет и уходят, поэтому нельзя обеспечить такого закрепления и наращивания технических навыков, которые дает полностью добровольная армия. Между прочим, я думаю, что в конечном счете это экономит нам деньги, так как боеспособность нашей армии, точно так же, как и вашей, зависит от умения солдат управлять современной техникой. Нам нужны хорошо обученные люди. И когда мы готовим специалистов, мы, естественно, хотим, чтобы они у нас остались. Одна из досадных проблем в том, что подготовить летчика стоит, кажется, миллион долларов, не так ли? Я думаю, что и больше. И вдруг он уходит...

— Да, армия обучает иного летчика, а затем он уходит работать на гражданских авиалиниях...

— Словом, обязательный призыв в конечном счете может оказаться более дорогостоящим. Я полагаю, что после того, как наша страна обрела опыт использования добровольной армии, она полна решимости сохранить ее. Когда я начал работать в министерстве обороны в 1980 году, многие здесь высказывали в этой связи недовольство. В конгрессе велась большая кампания с целью восстановления обязательного призыва. Сейчас ничего такого не слышно. Все вполне удовлетворены.

— Господин министр, вы только что говорили о вашей семье. Скажите, помогает ли вам в работе ваша жена? Советуетесь ли вы с ней по профессиональным вопросам?

— Она высказывает свои мнения. Да, конечно, я консультируюсь со своей женой. Я спрашиваю ее совета, а она, со своей стороны, активно интересуется всем, что делаю я. Я уже говорил, что она сейчас принимает активное участие в деле регистрации избирателей среди военных. Даже когда я еще не работал в министерстве обороны, она трудилась в консультативном комитете министерства обороны по роли женщин в военной службе. Ее очень интересуют вопросы, касающиеся роли женщин в армии, а сейчас она собрала дома много книг о Советском Союзе. Она их читает. Короче говоря, она очень активная личность, и, конечно, мы советуемся друг с другом.

— Господин министр, как вы представляете себе ваше будущее в случае, если после президентских выборов в Белом доме поселятся Майкл и Китти Дукакис?

— У нас здесь в правительстве действуют очень строгие нормы и правила, нам не положено разговаривать с посторонними лицами о будущем назначении. Я для себя взял за правило даже не думать об этом. Я не представляю, где я буду, когда уйду отсюда. Возможно, я немного отдохну, а потом посмотрим, что будет.

— Какими привилегиями располагает министр обороны США по сравнению с рядовыми сотрудниками Пентагона? Я имею в виду такие вещи, как государственная автомашина, шофер и так далее... Какова, кстати, ваша зарплата?

— У меня есть машина и водитель. Но я не считаю это привилегией. Я бы вместо этого предпочел иметь хоть половину той зарплаты, которая у меня была, когда я работал в частном секторе. У меня весьма низкая зарплата по сравнению с зарплатами в частном секторе. Там я мог без всяких проблем сам нанять машину и водителя. У меня действительно нет никаких привилегий. Я знаю, что дом мне не полагается. Я живу в своем собственном доме. Да, я летаю на военных самолетах, но это в первую очередь вопрос скорости передвижения и безопасности, а не чего-нибудь иного. Никаких других привилегий, связанных с этой работой, нет. Я сам плачу за еду.

— Так какая же все-таки зарплата у министра обороны США?

— 99 тысяч долларов в год, что по американским стандартам немного.

— Господин министр, недавно я встречался с бывшим государственным секретарем США Александром Хейгом. Отвечая на один из моих вопросов, он заметил, что Америка проиграла войну во Вьетнаме по той причине, что политическое руководство страны не дало военным возможности вести войну так, как им хотелось. Согласны ли вы с такой точкой зрения?

— Я согласен с этим. Войну проиграли не военные. Она была проиграна, потому что политическое руководство страны вывело войска Соединенных Штатов из Вьетнама. Таким образом, тот урок, который извлекут люди, заключается в том, что необходим подлинный национальный консенсус для начала какой-либо военной операции. По существу, нельзя добиться успеха, если не будет достигнут такой консенсус.

— Во время войны во Вьетнаме американская элита добилась различными неформальными путями возможности не посылать своих детей на войну. Пресса и общественность США резко негативно оценивали тогда подобные факты... Как сегодня обстоят дела в американской армии с этой точки зрения?

— Пожалуй, трудно сказать, кто входит в элиту. Могу сказать, что я видел преуспевающих людей и людей из богатых семей, которые воевали во Вьетнаме. Мне было бы крайне трудно делать такого рода обобщения. Будет верно сказать, что в полностью добровольной армии значительное число солдат скорее всего окажется выходцами из семей с низкими доходами, так как здесь для них открывается перспектива роста, и это хорошая, благодарная профессия. Но я не стал бы утверждать, что в армии нет представителей элиты. Больше того, я не стал бы утверждать, что в Соединенных Штатах вообще остались представители элиты. Таким образом, мне трудно определить, воевала элита во Вьетнаме или нет.

— Я имею в виду, что во время вьетнамской войны сражались и погибали в основном представители малоимущих слоев и черного населения США. Даже выходцы из средних классов сидели тогда не в окопах Вьетнама, а в американских колледжах. Разве не так?

— Такая критика законна: действительно, дети представителей среднего класса могли получить отсрочку от призыва в связи с обучением в колледжах, и это вызывало в то время определенное недовольство в обществе.

— За время моего пребывания в США ваши военные — на самых разных уровнях — неизменно задавали и продолжают задавать мне один и тот же вопрос: поддерживает ли Советская Армия перестройку? И я искренне отвечаю: «Да, поддерживает». Армия, как и большинство гражданского населения, понимает: иной альтернативы у СССР нет. Но мне хотелось бы узнать вашу точку зрения на сей счет.

* Дэн Говард — присутствовавший на беседе помощник министра обороны США по связям с прессой.

— Я не могу судить о том, поддерживает ли Советская Армия перестройку или нет, за исключением того, что мне сказали генерал Язов и маршал Ахромеев: что действительно советские военные полностью поддерживают перестройку. Я не располагаю независимым выходом на советских военнослужащих. Мы с большим интересом следим за тем, что происходит в Советском Союзе. Мы значительно расширили диалог с Советским Союзом, частично в результате происходящих у вас перемен, но частично и в результате той политики, которую мы проводим. Я неоднократно говорил о том, что у нас налажен очень хороший диалог с генералом Язовым по вопросу о советской военной доктрине. Пока мы еще не обнаружили каких-либо перемен в структуре Советских Вооруженных Сил в результате перестройки. Видимо, потребуется время, даже годы, пока мы станем свидетелями изменения структуры Вооруженных Сил и объема ресурсов, направляемых на нужды армии или, скажем, внешней политики.

Тем не менее мы желаем продолжить этот диалог. Мы приветствовали такие перемены. Если конечным результатом перестройки окажется то, что Советский Союз при рассмотрении региональных вопросов не будет проводить политику, которая создает для нас проблемы, то мы будем продолжать диалог. Если в конечном результате перестройки будет осуществлена реформа советской военной машины без изменения политики, то это создаст для нас определенные проблемы. Поэтому наша позиция состоит в том, что мы желаем продолжать текущий диалог. Мы думаем, что это полезно, и мы будем по-прежнему следить за происходящими переменами с большим интересом.

— Как вы оцениваете боеспособность Советской Армии? Я слышал, соответствующие органы в Пентагоне готовили специальные разработки, основанные на исследовании эффективности боевых действий советских частей и подразделений в Афганистане. Так ли это?

— Я не уверен в том, что у нас было подготовлено какое-либо исследование о том, как Советские Вооруженные Силы проявили себя в Афганистане. Скажу лишь, что, как указано в нашей книге «Советская военная мощь», мы считаем, что Советский Союз располагает весьма впечатляющей военной машиной с огромным потенциалом и хорошо подготовленными и дисциплинированными кадрами. Я, конечно, не испытываю чувства зависти по отношению к Советскому Союзу в том, что касается оправданности содержания такой большой армии, стратегии распределения сил и средств, а также того, что называется мобильными оперативными соединениями, которые мы считаем наступательными по своему характеру. Но все это является предметом нашего диалога. Мы испытываем чувство естественного уважения к потенциальным возможностям Советской Армии.

— Позвольте несколько заключительных вопросов. Какие вы предпочитаете читать книги? Какое кино вы особенно любите?

— Сейчас я читаю четвертую книгу... Тома Клэнси.

— А вы любите историко-документальную литературу?

— Нет, я предпочитаю художественную литературу. Признаюсь, что при моей работе не остается много времени для чтения. Моя жена говорит, что я давно не видел ни одного кинофильма. Мы начинаем смотреть какой-нибудь кинофильм дома по телевизору, но я, как правило, засыпаю где-то на середине. *(Смех.)*

— Господин министр, благодарю вас за беседу.

ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА УХОДЯЩЕЙ АДМИНИСТРАЦИИ?

Интересно было разговаривать с ним — человеком, волею судьбы (или президента?) оказавшимся на самом пике военного Олимпа Америки.

Внешне министр обороны США чем-то похож на здание возглавляемого им министерства: он приземист, прост, крепок и аскетичен.

Ему 57 лет. 28 из них Фрэнк Карлуччи отдал службе в правительственной системе. Быть может, как никто другой, он знает все выходы и входы в вашингтонских коридорах власти. Тамошние обозреватели поговаривают о том, что, быть может, он останется на посту министра обороны, даже если президентское кресло займет демократ М. Дукакис, который, критикуя военную политику нынешней администрации, несколько раз по-доброму отозвался о министре обороны. Поэтому журналисты окрестили его так: «восходящая звезда уходящей администрации».

Имея прочные тылы среди американских консерваторов, он, заявив о своем намерении несколько сократить чрезмерные расходы на оборону, моментально заработал себе популярность среди либералов. Словом, этот человек не без дипломатических способностей, которые проявились еще во время его работы в системе государственного департамента.

Умело балансируя между двумя партиями (во время картеровской администрации Карлуччи работал заместителем директора ЦРУ), между «восходящими» и «уходящими», левыми и правыми, он на протяжении всей своей карьеры оставался до конца верен одному — правящей политической и экономической элите Соединенных Штатов, наличие которой, кстати говоря, он отрицает в интервью, данном «Огоньку».

Впрочем, вопросы вызывает не только это высказывание министра. При всем уважении к Ф. Карлуччи, честно говоря, трудно согласиться с ним и тогда, когда он доказывает независимость закупочной политики Пентагона от его подрядчиков. И когда он говорит о «надежном контроле» американского общества над военно-промышленным комплексом. И когда объясняет поражение США во Вьетнаме лишь тем, что политическое руководство страны вывело оттуда войска. (Война была проиграна уже в самый первый день ввода войск, а не в последний день их вывода; наиболее проницательные политики поняли это еще в середине 60-х годов.) И когда он рассуждает об оправданности или неоправданности «содержания такой большой армии», как армия СССР.

Тезис о превосходстве СССР над США по численности вооруженных сил и обычных вооружений не нов. Я отнюдь не хочу сказать, что, к примеру, у нас меньше танков, чем у США. Нет. У нас их существенно больше. Но ведь есть серьезные дисбалансы и в пользу США, хотя бы по ударной тактической авиации или по военно-морским силам. Американцы часто сетуют на то, что СССР превосходит США по числу дивизий. Но при этом нельзя все-таки забывать, что численность личного состава этих же дивизий резко отличается в пользу США. Одна американская дивизия насчитывает 16—19 тысяч человек. В то же время дивизия любой армии Организации Варшавского Договора имеет в своем составе не более 12 тысяч человек.

Впрочем, мне не хочется концентрировать внимание на разногласиях. Значительно важнее искать новые точки соприкосновения. Именно с этой целью летом этого года я превратился в солдата американской армии, а корреспондент журнала «Лайф» — в советского.

Но рассказ об этом — не сейчас, а в одном из ближайших номеров «Огонька».

Артем БОРОВИК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

АТАКУЮЩИЕ СТРОКИ

Предложение читателя Н. Колядко из Ленинграда: **«Сегодня невозможно успеть прочитать даже центральные газеты, не говоря уже о местных и о журналах. Газеты передают из рук в руки. А почему бы в конце года не собирать "гвоздевые" материалы в сборник, который бы издавался массовым тиражом? Такой сборник-ежегодник смог бы стать и учебником истории, и подспорьем для тех, кто борется с пережитками прошлого».**

От издательства «Книжная палата»: **«Когда возникла мысль об этом сборнике, она показалась сразу настолько простой и естественной, а выпуск сборника настолько необходимым, что во все последующее время — время его подготовки — уже невозможно было представить новое издательство, рожденное в период перестройки, без такой книги».**

ублицистический сборник «Зависит от нас», выпущенный издательством «Книжная палата» (составитель В. Кабанов), готовился к печати в то время, когда еще только появилось это понятие — прорабы перестройки. Только складывалась тогда вырвавшаяся теперь вперед группа публицистов, писателей, ученых, чьи выступления способствовали взрыву общественного сознания, благодаря которому резко возрос авторитет периодики, а также и количество тиражей.

Ограниченный объем книги не помешал включить в нее самые важные выступления, рисующие наиболее полную картину борения страстей на первом этапе перестройки.

Тогда еще не были произнесены слова о социалистическом плюрализме. Тем не менее в сборнике присутствует различие мнений. Рядом со статьями очевидных поборников перестройки помещены материалы, в которых отношение к ней угадывается за многозначностью фраз, за причудливыми зигзагами позиций. Называть авторов? Но ведь недолго и ошибиться. Да и нужно ли посягать на монополию истины, против которой так настойчиво предостерегают авторы сборника?

Быть выше собственных пристрастий — к этому призывают «Заповеди каратэ» А. Аронова и «Культура дискуссий» В. Петрова. О повышении роли человеческого фактора, о социальной справедливости размышляет академик Т. Заславская. «Нельзя ждать пирогов, не посеяв зерна»,— отвечает О. Лацис автору письма «Где пышнее пироги?» Л. Попковой.

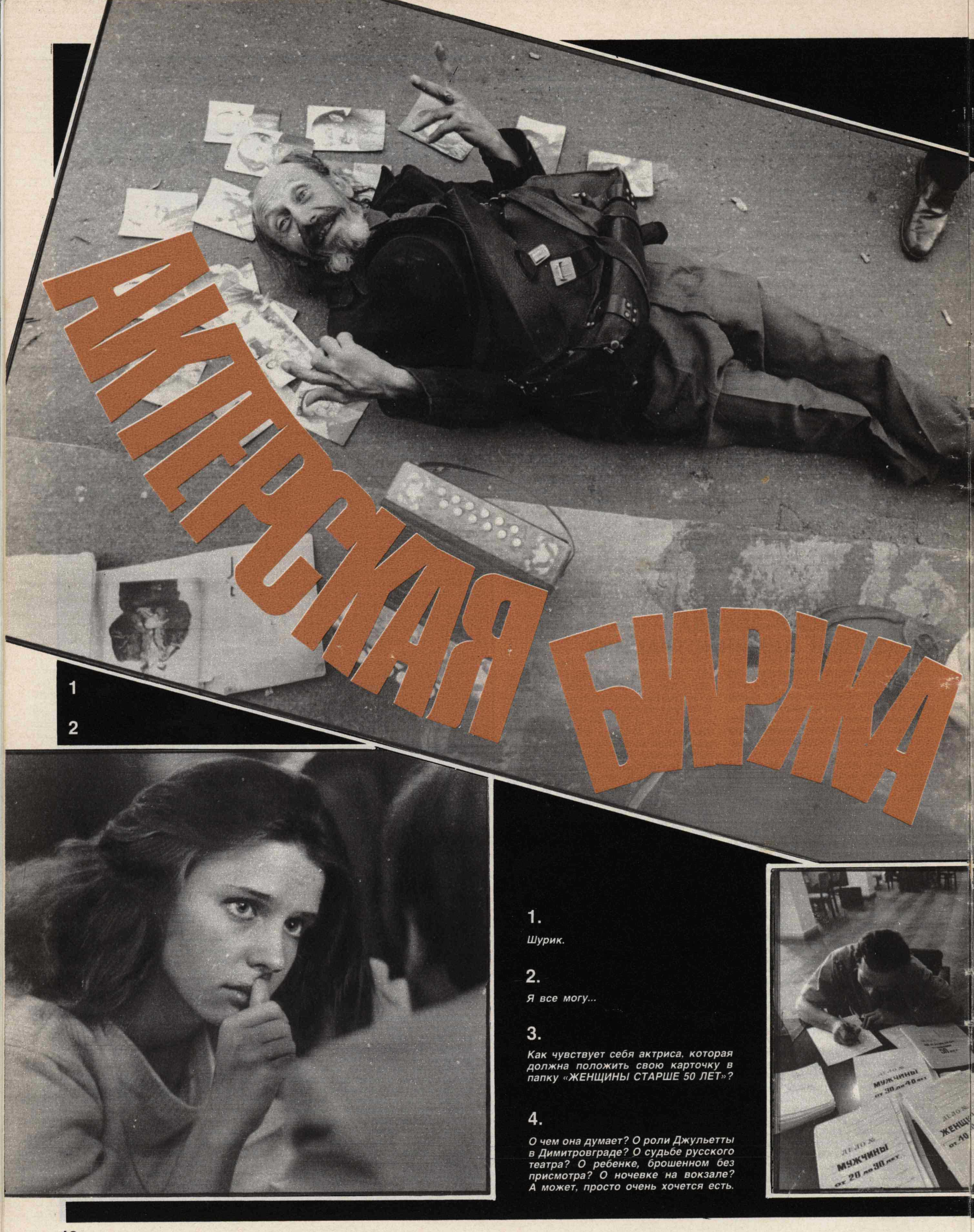
Самый, очевидно, необходимый урок, который преподает новый сборник,— это не тешиться иллюзиями, не обгонять время поспешными умозрениями, чреватыми скорым разочарованием. Полтора года назад в письме в ЦК КПСС, помещенном в «Правде», католик из Литвы В. Бриковскис предупреждал: после «страшной, затяжной "зимы" трудно ждать, что мозги быстро оттают. Это будет долгий и мучительный процесс». Процесс идет — предупреждение остается.

«...Не надо,— писал А. Гельман в «Литературной газете»,— высокомерно спрашивать: "А что, собственно, изменилось, где перемены, я что-то не вижу больших перемен?" Надо работать, трудиться надо для того, чтобы перестройка стала необратимой». Призыв своевременный — наступила пора практических дел. Одно из самых неотложных — Арал. Писатели и ученые помогли оградить от напора всесильных ведомств северные и сибирские реки, южные земли, взялись за охрану чистоты Байкала. Аральское море ждет их участия, их помощи. Ждут своего разрешения и другие острые проблемы, прозвучавшие в «Тревогах совести» академика Д. Лихачева, в «Дефиците общности» И. Васильева.

Книга отражает реальное соотношение сил: большинство авторов — за решительные перемены, продолжение общественного обновления. Опубликованные ранее прессой и получившие в книге новую жизнь материалы несут обжигающую правду о нашей истории и сегодняшнем дне. Атакующие строки сборника продолжают свой главный бой. Бой за перестройку.

Евгений МАЙОРОВ,
заместитель главного редактора издательства «Книга»

АКТЕРСКАЯ БИРЖА

1.

Шурик.

2.

Я все могу...

3.

Как чувствует себя актриса, которая должна положить свою карточку в папку «ЖЕНЩИНЫ СТАРШЕ 50 ЛЕТ»?

4.

О чем она думает? О роли Джульетты в Димитровграде? О судьбе русского театра? О ребенке, брошенном без присмотра? О ночевке на вокзале? А может, просто очень хочется есть.

4

АКТЕРСКАЯ БИРЖА ВОЗНИКЛА ДАВНО. ДО РЕВОЛЮЦИИ. АКТЕР ИСКАЛ РАБОТУ, АНТРЕПРЕНЕР — АКТЕРА. ПОТОМ ОФИЦИАЛЬНО БИРЖА БЫЛА ЗАКРЫТА, НО НЕ ИСЧЕЗЛА, ПРОДОЛЖАЛА ТИХО, ПОЛУЛЕГАЛЬНО СУЩЕСТВОВАТЬ.

Александр МИНКИН
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

В минувшем году и эту стихию решено было ввести в рамки: Министерство культуры РСФСР совместно с СТД РСФСР биржу признали, но назвали ее «Консультационным пунктом по формированию театральных коллективов». И вот — сентябрь, Москва, Дом культуры «Правды». Здесь биржа. Заглянем.

Объявление на стене:

ТОМСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР. НУЖНЫ КРУПНЫЕ МОЛОДЫЕ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ; КРЕПКИЕ АРТИСТЫ СРЕДНИХ ЛЕТ.

3

Актриса Т.— Это как невольничий рынок.

Но ведь не в рабство? Ведь это же творческий поиск. Благородное дело! Актер ищет СВОЕГО режиссера.

Лев ДУРОВ.— М-да, конечно, режиссеры там не ахти. Хорошему зачем на биржу? К нему и так валом валят.

ТРЕБУЮТСЯ ГЕРОИ

Технология простая. Приходи на биржу, заполняй карточку, становись на учет. Потом — толкайся целыми днями, лови за рукав покупателей — режиссеров, директоров. А поймал — показывай товар лицом. Себя.

Тут ба-альшой секрет, тут не изведанные Достоевским глубины. Ибо надо показать в один и тот же момент и героический темперамент Отелло, и готовность к абсолютному послушанию. Темперамент в цене, но строптивые актеры «не требуются», режиссеры их не любят.

Ах, какие тут тайны психологические! И маленьким себя покажи, и кураж не потеряй, и комплексы свои спрячь от себя самого.

Объявление:

КОМИ АССР. МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР СЫКТЫВКАРА.
Требуются: 1. Герои-баритоны
2. Субрёнка
3. Комик

КОНУРА

А где будут жить эти герои-баритоны, эта субрёнка (видимо, все же субретка)? Куда пойдет спать комик, отыграв спектакль перед пустым залом?

Жилье — самая тяжелая проблема современного советского театра. Куда более серьезная, чем отсутствие современных пьес, присутствие несовременных режиссеров и наличие диктата со стороны властей. Это темы для газетных дискуссий. Актерская пара, живущая с грудным ребенком в гостиничном номере (туалет и душ — в коридоре), не может сосредоточиться на системе Станиславского. Они думают, как суп кипятильником сварить и чтоб кипятильник не отняли. А 400 (четыреста!) выездных спектаклей в год?! На селе, в промозглом клубе, в позорных декорациях, под хрип «Яузы»?..

Актриса Людмила ВЕХОРЕВА.— Убежала из Мичуринска. Управление культуры сказало: жилья вам не будет. Творчески? Нет, творчески меня Мичуринск устраивал. Мой муж — главный режиссер. Вот мы вместе с ним и убежали. На чердаке в театре жили. Два года вещи лежали в контейнере.

Объявление:

ДИМИТРОВГРАДСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР. ТРЕБУЮТСЯ: РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА. ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ БЛАГОУСТРОЕННОЕ ОБЩЕЖИТИЕ.

Что ж, может быть, юные аристократы Вероны найдут свое счастье в благоустроенном общежитии. Если только комендантша «общаги» не будет следить за моралью строже отца Капулетти.

КУПИТЕ ТАЛАНТ!
КУПИТЕ
АРКАШКУ СЧАСТЛИВЦЕВА!

«Шурик!» — представился он, сияя и радуясь знакомству. Потом назвался полностью: Александр Федорович Сажин. Потом сыграл нам на гармошке. Потом придумал, как лучше сняться со своими персонажами, не заботясь о костюме, улегся на асфальт. Потом произнес монолог в лучших традициях русского театра:

— Я, ребятки, с 1960 года на бирже. Кончил «щуку» у Катина-Ярцева. 25 театров прошел — от Волги до Енисея. (Я-то ждал, что он скажет «из Керчи в Вологду».— А. М.) Вы меня послушайте: все эти разговоры — жилье, зарплата — все это дерьмо. Всегда актер искал режиссера. А режиссер — актера. Однажды вдруг один подскакивает, весь горит: «Александр Федорович!» Я было загорелся, потом — нет, несерьезно... Чтоб жить на бирже, летом иду в пионерлагерь воспитателем. Теперь сплю на вокзале. Это директора и режиссеры здесь по командировке, им оплачено... Чтоб на спектакль прийти не в форме? Никогда! После — да, бывали случаи. Вы, ребятки, Виталия Семеныча Томского найдите. То ли в Балашове, то ли в Сарапуле. Биржевик страшный! Еще с царских времен. У него два списка: красный и черный — гениальные и неудачники...

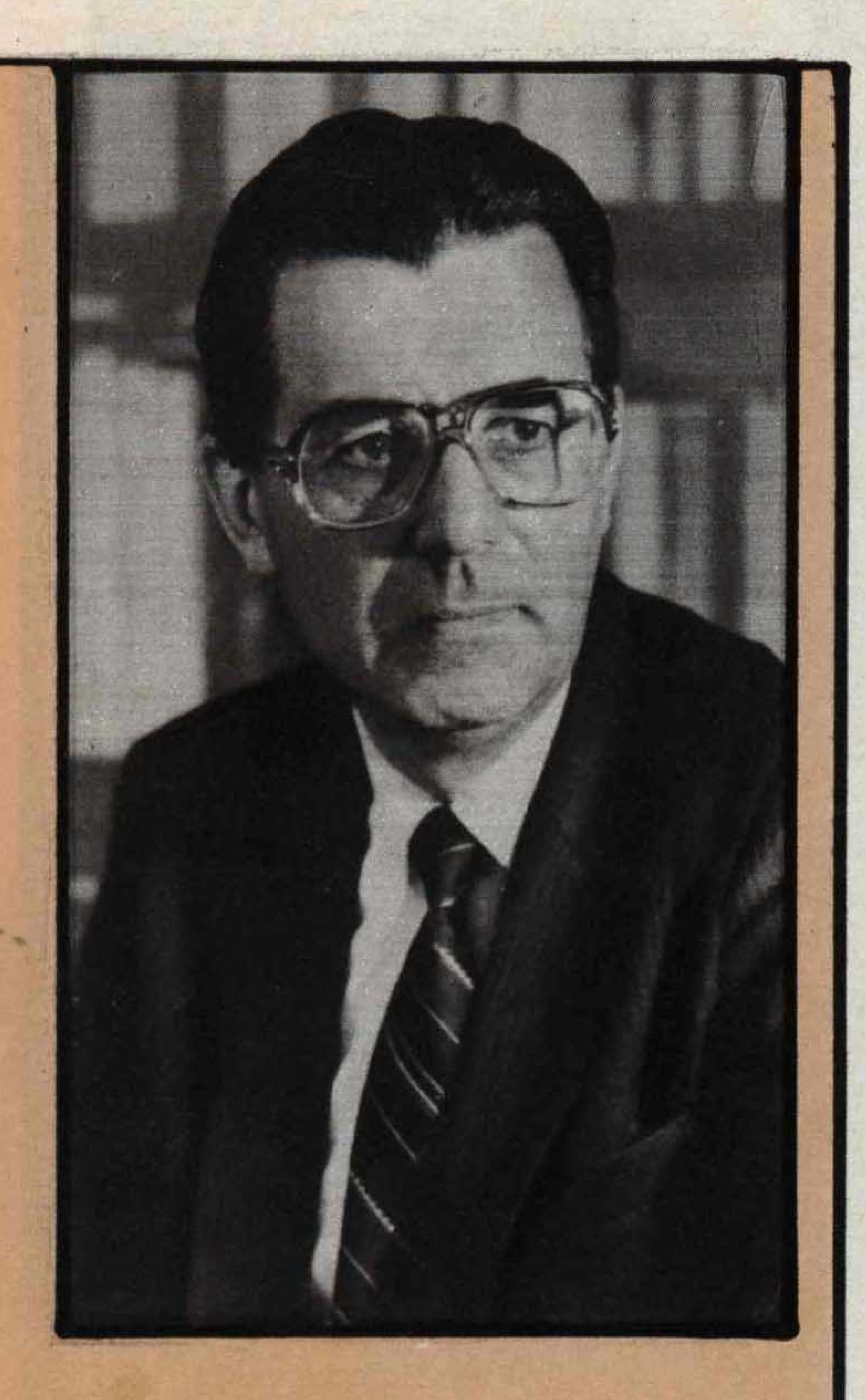
Мы уходили с биржи, и не было сомнений: Шурик (А. Ф. Сажин) — в красном списке «страшного биржевика».

...Как ни крути, а биржа — шанс. Конечно, тут и драмы, и, может, даже трагедии, но сколько здесь надежд и упований! И бывает же в конце концов СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ!

Объявление:

НАРВСКИЙ ДРАМ. ТЕАТР.
Требуются: 1 — на роль Христа;
1 — на роль Пилата.

Иуду в Нарве, видимо, уже нашли.

О СОЗДАНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА С ДОКТОРОМ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОРОМ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА АН СССР АЛЕКСАНДРОМ МАКСИМОВИЧЕМ ЯКОВЛЕВЫМ БЕСЕДУЕТ КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА» АЛЛА АЛОВА

ОТВЕРЖЕНИЕ И УТВЕРЖДЕ

— Прежде всего о святынях и стереотипах. К идее правового государства десятилетиями лепили ярлык: произведено буржуазной демократией. Впрочем, буржуазным демократиям эта идея не просто приписывается, она им действительно свойственна. Но мы-то строим иную демократию, более высокого уровня — социалистическую.

— Ну да: «противоречит ценностям социализма...», «на деле ведет к реставрации...», «попытки под личиной гуманизма протащить...». Я так понимаю, что вопрос ваш — «журналистский»: вы не спрашиваете, а просто предлагаете мне оспорить позицию охранителей бывшего «развитого социализма».

На самом деле сегодня это главный вопрос — вопрос о новой структуре ценностей, это самый важный узел противоречий нашего сознания.

«Революция» буквально означает переворот, ничего больше. И можно понимать так ограниченно: вот перевернуть все вверх ногами и начать заново. Но даже и это осуществить невозможно: сколько раз на наших глазах или даже с нашим участием простое отвержение старого и стремление утвердить нечто новое (которое уже, по определению, предполагается, будет лучше старого) оборачивалось тем, что отвергается ближайшее старое, а утверждается предшествующее старому, еще более худшее. Теперь уже ни для кого не секрет, что, отвергая буржуазные ценности, кляня буржуазный «гнилой либерализм» и всякие выдумки вроде презумпции невиновности, мы оказались в объятиях средневекового мировоззрения, средневековых инквизиционных структур в сфере уголовной юстиции, военно-феодальные структуры характеризовали и систему управления экономикой, и отношение к народу. Любой переворот, провозглашающий полное отрицание прошлого, затем оказывается перед угрозой стихийно, невольно попасть в плен еще более давнего и еще менее прогрессивного прошлого.

Увы, объявив на каком-то этапе истории классовые критерии высшими и, по существу, единственно важными, мы смели фундамент общечеловеческих ценностей. И так, без фундамента, стали возводить огромное здание...

А в другом, желанном для нас понимании революция — это двигатель не любого, а прогрессивного развития, переход к более высокому уровню цивилизации.

Обращение к идее правового государства как раз и есть понимание того, что социализм — если это подлинный демократический социализм — должен быть не домом на песке, не подвешенным в воздухе зданием без фундамента, а надстройкой над прогрессивными элементами развития человечества в целом и в том числе над прогрессивными элементами развития буржуазной демократии. Ведь заметьте! Буржуазную демократию можно атаковать с двух сторон: можно атаковать ее с позиций более передовой социалистической идеологии, но буржуазную демократию можно атаковать и с тоталитарных позиций! Как это было не раз...

Но атака с тоталитарных позиций как раз и отличается тем, что она «радикальна», все уничтожает, камня на камне не оставляет от общечеловеческих основ цивилизации.

Идея правового государства сейчас — это коренной переворот в наших представлениях о социальном развитии, о революции. Да, революция — это отмена предшествующего, но отмена с тем, чтобы восстановить на более высоком, более совершенном, более нравственном уровне экономическую, политическую структуру общества.

Что же до «социального происхождения» идеи правового государства, то буржуазная демократия ее родить не могла хотя бы потому, что в Древних Афинах никакой буржуазии не было... Сама демократия как политическая структура — изобретение, причем внедренное, Древних Афин.

— Хорошо, бдительные идеологи могут подуспокоиться: античная Греция вроде бы никогда не обвинялась в тлетворном на нас влиянии. Но современные развитые капиталистические государства в какой-то степени все же являются детьми эллинской системы управления. А мы, начиная с 30-х годов, от своего родства с Древними Афинами отрекались все отважнее...

— Существуют два принципиально различных способа взаимодействия людей в обществе. В обществах первого типа одни люди подчиняются другим — тем, у кого больше силы, то есть власти. Это система командная, армейская, автократическая. Второй тип — когда и те, у кого власти много, и те, у кого ее меньше либо совсем нет, подчинены все вместе, на равных основаниях — норме, закону, праву. Правовое государство, таким образом, не просто использует право как орудие власти, а само связано этим правом. Власть, **связанная** правом, а **не вооруженная** правом — вот что такое правовое государство.

Так вот, элементарный пример второго, правового способа взаимодействия — это отношения между свободными товаропроизводителями. Именно они вырвали общество из недр феодализма, основанного на «кулачном праве», по выражению Маркса, на насилии, на внеэкономическом принуждении. Правда, со временем в буржуазном обществе иерархия силы сменилась иерархией денег. А господство, власть больших денег — тоже реальность, от которой никуда не денешься. Возьмите выборы в парламент США. Да, выборы свободные. Но кто финансирует избирательную кампанию? Большие деньги. Кто купит время на ТВ, чтобы данный кандидат стал популярен? Большие деньги...

— Александр Максимович, извините, это уже немного напоминает экономико-политический ликбез. Нас всех еще в школе «ориентировали»...

— Вот именно! Десятилетиями нас «ориентировали» насчет гримас их демократии. И десятилетиями же, говоря нам про Запад, только на экономическом неравенстве и «акцентировали» внимание. И политические обозреватели насмерть стояли на улицах Парижа, Нью-Йорка, Лондона, чтобы мы не дай бог не увидели и другого, что тоже реально существует в западных странах, что соседствует, вернее, противоборствует с властью денег.

Это прочные, стабильно работающие демократические институты, которые сдерживают диктат в политической сфере, это юридическое равенство, которое вовсе не всегда оказывается под пятой экономического неравенства, это пресса, наконец, способная рано или поздно разоблачить даже очень «высокопоставленный» спектакль, предать гласности произвол даже верховных лиц и групп.

Эти надстроечные правовые структуры там весьма сильны, и их нельзя недооценивать, нельзя не уважать. Иначе вместо демократического общества получается общество тоталитарное. Примеры в истории имеются.

— А как же мафия, которая, как моль, проела всю «их» демократию, подкупила полицию, судей...

— Мафия есть, насчет мафии никто не спорит. Но она не универсальна, не всемогуща. Вот США — там мафия занимается в основном торговлей наркотиками, с помощью рэкета обирает мелких торговцев — и этим в основном ограничивается. У нас же в недавнем прошлом мафия захватила, можно сказать, весь Узбекистан,— во всяком случае, она парализовала сельское хозяйство и метастазировала в правоохранительные, партийные, художественные сферы. И о рэкете отечественного производства ваш журнал писал. Так чего уж нам на Запад пенять, коли рожа крива! В Сицилии мафия очень могущественна, но она там была еще в средние века, а на севере Италии, в индустриальных районах, мафия совсем не так уж сильна. Мафия есть в Марселе, а в Париже ее видят в основном в кино. Есть районы, где мафия существует исторически, а не как прямое следствие буржуазной демократии.

Ни в коем случае не хочу представлять буржуазную демократию как идеал, не призываю не видеть ее теневых сторон, я просто говорю: хватит ее недооценивать, у нее есть чему учиться.

— Что, на ваш взгляд, является главными препятствиями для превращения Советского Союза в правовое государство?

— Таких препятствий вижу два. Во-первых, советский человек не обладает чувством экономического достоинства. И во-вторых, реальная власть в экономике принадлежит не тому, кому надо.

Вы ждали от правоведа иного? Разговора не об экономике? А я еще и физи-

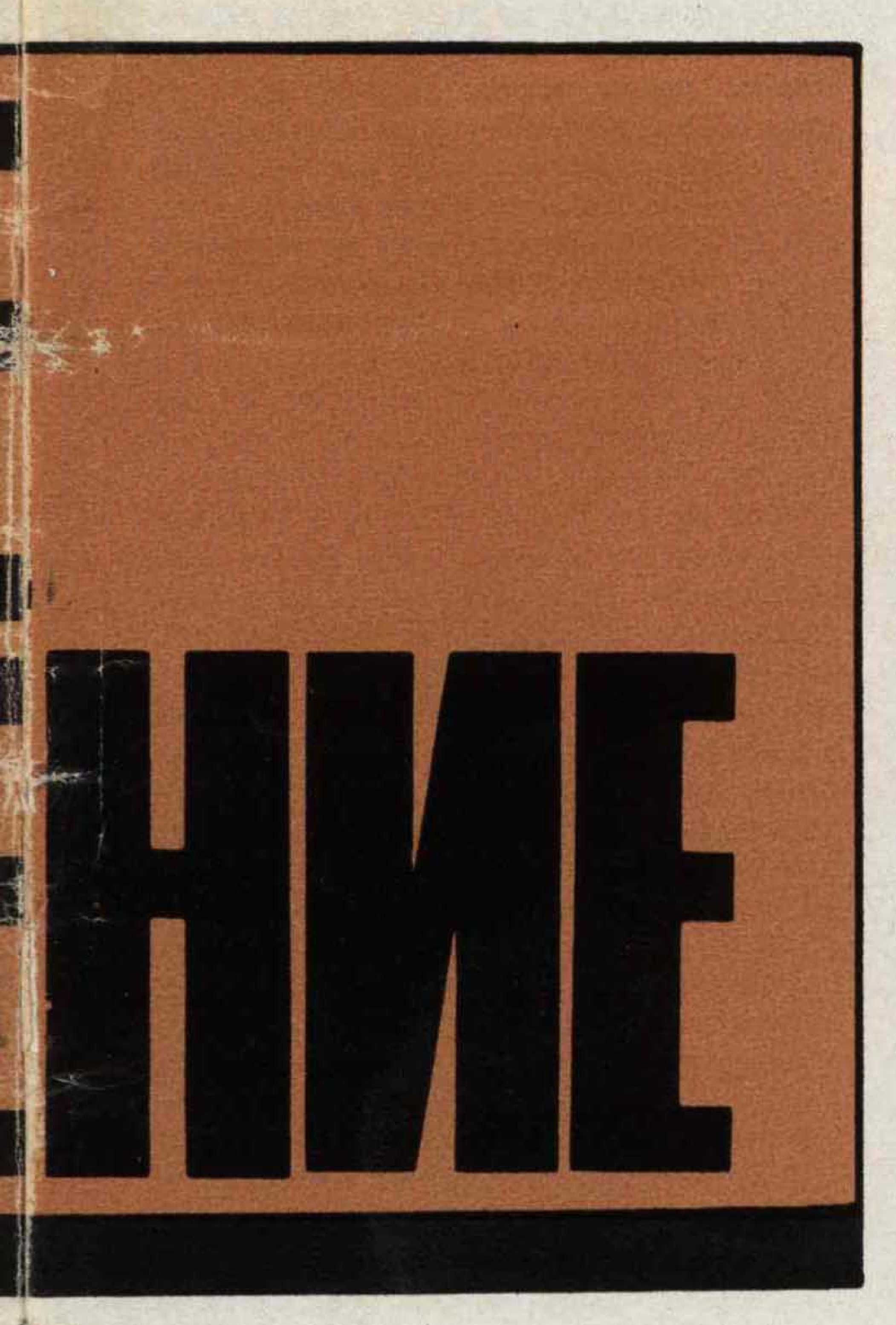
ку в помощь себе призову: закон сообщающихся сосудов действует в отношениях между экономикой и правом неукоснительно.

Многие раздражаются: что вы всё на экономику упираете? Ну, не будет у нас изобилия — пока. Так не все сразу! Не надо за двумя зайцами гнаться, позаботимся сначала о торжестве права, а продовольственное и товарное изобилие оставим на второе, будем решать проблему поэтапно... Заодно избежим вещизма. Зачем делать упор на материальное — это принижает человека.

Симпатичное на первый взгляд не то чтобы противопоставление, а разделение материального благополучия общества и его гражданской зрелости губительно. Нет, поэтапно не получится!

Речь ведь не о том, чтобы у всех было много всего, чтобы каждый как можно больше под себя подгреб. Речь о том, чтобы **вокруг** было всего много — в зоне доступности каждого человека. Потому что обилие доступных благ, возможность в любой момент получить любой товар или услугу, получить без всяких дополнительных условий и лишних усилий, законным способом, расплачиваясь трудом, то есть **купить**,— такая возможность рождает чрезвычайно важный социально-психологический феномен: чувство экономического достоинства. Которое есть основа человеческого достоинства вообще!

Я совсем не обязательно буду все это покупать, совсем не обязательно буду «грести», но сознание, что на свои честно заработанные деньги я могу купить все, что моей душе угодно, сознание, что мне в моей стране ни при каких условиях не придется унижаться и выпрашивать, сознание, что я экономически полноправен, рождает чувство уве-

ренности, спокойствия, достоинства. С другой стороны, я могу загрести огромные богатства, но у меня все равно не будет чувства ни экономического и вообще никакого достоинства, раз все это нахапано, добыто по блату, из распределителей, вынесено «через заднее крыльцо» с оглядкой и ерзаньем...

А пока я вынужден добывать, блатовать, кланяться, унижаться, пока я с дрожью думаю о том, что нужно ехать в автосервис... Пока я за свои собственные, заработанные деньги не могу купить автомобиль, а должен просить, чтобы мне его выделили (и, значит, меня самого выделили среди других), доказывать, что достоин, не пью и вообще морально устойчив, что имею общественную нагрузку и уже пятнадцать лет работаю на этом предприятии, что машина мне необходима в производственных целях и, стало быть, я собираюсь не столько удовлетворять свои частные сибаритские запросы, но главным образом лучше служить государству, что мне надо разрешить приобрести «Жигули» не потому, что я человек и гражданин, а потому, что я передовик производства...

Пока даже за то, за что мы платим огромные, в сущности, суммы, за кооперативную квартиру, например, мы должны обивать пороги исполкомов, заискивающе улыбаться,— пока дело обстоит так, не будет у всех нас этого самого чувства экономического достоинства, экономической независимости и свободы. А если у человека такого чувства нет, требовать от него законопослушного и, главное, законоуважительного поведения очень сложно. Когда гражданин все время стоит — нет, мечется перед выбором: добыть что-то существенно необходимое или соблюсти закон. А уж требовать безукоризненно правового поведения от тех, в чьих руках дефицит — от работников торговли, например,— и просто смешно, и даже в некотором роде жестоко...

В Древней Греции правами обладали те, кто был экономически независим, они и являлись свободными гражданами, субъектами права. Ну, а рабы были объектами права, то есть не людьми, которые распоряжаются собой, а людьми, которыми распоряжаются.

Сегодня предприятие, кооператив, труженик, работающий на подряде,— являются они экономически независимыми? Нет. Почему? Потому что сегодня производитель — завод, колхоз, сельхозкооператив, работник на подряде — лишен главного права: распоряжаться продуктами своего труда и покупать (а не выпрашивать!) необходимые материалы и машины.

Сейчас только и слышишь: вы на арендном подряде, так дерзайте, вы же теперь свободны! Да ерунда это! Нету у арендатора свободы. Что, он удобрения, оборудование покупает? Нет, ему совхоз их или даст, или не даст. А продукт, который арендный подрядчик производит — он что, продает? Нет, у него этот продукт отбирают по заранее установленной цене. Не надо иллюзий — никакой он не независимый товаропроизводитель. Пора наконец понять: только когда элементарное экономическое право распоряжаться тем, что произвел, не сдавать, а продавать, и не получать, а покупать,— только когда это право от товаропроизводителей неотчуждаемо, не отнимаемо, только тогда они и обретают настоящую экономическую свободу и становятся полноправными субъектами права, а если проще, то хозяевами жизни, без всяких иронических или осуждающих кавычек.

Мы же все время разводим руками: всесилие бюрократии! сколько инструкций! министерства нас задушат! ведомственный диктат!.. То и дело раздается: ведомства надо сократить, бюрократа приструнить, инструкциям поставить заслон... Пустые хлопоты! Потому что ведомства командуют, законодательствуют в полном соответствии со своим реальным положением — командным, хозяйским положением. Ведь реальная экономическая власть — именно у ведомств: это они отбирают у товаропроизводителей произведенное и распределяют его. Они, а не те, кто производит. А раз так, то они и законодательствуют, выпускают инструкции, по которым мы все живем, они помыкают производителями. И правильно делают! Они ведь хозяева!

Так будет до тех пор, пока реальная власть в экономике не перейдет от распределителей к производителям, от администраторов — к работникам. Вот тогда получится экономический базис, на который только и может опереться правовое государство. Ведь ведомство — сейчас монополист во всех отношениях, и в правовом — тоже! У него в руках сила, власть, так скажите, зачем ему право? Право как средство принуждения подчиненных и зависимых — это да, это ему еще нужно. Но право как мерка поведения равных и независимых субъектов... Да кто ж ему равен? Разве что другое ведомство. Так они все подчинены своему хозяину — Совмину, там пирамида и смыкается. И пирамиде этой право не требуется — оно там лишний, дезорганизующий работу элемент, «механизм торможения». Вот если отнять экономическую власть у ведомств, заменить продразверстку в промышленности и сельском хозяйстве продналогом, поменять отношения административного распределения материальных богатств на торговые отношения между товаропроизводителями, пирамида рухнет и главенствовать начнет право. Оно займет тот престол, на котором сейчас восседает бюрократ. Причем мы сами его там держим, и крепко держим...

Удивительное дело: я иду в ателье бытового обслуживания, и гвоздь в подметку моего башмака заколачивает **государственный служащий!** Ну, не абсурд ли это? Почему на государственной службе должен состоять сапожник? Зачем нам Министерство бытового обслуживания? Разве люди сами не могут друг другу сапоги чинить? Ты мне гвоздь забил, я тебе деньги — и все. Никого больше нам не нужно! Нет же, существует огромная система... У нас произошло невероятное, немыслимое огосударствление общества.

Какое это имеет отношение к вопросу о правовом государстве? Самое прямое. Если нет Минбыта, если мы с сапожником равноправные партнеры, заинтересованные друг в друге, тогда это правовая структура, нами руководят спрос, предложение и право. Не ровен час обсчитает он меня или всучит брак, я подам в суд, и с него взыщут. Нужно это ему?.. А что у нас? Мы с сапожником неравноправные партнеры: я — проситель, он — государственный служащий, огражденный от меня мощной ведомственной броней. Ему безразлично, доволен ли им я: я ему не начальство. Ему важно, довольно ли им его министерство. И жаловаться на сапожника я иду не в суд, а «по команде» — к командиру его, то бишь к министру: прошу приказать его наказать! Вряд ли чужой командир близко к сердцу примет мою подметку вместе с моей жалобой, как и сам сапожник, как и все другие производители, которые работают не на меня и не от меня получают деньги. В такой системе отношений, где нет прямого торгового обмена, фактически нет места и для права.

— Если реальная власть, все рычаги управления экономикой у министерств, непонятно, как мы сможем на деле осуществить лозунг «Вся власть Советам!». Министерства как игнорировали требования Советов, так и будут игнорировать.

— Конечно. Старая истина — вопрос о власти решается в сфере экономики. Поэтому, чтобы власть действительно принадлежала Советам, нужна, во-первых, реформа системы Советов и, во-вторых, повторяю, необходимо власть в экономике передать от министерств к производителям. А производители, то есть народ, и будут через своих представителей осуществлять власть в Советах. Вот эти две вещи — по сути, единственный путь к правовому государству. Ведь основа правового государства — это именно представительная демократия, то есть власть, осуществляемая представителями народа.

Если Советы по-настоящему представляют народ, то есть если гарантированы демократические выборы в Советы, если Советы выбирают должностных лиц и всех без исключения могут сменить, если Советы контролируют и требуют отчета от всех, кто исполняет (от председателя исполкома до предсовмина), если закон — это не решение Минздрава, не хотение Минторга и не веление Минфина, а то, что принято Советами и только Советами,— вот это и есть работающая модель социалистического правового государства.

Считаю необходимым сказать еще об одном заборе на пути к верховенству права. Это паспортный режим.

Наш советский паспорт — это совершенно противозаконная вещь. Лишь одна функция у него законная — роль удостоверения личности. Фотография, год рождения, моя подпись и печать государства, удостоверяющая, что я это я. Больше никаких «данных» в паспорте не должно быть, например, прописки — понятия, не переводимого ни на один язык. Но она есть, и я не могу подыскать никаких законных оснований для этого института. Интересно посмотреть, как, когда и с какой целью он был создан.

27 декабря 1932 года принят закон, который ввел «единую паспортную систему с обязательной пропиской по всему Союзу ССР». Те, у кого паспорта не окажется, подвергались штрафу и «удалению распоряжением органов милиции». Все это было введено в целях «лучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно полезным трудом (за исключением, инвалидов и пенсионеров), а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов».

Слова-то какие, заметили? «Разгрузка» — слово, которое столетиями относилось к неодушевленным предметам. «Очистка» — санитарный термин применен к народу. Не говорю уже о широчайших возможностях, открываемых местоимением «иных». А происходило это зимой 1932 года, когда люди, гонимые голодом, ринулись в города!.. Что же, подумает кто-то, понятно: сталинское время.

28 августа 1974 года утверждено Положение о паспортной системе в СССР. В нем сказано, что все граждане обязаны «прописываться» (в милиции!) и «выписываться» при переезде и так далее. А что изменилось за 42 года? Некоторые перемены есть. В Положении 1974 года, ныне действующем, уже нет упоминания о кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементах, хотя именно они и были «основанием» для введения паспортной системы. Нет упоминания о «разгрузке» и «очистке». Зато есть нововведение. Теперь нарушителей паспортного режима предполагается не «удалять распоряжением органов милиции» (удалять-то, собственно, некуда: паспортный режим действует и на селе, повсюду). Теперь за «злостное нарушение паспортной системы виновные граждане привлекаются к уголовной ответственности», в числе возможных наказаний — лишение свободы. Какой «прогресс» по сравнению с 1932 годом, а?!

Думаю, это Положение не случайно появилось именно в 1974-м. То было время, когда завершился полный, на 180 градусов, разворот от хрущевской оттепели к бюрократическому всесилию.

Нам всем давно известны социальные уродства, к которым генетически предрасположен институт прописки — фиктивные браки, взятки, оргнаборы, лимитчики, заколдованный круг, когда без работы не пропишут, а без прописки не возьмут на работу, и гоняют бродяг из города в город, и это уже не несколько тысяч, а сотни тысяч человек, которые просто выброшены как мусор за пределы государственного легального существования. Чем? Отсутствием прописки. А как же, спрашивается, можно, кто нам дал такие полномочия — делать права граждан производными от прописки? Это прямо и откровенно противоречит Конституции СССР.

Противоречит праву на труд. Потому что ограничивает конституционное «право на выбор профессии, рода заня-

тий и работы» не моим «призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием...», как сказано в статье 40 Конституции СССР, а наличием прописки.

Противоречит праву на образование. С какой степенью внимательности ни читай статью 45 Конституции, ну нет там ограничения этого фундаментального права пропиской — ни между строк, ни в подтексте. А в объявлениях о приеме заявлений от желающих поступить на учебу в техникумы и вузы сплошь и рядом встречаем небольшое примечание: «заявления принимаются от граждан, имеющих постоянную прописку».

Противоречит праву на отдых. Не прописавшись, я не могу отдыхать, где хочу и сколько хочу.

Вот видите, я открываю «Конституцию СССР», нахожу статью 34... Здесь совершенно ясно написано, что граждане «равны перед законом независимо от... места жительства». Так равны или не равны? И что же такое есть этот наш Основной Закон?.. Да Положение о паспортной системе — вот наш основной закон, оно давно подмяло Конституцию.

А ведь, кроме Положения о паспортной системе, в 1974 году было принято и более конкретное постановление — «О некоторых правилах прописки граждан». Это такой букет уже совершенно противозаконных исключений и дополнений к порядку прописки, что он просто сводит на нет шансы многих людей (и, между прочим, граждан — вот уж буквально: граждан между прочим!) хоть где-то легально жить и работать. Например, нельзя прописаться в квартиру, если там меньше метров на человека, чем положено по санитарной норме. Понимаете, рождаться и жить вшестером в однокомнатной квартире можно, тут санитарные нормы никого так не волнуют, а прописаться нельзя — и все, будь ты хоть брат, сын... И таких абсурдов там миллион!

Я слышал, что собираются отменить многие из этих ограничений, расширить право на прописку. И это, конечно, очень хорошо. Но я очень боюсь, что такие смягчения крайностей подменят коренное решение вопроса об институте прописки. Он должен быть уничтожен полностью, целиком. Может ли так быть в правовом государстве, что я в своей стране должен просить разрешения жить там, где хочу? И у кого просить — у милиции!

— Но многие высказывают серьезный довод: если отменить прописку, все ринутся в Москву, Ленинград...

— Убежден: наивно полагать, будто пропиской мы регулируем население городов. Это же фикция — все равно в Москву едут и будут ехать, и фиктивные браки будут, и фактический «лимит» мы никакими запретами сверху не истребим. В Москву ежедневно приезжают несколько миллионов «представителей с мест» и скупают все, что есть в гастрономах. Это же тоже перенаселение.

А теперь представьте на минуту, что с завтрашнего дня нет больше прописки. Что, все советские люди — сумасшедшие, они бросят свою работу, квартиры и поедут в Москву жить на вокзалах? Нет, конечно, поедут только те, кто может здесь найти работу и жилье, то есть те, чьи специальности здесь жизненно необходимы. А коренные москвичи, которые годами не могут здесь найти работу по специальности (потому что у нас тут давно переизбыток кадров по многим профессиям), или те, которым просто до смерти надоело жить в огромном городе,— они что, не уедут из Москвы? Да запросто уедут — кто временно, а кто и навсегда. Это сейчас не уезжают, потому что боятся потерять московскую прописку: в случае чего возврата нет. Да мы этой московской пропиской пожизненно к Москве привязаны! Даже если мы здесь обречены на то, что не можем реализоваться, приложить себя.

Вероятно, если ликвидировать административно-командное управление экономикой, о перенаселении отдельных городов можно было бы особенно не беспокоиться,— происходила бы саморегуляция процесса расселения, миграции... Но как, интересно, сохранив институт прописки, мы собираемся от командного руководства экономикой перейти к саморазвитию?

Ведь для саморазвития обществу, этому сложнейшему организму, необходим перелив, естественная циркуляция социальных сил из города в город, из края в край, из города в деревню, из деревни в город. Это идеи переливаются, рабочая сила, энергия людская. Переливаются туда, где больше всего потребность организма. А искусственные прописочные заборы просто перекрывают сосуды, естественной циркуляции нет, образуются тромбы...

Для саморазвития нужно, чтобы людьми руководил реальный экономический интерес, реальная потребность, а режим прописки тут как тут — прямо поперек этому реальному экономическому интересу и стоит.

Если заводы, колхозы, институты перейдут, наконец, на настоящий, а не фиктивный хозрасчет и, значит, заживут реальным интересом, им же нужны будут не оргнаборы, а опытные кадры, таланты и трудяги, способные дать высшую производительность труда. Но вокруг — прописочный забор...

— Если мы заговорили о паспорте, не обойти графу «национальность». В Европе, например, кроме нас и Чехословакии, больше нигде ее нет.

— И правильно, что нет! От того, что в паспорте указано, что я — русский, я себя более русским не считаю. Я считаю себя русским, потому что таковы мой язык, моя культура, мой поведенческий стереотип. Я чувствую на себе ответственность, начиная со времен Ивана Калиты, я ненавижу опричников, потому что они мои опричники. Понимаете? Национальность — категория реальная и очень существенная. Но ее реальность — в стремлении идентифицировать себя со своей национальной культурой и воспроизводить эту культуру в своей деятельности.

Итак, национальность имеет культурное, историческое значение. Но никакого административного значения национальность не имеет! Не должна иметь...

Я категорически против того, чтобы в паспорте сохранялась графа «национальность», я категорически против «пятого пункта» в анкетах, начиная с личного листка, заполняемого при приеме на работу, и кончая библиотечным формуляром, то есть я против огосударствления этой культурно-этнической категории. Категория этноса принадлежит обществу, но не государству. Мы знаем, какого рода государство возвело национальность в ранг государственного признака. Национал-социалистское государство.

Включение категории национальности в ряд государственных признаков принципиально антидемократично, ведет к разного рода деформациям, уродствам в межнациональных отношениях.

Но и это еще не все. Мы не сказали пока о паспортно-анкетном режиме самое главное и самое, быть может, страшное.

Зачем сталинскому государству понадобился паспорт с пропиской и национальностью, зачем при поступлении на работу требовалось заполнение этих немыслимых анкет из, наверное, ста пунктов?

Чем больше я про тебя знаю, тем больше я тебя контролирую. Попробуй только прояви строптивость в чем-нибудь, я ж могу и за ниточку потянуть, а их у меня много, ты их сам мне в руки дал. Знаю и про родственников за границей, и про все прежние твои занятия... Средство сверхконтроля, государственный шантаж, инструмент психологической атаки. И государство им пользовалось — и при Сталине, и при Брежневе. Чтобы бороться с инакомыслием, чтобы у всех были одинаково правильные мысли, чтобы никто вдруг не захотел узнать всю правду о сталинских лагерях, о нашей прекрасной, героической истории, чтобы все улыбались широко, ясно, без всякой там иронии и подтекста. Чтобы все люди были хорошо управляемыми марионетками.

Нам долго внушали (и преуспели в этом), что без паспорта мы не граждане и даже не покупатели, не постояльцы, не отдыхающие, не пациенты — вообще никто.

Однако разве я советский гражданин, потому что у меня есть паспорт? Совсем наоборот. У меня есть паспорт, потому что я — советский гражданин. И доказательством этого является вовсе не паспорт, а то, что я родился здесь и живу здесь.

Понимаете, до 1932 года советский гражданин был советским гражданином просто потому, что он здесь родился, а с 1932 года он — советский гражданин только потому, что государство ему это позволило и выдало паспорт.

Произошла подмена первородного права гражданства на санкционированное государством право быть гражданином.

Но подмена эта произошла не только на бумаге — в искаженных, уродских формулировках Положения о паспортной системе. Подмена произошла в жизни, в нашем сознании. Мы, советские люди, утратили какое-то очень важное чувство. Чувство, что и без всей этой кипы бумаг, «разрешающих» документов, без этой красной книжечки, и без трудовой книжки, и без книги коммунальных платежей, без всего, а вот так просто, «голые», ничем не подтвержденные, мы все равно свободные люди, полноправные граждане.

А без возрождения этого чувства правового государства не построишь.

— Не потому ли у нас все эти годы так часто и так легко лишали советских людей гражданства,— ну, раз это не первородное право, а как бы благодеяние со стороны государства, переходящий вымпел за хорошее, послушное поведение. Провинился — лишим тебя нашего расположения: кто дал — тот взял...

— Вы правы. В США лишить гражданства могут только лиц натурализованных — тех, кто не родился, а приехал в США, кому государство дало гражданство. Но если ты родился в США — власти никогда, ни при каких обстоятельствах не могут лишить тебя гражданства, ибо гражданство там — прирожденное право, оно неотчуждаемо от человека, оно «от бога».

И другой вопрос — необходима демократическая процедура лишения гражданства. Не келейно принимаемое, пусть даже «наверху», решение без внятных аргументов, а гласное, открытое судебное разбирательство.

Оно и показало бы, действительно ли человек совершал нечто несовместимое с советским гражданством — нечто сугубо антисоветское — или же так всего-навсего полагала «группа товарищей»...

Кстати, скоро должно значительно сузиться понятие антисоветчины. Как известно, подходит к концу подготовка нового уголовного законодательства. По практически единодушному мнению ученых и практиков из разных институтов и ведомств, в новом Уголовном кодексе должна отсутствовать статья 190' УК РСФСР, карающая за распространение в устной или другой форме ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Здесь имеются в виду действия, не имеющие цели подрыва или ослабления Советской власти. По этой статье еще 2—3 года назад диссидентами становились и за критику местных властей, и за недовольство прошлыми или существующими порядками, и за хранение книг «антисоветских» авторов, вроде Роя Медведева, а то и просто за анекдот, рассказанный «не к месту», в компании слишком строгих ценителей.

— Ну, о том, что эта статья прямо противоречит свободе слова, праву на критику и должна быть отменена, мы с вами еще год назад сказали — в августовском номере «Огонька», в беседе «Время миловать».

— Но там же мы сказали, что статья 70 УК РСФСР, карающая за «агитацию и пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления Советской власти...», вполне правомерна. Но вот прошел год — а кажется, вечность, настолько далеко мы продвинулись по пути демократизации,— и в проекте нового Уголовного кодекса предлагают сузить диапазон действия и статьи 70. Просто агитация и пропаганда — это слишком широкое понятие, это еще не может рассматриваться как преступление. Рассматриваться как преступление может только призыв к **насильственному** свержению конституционной власти, подстрекательство к такому свержению власти. Иначе опять можно сажать за острую критику, за мнение, не совпадающее с мнением властей, как были осуждены по семидесятой Даниэль и Синявский.

Наше горькое прошлое научило: самое страшное оружие, которое может направить против себя государство,— это запрет на критику, льющаяся со всех трибун и газетных полос убаюкивающая сказка, чувство глубокого удовлетворения от всего, что бы ни происходило. Мы теперь не боимся критики, мы сами себя критикуем, как никто, и именно это поможет нам построить подлинный, демократический социализм.

— Насчет критики. Ясно, что условие существования правового государства — контроль за государственной деятельностью всех уровней со стороны общества. В свою очередь, одним из главных факторов такого контроля является свободная пресса. У нас много говорили о продажной западной прессе, а как назвать нашу прессу в годы застоя? Да и сейчас кто же не знает, что в редакции телефон главнее телетайпа? Важно лишь, чтобы звонок был достаточно «громким»: в районной газете — из райкома партии, в областной — из обкома. Если газета — орган, скажем, исполкома, то исполкому и трубка в руки. По-моему, здесь субординация и демократизация противоречат друг другу.

— На XIX партконференции прозвучала плодотворная, на мой взгляд, мысль главного редактора «Правды»: пресса могла бы играть роль социалистической оппозиции. Механизм для реализации этой идеи тоже был предложен на конференции: преобразование газет из органов партийных комитетов в органы партийных организаций и выборы редколлегий всеми коммунистами парторганизации. В этом случае редколлегия получает действительную самостоятельность и возможность объективно оценивать деятельность, в частности, руководящего органа. Предложение не было принято, но я надеюсь, вопрос не закрыт навсегда.

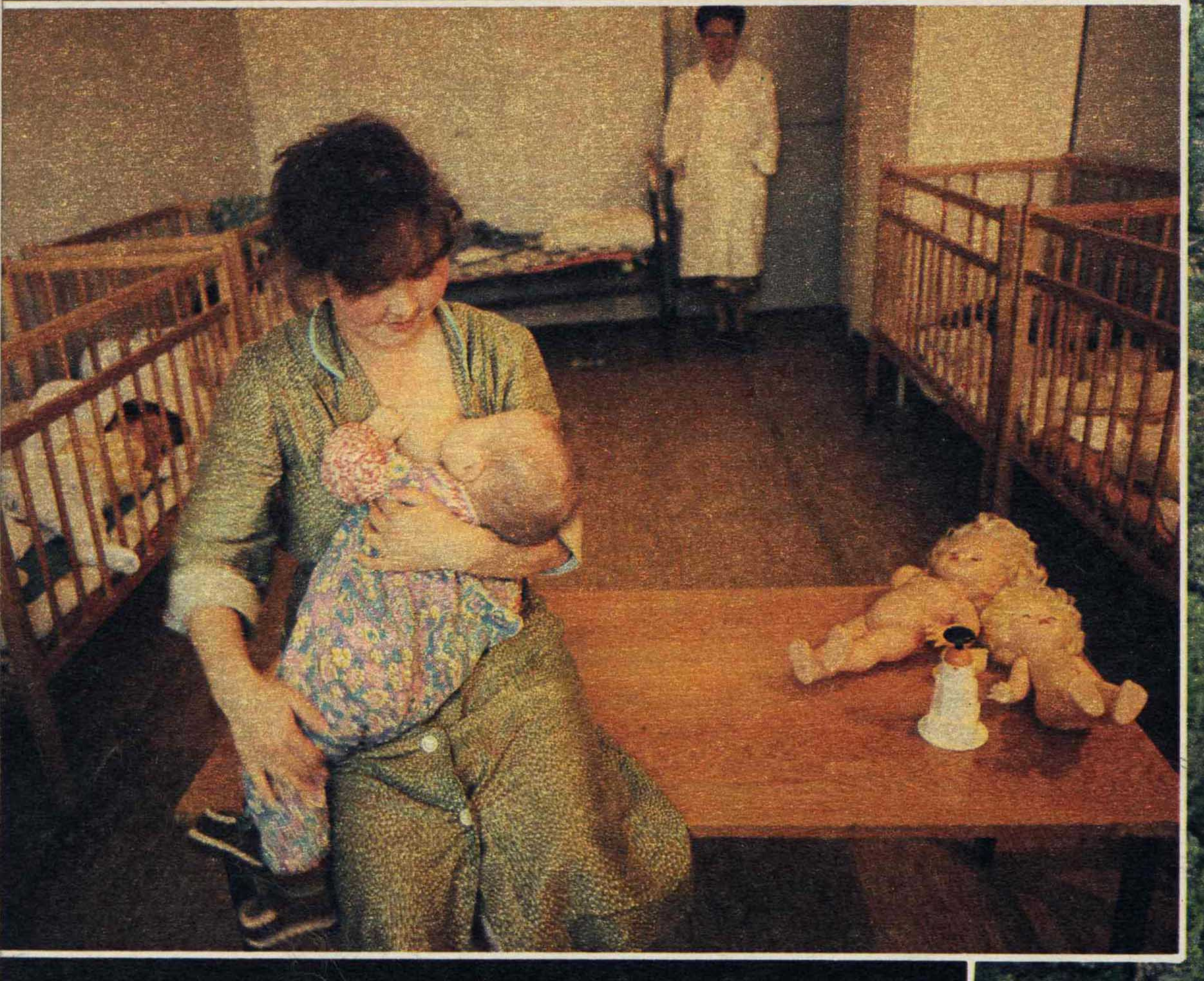
Надо отдать должное смелости журналистов, которые с боем, пядь за пядью, высота за высотой завоевывают все новые рубежи свободы и гласности, и все время с риском получить выговор, быть уволенным, стоит чуть заступить за черту дозволенного на сегодня. И все время находится кто-то, кто хочет одернуть прессу, кто тут же пытается поднятую планку свободы опустить на вчерашнюю высоту. Сейчас про Галича, Виктора Некрасова все пишут, а год назад редактор, отважившийся на такую публикацию, мог и кресла лишиться. И при этом журналистов все время призывают убить в себе внутреннего цензора...

Продолжение на стр. 29.

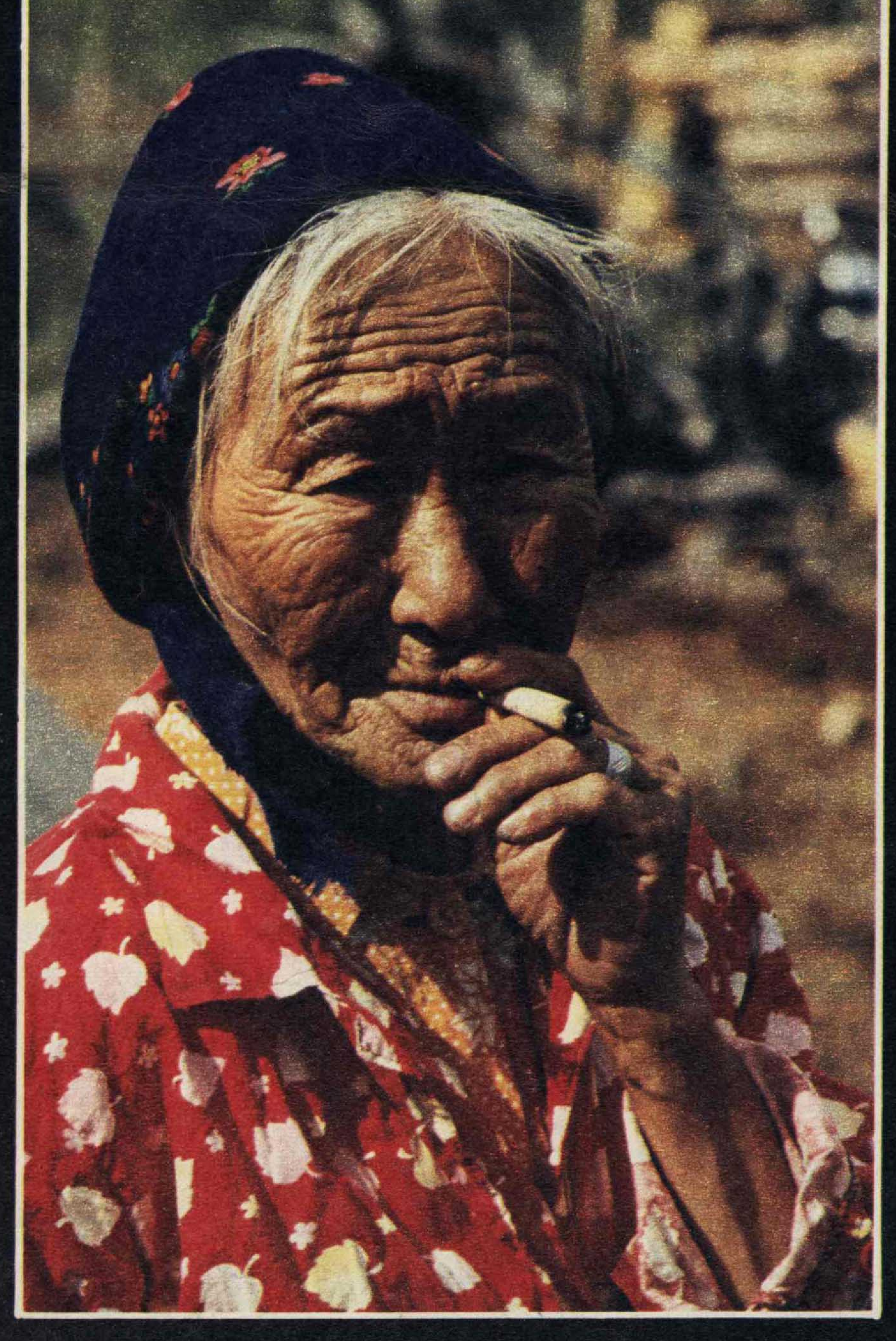
ОНИ НЕ НАЗЫВАЛИ СЕБЯ ПЕРВОПРОХОДЦАМИ ИЛИ ПОКОРИТЕЛЯМИ, ИБО КАК МОЖНО ПОКОРЯТЬ РОДНУЮ ЗЕМЛЮ. ИХ ПРИМЕР УВАЖИТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЗАКОНАМ ПРИРОДЫ СИЛЬНЕЙШИМ ОБРАЗОМ ВОЗДЕЙСТВОВАЛ НА ПЕРВЫХ РУССКИХ, КОТОРЫЕ ТРИ ВЕКА НАЗАД ПОЯВИЛИСЬ В ЭТИХ КРАЯХ, СТАЛИ ПАСТИ СКОТ НА ПРИПОЙМЕННЫХ ЛУГАХ И ВЫРАЩИВАТЬ ЗЛАКИ НА РАСКОРЧЕВАННЫХ В ТАЙГЕ ПОЛЯНАХ, СТРОИТЬ ДЕРЕВЯННЫЕ КРЕПОСТИ. И ТРИ ВЕКА ЖИЛИ ОНИ В ЛАДУ С ПРИРОДОЙ, И ИМ ВСЕГО ХВАТАЛО: И РЫБЫ, И МЯСА, И ЛЕСА, И ВОДЫ...

ЯГЕЛЬНЫЕ ПОЛЯНЫ,

ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ ДЛЯ БУДУЩИХ РАССКАЗОВ В ФОТОГРАФИЯХ И РАЗМЫШЛЕНИЯХ

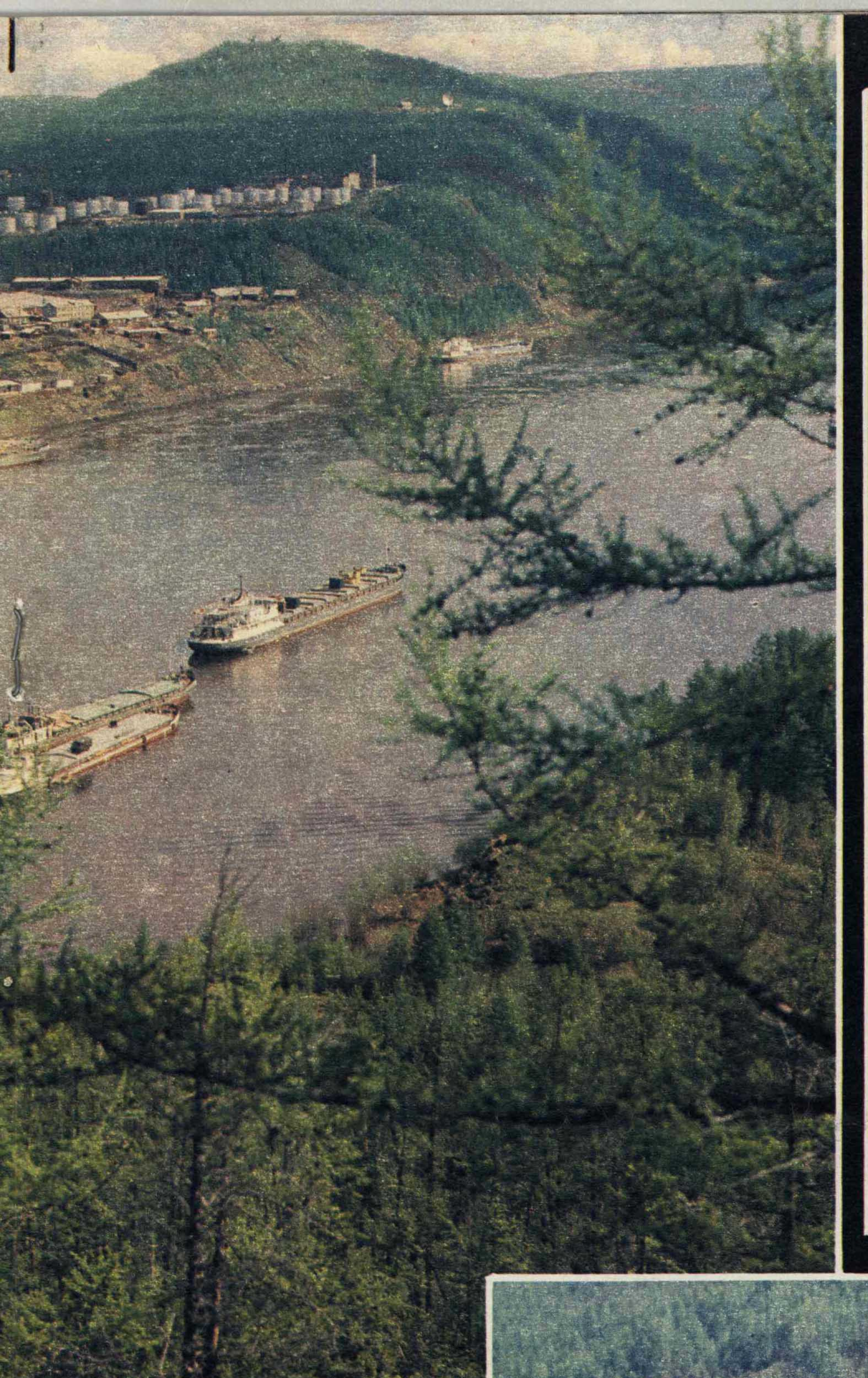

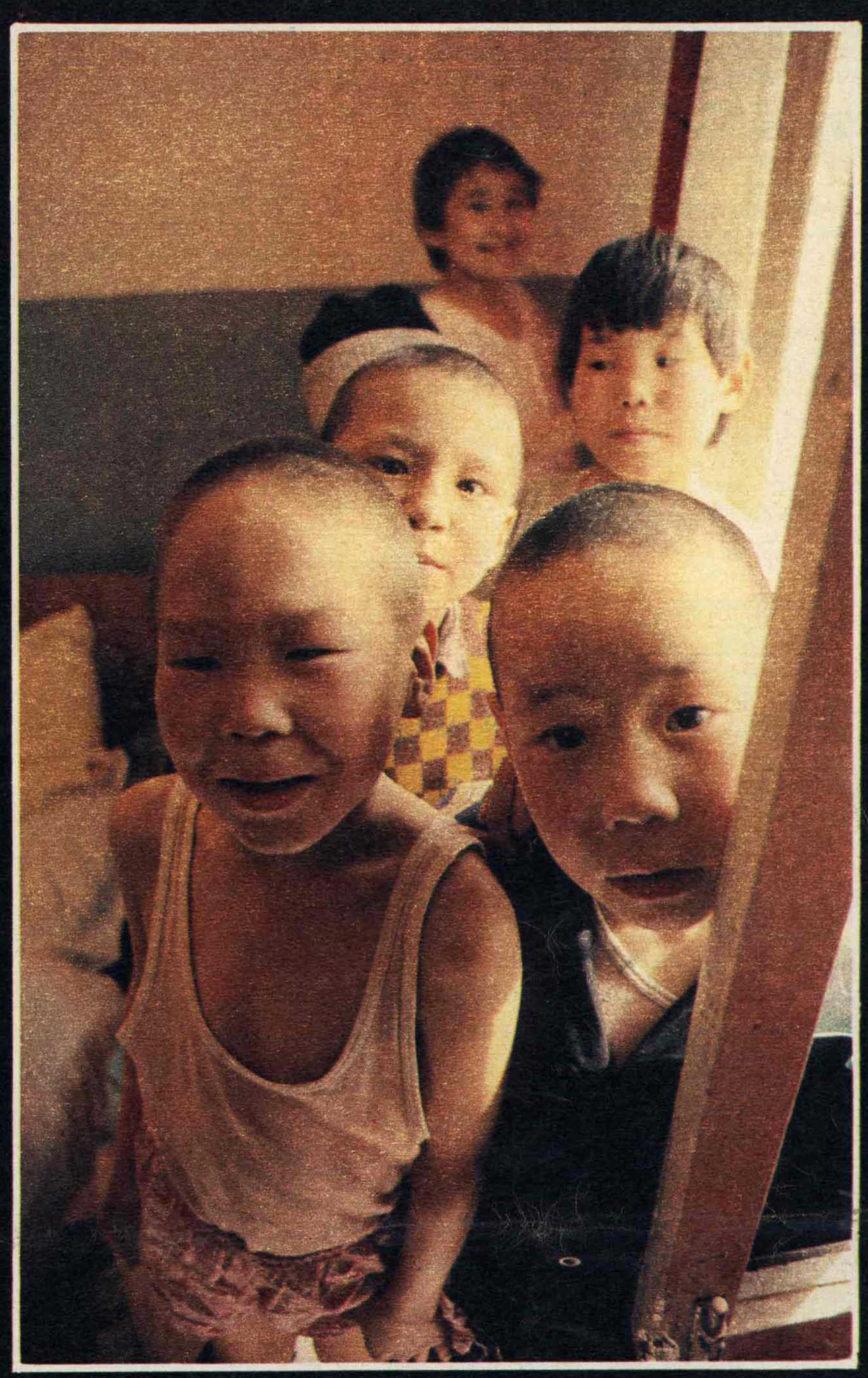

ВСАДНИКИ НА ОЛЕНЯХ

Семен ЯНОВСКИЙ,
Марк ШТЕЙНБОК
(фото)

Как, по-вашему, на каком языке разговаривают туринцы? Можете не гадать и не отвечать с апломбом: на североитальянском диалекте. Все равно ваш ответ будет неверным. Туринцы говорят по-русски! Все! Особенно поражает то, что почти никто не говорит не то что по-итальянски, даже по-эвенкийски. И это тем более обидно, что речь идет о жителях поселка Тура, который явля-

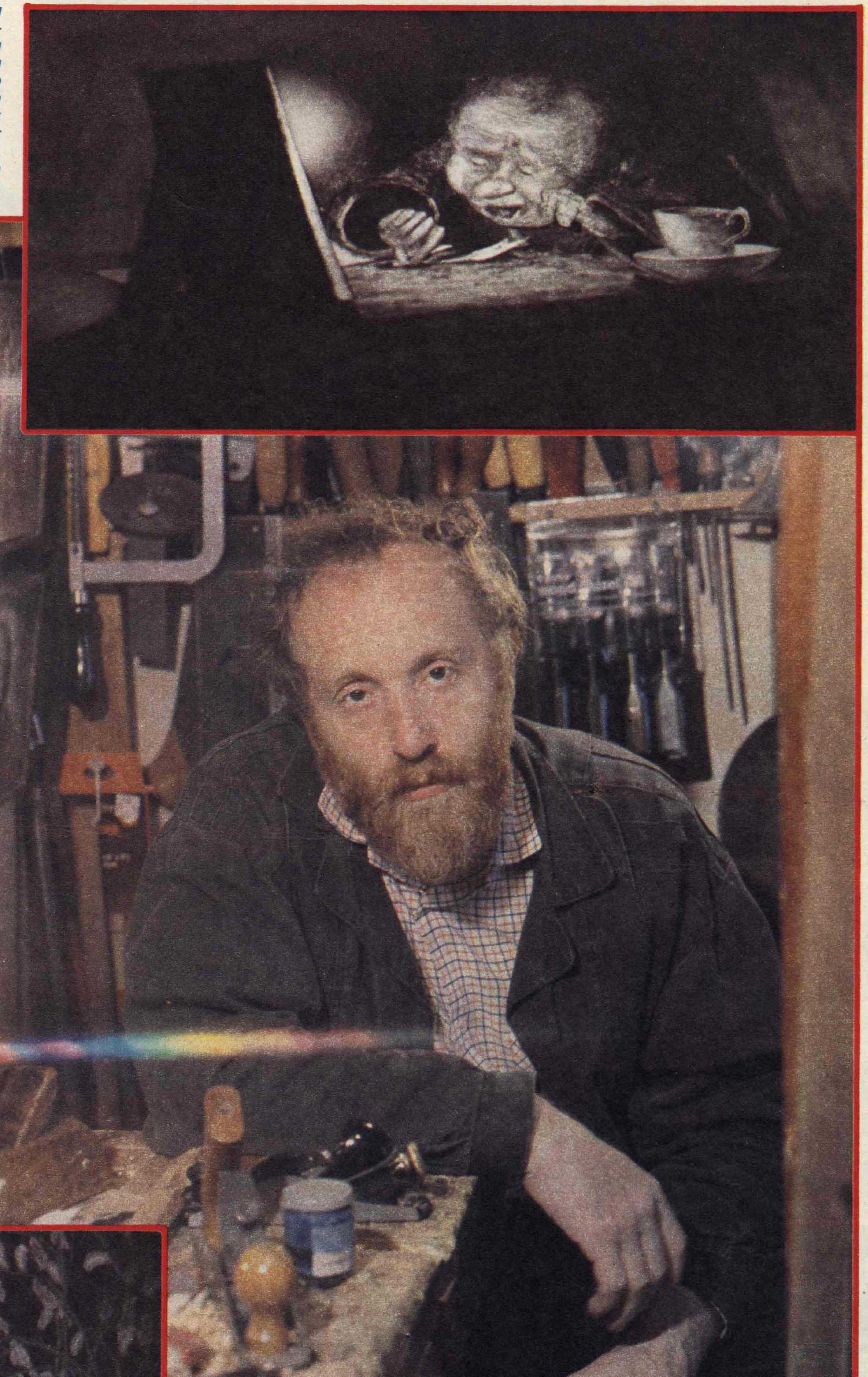

ется столицей Эвенкийского автономного округа. Но этот факт из удивляющего становится по-настоящему тревожащим, когда, путешествуя весной и летом по бассейнам Подкаменной и Нижней Тунгусок, я попадал в большие и малые (по старинке именуемые факториями) поселки, без напряжения общался со всеми: и стар, и млад владеют русским разговорным, но исключительно редко, особенно среди молодых, слышна гортанно-напевная эвенкийская речь.

Продолжение на стр. 20.

Международным опросом кинокритики в Лос-Анджелесе в 1984 году режиссер-мультипликатор Юрий Норштейн назван автором лучшего фильма всех времен и народов — «Сказки сказок». Четыре его фильма имеют более тридцати наград на всесоюзных и международных фестивалях. Юрий Норштейн — лауреат Государственной премии СССР, секретарь правления Союза кинематографистов.

СНИМАЛ

Мария ДЕМЕНТЬЕВА,
Игорь ГНЕВАШЕВ
(фото)

Сейчас Юрий Норштейн — без работы. Вот уже два года он не работает над фильмом, о котором распространяются легенды как о незавершенном шедевре. А получилось это так. Норштейн не успел закончить работу в срок, и его место в павильоне заняла очередная группа. С тех пор режиссер показывает отснятый материал, от которого, надо сказать, все приходят в восторг, и просит помочь ему закончить работу — найти павильон. Все — за то, чтобы Норштейн доснял свою «Шинель». Однако, как выяснилось, найти в Москве помещение в 140 квадратных метров для завершения предположительного шедевра практически невозможно.

За эти два года, пока длятся поиски, Юрия Норштейна приглашали заканчивать его фильм в Канаду, Бельгию, Францию, США. Прислала письмо Международная ассоциация мультипликационного кино с просьбой направить Норштейна за границу, чтобы он закончил фильм. Причем предлагает помочь валютой. Однако Юрий Норштейн уезжать работать за рубеж отказывается.

— Я понимаю, есть момент гордости. Но годы-то идут! Кроме того, другие же не стесняются уезжать работать за границу, хотя у них в отличие от вас есть здесь все условия. Почему же вы не поедете заканчивать картину в комфорте?

— Вопрос вполне справедливый. И, возможно, кому-то мое поведение кажется нелогичным. Но фильм-то делается не только утренним приходом в павильон и заводом себя на работу. Он делается ночными звонками, разговорами с друзьями, звуками, запахами, всем, что тебя окружает; той людской готовностью к озлобленности, которая на тебя воздействует, пока едешь на работу. И сам процесс творчества — результат, конечность всего этого знакомого и противоречивого движения жизни.

А там... Да, мне предлагают все условия, чтобы снимать. В конце концов я могу вообще уехать — насовсем. Но это было бы слишком просто, и, боюсь, не было бы фильма. То есть как профессионал я бы, конечно, его сделал. Но это был бы только профессионализм. Страсти и... разодранного локтя там бы не было. ...Как-то в детстве я упал с велосипеда и разодрал локоть. Выступила сукровица, потом ветерком стало рану обдувать и охлаждать. Но все равно это было самое больное место. Остальное тело я уже не чувствовал, только локоть. Так работать-то надо только этим, разодранным местом. Все остальное не имеет значения. А это ощущение есть только дома. Там бы оно обязательно ушло. И получился бы просто добротный фильм. А мне кажется, что пусть лучше фильм будет с ошибкой (даже самый хороший фильм бывает с ошибкой), но пусть эта ошибка будет твоя и больная. Поэтому я не могу никуда уехать.

Меня даже в Чехословакию приглашали. У меня там много знакомых и друзей, которые, увидев материал, сказали: пожалуйста, возьми сколько тебе нужно в павильоне места, времени, и тебя никто не будет трогать. Условия, казалось бы, идеальные — Чехословакия близко. Но нет, я не смогу. Я и из Москвы-то если уезжаю на неделю, страдаю безумно и ничего с собой поделать не могу. А уезжать на четыре года — это невозможно.

— Как я понимаю, вы не работаете и соответственно зарплату не получаете. Извините за нескромный вопрос: на какие средства вы живете?

— Год я вообще не получал зарплату. Это для тех, кто считает, что режиссеры захлебываются от денег. Я преподаю на высших режиссерских курсах. Это небольшой, но заработок. А с октября прошлого года мне стали платить зарплату в связи с тем, что я работаю над конструкцией мультипликационного станка.

— А началось все с того, что вы на «Союзмультфильме» не выполнили плана. Тема — вдохновение в условиях планового производства — особая и неоднозначная... И все же, как вы считаете, справедливо поступили с вами на студии или нет?

— Справедливо юридически, но несправедливо в целом.

Мы фильм делаем долго, неправдоподобно долго. В сущности, с 1981 года. Но отсюда надо вычесть четыре года, которые мы по разным причинам не работали. Три года у меня просто вырвали из жизни. Часть времени ушла на согласование технических вопросов. На выбивание зарплаты для кинооператора Жуковского. (В связи с отказом платить его тарификационный оклад фильм пришлось законсервировать на год. А речь шла о 50 рублях в месяц.) То есть из семи лет нормальной работы три года. Да и что это за нормальная работа, когда все время «трясет»: заканчивается квартал — ты должен отчитаться, заканчивается год — ты не успеваешь. А поделать ничего не можешь. И по причине твоей несвоевременной работы кто-то остается без прогрессивки — это очень давит на душу, я же не циник. Страдают-то в основном малоимущие — те, для которых квартальная премия — возможность что-то купить... Это, в сущности, иезуитский ход.

Короче, мы благополучно не выполнили плана. Я вполне согласен с начетами, которые администрация мне направляла,— все вполне справедливо. Но, понимая сложность этой работы, администрация должна была увеличить сроки — об этом все время говорилось. Мне могут возразить — мол, вы же сами их намечали.

Но в этих сроках столько ушло сил на согласование, утряски, усушки. Работа нашей группы, по сути, лабораторная. Мы все время куда-то прорываемся, уходим в другие пространства, а там темно, пытаемся найти свет, работа наша не однозначная и не однолинейная и не рифмуется с большинством делаемых на студии лент. Я, конечно, не один такой, на студии есть еще несколько человек, которые тоже уходят в свою темноту. Но это же нормально. Иначе мы бы просто стухли на утрамбованном, отведенном нам и таком привычном участке... А жизнь и так короткая.

И еще одно обстоятельство. Мы делаем фильм практически втроем (против обычной группы в 12—15 человек): режиссер, художник Ф. Ярбусова, кинооператор А. Жуковский. (На «Сказке» оператор был Скидан-Босен.) Я и режиссер, и мультипликатор. Естественно, можно спросить — а почему вы работаете такой маленькой группой? Не проще ли набрать еще людей? Вопрос правомерен, но с большим количеством людей я работать не могу. Три человека — тот максимум, когда люди видят друг друга. Главное в работе — уметь передать свои чувства, подключиться, создать единую кровеносную систему. В большой группе это невозможно. Другие могут, у меня не получается.

Кроме того, если я дам задание мультипликатору, который, может быть, и талантливее меня, он все равно сделает не то. Не то, что хочется мне. Потому что во время работы я двигаюсь по моей мысли и моему чувству. И если вижу, что вышел не туда, спокойно сворачиваю все снятое и начинаю заново. И не испытываю никакой жалости к себе. Как сказал Киплинг, «и, потерпев крушенье, можешь снова, без прежних сил возобновить свой труд».

Вот и получилось, что, не выполнив план, мы задерживали другую группу. Тут целый цикл, одно гонит другое. И в результате нас из павильона попросили. И я полагаю, что в этой ситуации много моментов чисто этических.

Павильон, в котором мы работали, был подготовлен нами — режиссером, оператором. Наша технология съемки практически не имеет аналогов, мы, в сущности, сочинили всю ее сами. И когда другая группа приходит в наш павильон, она приходит не просто на уже сделанное, она пользуется художественной методологией. А это уже немножко другое. Другие акценты. Поймите меня правильно, свой метод работы я не скрываю ни от кого, рассказываю о нем на всех профессиональных перекрестках. И все же есть жизненные, человеческие законы. Например, понимание другого человека. Вообще проблема этики отношений среди художников — больная. Пользуясь всей полнотой циркуляров, начальство порой без умысла, а чаще сладострастно сталкивает художников друг с другом. И возразить трудно. Инструкция охраняет подлость.

— Но что же все-таки будет с вашей работой? Есть все же сейчас реальная возможность получить помещение?

— Иезуитство ситуации в том, что уже два года все говорят «за». Вообще сегодня время во многом отвратительно тем, что никто не говорит «нет» — научились. Люди камуфлируются мгновенно. В общем, на словах все меня поддерживают. А практически...

Начинается с причин, по которым не могут найти помещение. Секретариат СК обращался в Моссовет, чтобы найти эти 140 квадратных метров. Это же смешно, чтобы в Москве их не было! Мы бы туда могли вместиться и ни от кого не зависеть, студия или кинофонд платили бы аренду, это было бы дешево. Но помещения не нашлось. В результате остановились на варианте, чудовищном по своим денежным затратам и фантастическом по неправдоподобию.

Остался, наверное, единственный в районе двухэтажный дом неподалеку от метро Добрынинская, где жил Тарковский. Каким-то чудом уцелел. Теперь там хотят сделать филиал Всесоюзного киномузея. Причем не только мемориальный музей Тарковского, но и научные кабинеты Ромма, Шукшина. (Эти люди связаны, и Шукшин и Тарковский — ученики Ромма.) И тогда же появилась идея — сделать там павильон. Если это произойдет, я могу только вознести молитву секретариату, кинофонду и Всевышнему. И, может быть, тогда в конце года появится возможность продолжить работу. Но этот вариант слишком прекрасен, чтобы быть реальным. Столько лет... А время капает, капает.

— Сколько времени у вас, как правило, уходит на фильм?

— По-разному. В среднем 7—8 месяцев на 10 минут. Первый был сделан вовремя, это была детская сказка «Лиса и заяц», потом «Цапля и журавль», тоже вовремя. «Ежик в тумане» был сдан уже на три месяца позже, и с нас снимали проценты от постановочных. «Сказка сказок» опоздала месяцев на восемь, фильм делался полтора года. Стоил баснословно дешево, хотя по экономическим нормативам был на шесть тысяч дороже. Тут парадокс — администрация судила по тому, что было заявлено вначале, и раз не сходится, решила она, давайте сорвем с группы двадцать процентов, чтобы знали, а заодно и выговор влепим режиссеру на спину в виде бубнового туза. (У меня всегда вызывают улыбку эти выговоры — словно они их со мной в гроб положат... Чем они хотят брать человека?) И никто не судил по конечному результату.

— А потом была премьера «Сказки сказок» в «России», и я, помню, впервые увидела очереди на советский мультипликационный фильм... Потом фильм победил в Лос-Анджелесе, шесть раз вместе с другими вашими фильмами был показан по коммерческому каналу французского телевидения и два раза — по государственному...

— Но ни одна газета в нашей стране об этом не написала.

— Кстати, «Сказка сказок», кажется, лежала и на полке?

— Да, полгода. Мы ее закончили, а в это время группу выдвинули на Госпремию за предыдущие работы. (На собрании один мой коллега возмутился: «Как можно выдвигать на Госпремию человека, который нарушает госплан?) И тут приходит бумага из Госкино (она до сих пор хранится у меня дома): решением коллегии фильм должен быть сокращен до метража, определенного в режиссерском сценарии. То есть до двух частей вместо трех. Вы понимаете, какая подлая бумага! Ничего не пишется о цензуре, о том, что именно сокращать, просто — уместить в регламент. А дальше твое дело, режь, что хочешь. Видели бы вы, с каким «административным восторгом» директор Зотов прочитал мне этот циркуляр. Я, конечно, сразу же, и в присутствии его зама, и главного редактора, сказал, что категорически не буду ничего сокращать, и не позволю никому, и фильм буду защищать сам. Это ваше дело, сказал

И «ШИНЕЛЬ»...

мне директор. Для него мое поведение было абсолютно неадекватно — они же привыкли к холуйству. И я пригласил критиков из газет, из киноотдела и Юткевича — чтобы он своим авторитетным словом помог.

В большом зале студии набралось человек сорок. Мы уже хотели начать просмотр, как вдруг в зал вбежал совершенно взбешенный замдиректора студии Докучаев. Кстати, маленькая деталь. Когда я сказал, что переделывать фильм не стану, Докучаев, глядя на директора, бросил реплику: «Ну да, уже один отказывался переделывать фильм, больше в кино не работает».— «Это кто ж такой?» — спросил директор. «Да Аскольдов»...

Это он пугал меня. Так вот, на Докучаеве не было лица. Он уже не говорил, а шипел, гнев от моего своеволия душил его. Он побежал в кинобудку и заорал, что просмотра не будет, пока в зале не останется только Юткевич,— его он выгнать не посмел. И действительно, всем пришлось уйти. Правда, Ольга Чайковская спряталась за колонной. А дальше обстоятельства приобрели совсем драматический характер.

Юткевич посмотрел фильм и сказал: «Юра, вашу группу выдвинули на Госпремию. Если вы сейчас не сделаете то, что вас просят, вы и премии не получите, и фильма не увидите. А мне фильм понравился, я вам даже помогу в перемонтаже». Я ответил: «Сергей Иосифович, у меня две руки, какую предпочтете отрезать?»

Но кончилось все неожиданно хорошо. Департаменты ли не договорились, или, быть может, к мультипликации, как обычно, всерьез не отнеслись, но Госкомитет дал премию, а Госкино разрешило фильм к прокату.

За неделю до публикации о премиях меня вызвали в Госкино к главному редактору Богомолову. И он, смущаясь, не глядя мне в глаза, говорит: «Ну что, Юрий Борисович, надо как-то картину выпускать, что делать». То есть словно я сам устроил всю эту историю... Повисла пауза. Богомолов какую-то крошку на столе нашел и разглядывает — сам ведь прекрасно все понимал. В общем, сошлись на том, что поменяем название. (Фильм назывался «Придет серенький волчок» — я считал, что это лучше, сразу дает настрой.) Это был 1979 год.

— «Сказку сказок» вы делали с Людмилой Петрушевской, которая была в те годы практически не издаваемым автором, полузапрещенным. Как этот союз возник?

— Мы с Петрушевской знакомы с 68-го года. Знакомство как-то росло, происходил душевный обмен. И... я не знаю, почему я к ней пришел. Просто пришел и сказал: «Люся, у меня есть такой бред, причем уже давний, хотелось бы сделать...» И рассказал какието кусочки, строчки поэтические. Рисунки ей показывал, сам что-то рисовал, пел колыбельную, говорил о своем доме... В общем, вытряхнул перед ней всю эту груду.

А потом началась какая-то ненормальная работа. Сценария в обычном смысле, конечно, не было. Да и быть не могло — фильм же развивается не строго по сюжету, он скорее составлен из отдельных новелл, переходящих друг в друга. В результате мы оба авторы сценария, хотя там нет ни одного моего слова — я говорил, кадровал, короче, писал своими знаками...

И у меня тогда не было мысли — запрещенная, неиздаваемая. Она человек, мною глубоко уважаемый и почитаемый. Я тогда ее пьес не знал (это был 76-й год), она мне читать ничего не давала. И она никогда не сказала бы мне пошлость, вроде: Юрочка, я тебе благодарна, что ты пришел. Если бы это в наших отношениях появилось, никакой работы бы не было. Она человек глубоко переживающий, потрясенный жизнью. У нее почти детская доверчивость к правде. Для нее правда не ужасна, она естественна, как естественны времена года.

— А что вы думаете вообще о сегодняшнем состоянии нашей мультипликации? О ее перспективах?

— Мультипликация — разная. Есть фильмы талантливые. Правда, у них нет большого смыслового запаса, но это и не входит в их задачи. Есть невозможно средний уровень, на грани атрофирования. Он существует и будет существовать и не атрофируется никогда... И есть очень редкие фильмы, которые по-настоящему хороши. Редкие не потому, что нет талантливых людей — просто очень часто не хватает сил...

Вообще у нас мультипликация популярна своей «массовостью», а не сущностью, в ней заложенной. И все, что сверх этого, не принимается, что лукавить. Причем не только зрителями, но и братьями-профессионалами, что само по себе горько. Да и понятно — ведь более всего воспринимается иллюзия достоверности. И в кино возможность срастить себя с героем и компенсировать свою не очень благополучную жизнь для зрителя милее, чем правда, подлинность. Мы сколько угодно можем говорить о великом «Жертвоприношении» Тарковского, но популярным этот фильм никогда не будет. Популярно только то, что по-настоящему не утомляет, не требует усилий. Гораздо проще посмотреть про страх, про ужас, про красивую жизнь, испытать шок и массу сильных эмоций, чем попытаться приблизиться к тому, что тебе медленно открывается, что говорят прямо в душу.

Мультипликация по своей сущности изначально очень сильное искусство и может быть очень действенным. Это — без преувеличений. Внутри себя она может легче, чем игровое кино, ломать жанровые перегородки, она более свободна. Здесь возможны мгновенные перемещения от фантастики к реальности, от реальности — к самому низменному и затем — к самым высоким духовным взлетам. В этом смысле «Мастер и Маргарита» — мультипликационная библия. Детям, конечно же, давно пора оставить их мультипликацию, которая совершенно необходима — к ней они гораздо восприимчивее, чем к игровому кино: рисунок, чудо сотворения; и утвердить в правах (наконец!) мультипликацию для взрослых.

— Почему же у нас отношение к мультипликации, как правило, снисходительное, как к чему-то малосерьезному?

— Ну так мультипликация сама это отношение породила! Винить критиков не стоит. Другое дело, если бы они чуть внимательнее относились к таким понятиям, как язык, средства кинематографические. Я совершенно убежден, что критик, который не замечает феномен мультипликации, не способен до конца понять и игровое кино. Более того, режиссеры игрового кино, мне кажется, себя обедняют, если не вглядываются в феномен мультипликации. Многие крупные режиссеры мира не просто ею интересовались, они понимали, какой огромный духовный запас в ней заложен. Эйзенштейн, например, называл мультипликацию «сверхкино». Чаплин просто завидовал мультипликации, ее способности к мгновенной трансформации и свои трюки иногда даже ускорял, приводя их к мультипликационному знаменателю. Феллини пользуется мультипликационной метафористикой в своей эксцентричности, в своем невыносимо трагическом цирковом начале. А рисунки Феллини к фильмам — это же чистая мультипликация! Тарковский говорил о мультипликации божественные слова. А это все режиссеры, для которых понятие изображения, действия во времени не пустой звук. И уж если речь идет о чистом кинематографе — это мультипликация. Она творит, не беря с натуры, начинает с чистого листа, с первой точки, которая появляется на белом пространстве и постепенно превращается в кинокадр.

— Как вы считаете, существует ли советская школа мультипликации, или у нас она вся выросла из западной?

— Конечно, существует. В двадцатые годы было заложено начало советской школы. Если бы потом в тридцатые годы «каток» не передавил ее развитие, сегодня наша мультипликация была бы на качественно ином уровне. (Но тогда все невежество, деспотия и диктатура прокатились на тяжелых колесах по всей стране.)

Все было искусственно прервано, и в результате советской мультипликации привили диснеевский метод и эстетику, и она стала традиционной. Дальше, конечно, все равно графические традиции соединились с диснеевской технологией, принципами, и появились фильмы подлинно отечественные, национальные — «Конек-Горбунок», «Заколдованный мальчик», «Снежная королева» и другие. Но тем не менее много пришло «оттуда» и отравило надолго, лишило творческой инициативы. До конца освободиться от обаяния Диснея было невозможно.

— А как вы относитесь к Диснею?

— Я его боготворю. Это законченная эстетика, внутренне органичная, великая по своей игре, по эксцентричности, по мастерству. Как Чаплин — такая же степень насыщенности. Глядя диснеевские фильмы, понимаешь, как они радовали тех, кто их делал. Именно радовали. Они в это играли. В них нет напряжения, только необыкновенная легкость. Любое мастерство вызывает уважение, а Дисней — это та степень мастерства, которая может вызывать удивление, восхищение, восторг, чувство, что ты все равно так не сделаешь, и никакой зависти при этом. А это, наверное, подлинное искусство, которое не вызывает зависти, а только прилив собственных сил...

А остальная американская мультипликация — перепевы Диснея, отражение его блеска. Ведь Дисней — это держава, это нечто над земным шаром.

Я не могу согласиться с теми людьми, которые считают, что Дисней «закончил» мультипликацию, подвел черту и после него работать в ней бессмысленно. Да, «закончил», но на своей территории, а территорий много. И если бы наши чувства ограничивались только диснеевскими фильмами, это была бы бедность. Сам Дисней, который был человеком необычайно широким, наверняка бы оказался восприимчив к той мультипликации, которая сегодня появляется у нас.

— А как фильмы советских мультипликаторов оценивают за рубежом?

— В самых превосходных степенях. У нас появилось несколько фильмов, которые во всем мире считаются феноменом советской школы. Это фильмы Назарова, Раамата, Бардина, Пярна, Хржановского, Петрова, Туляхаджаева. Правда, последний сейчас ушел в игровое кино — не дают, видно, ему покоя лавры игровиков... Жалко, он талантливый режиссер... А победы эти вполне закономерны, здесь во многом дело в специфике кинопроизводства. Если бы в кинематографе все заканчивалось на уровне, утвержденном сценарной записью, кино — настоящего — не могло бы быть. В том-то все и дело, что никакой фильм невозможно проконтролировать до конца. По сценарию, который проверен всеми инстанциями, может быть сделан феноменальный фильм, если за этим сценарием режиссер видит определенную эстетику, мировоззрение. Причем ни один диалог не будет изменен. Потом фильм могут положить на полку, но он все равно будет.

— Несколько лет назад Андрей Хржановский закончил трилогию по рисункам Пушкина. Вы работали у него мультипликатором. Как это получилось?

— Началось с того, что он меня тихо заманил. Пригласил посмотреть фотографии рисунков Александра Сергеевича — факсимиле. Помню, тогда я просто захлебнулся в них. До этого я знал пушкинские рисунки только на уровне общего образования. А тут — целый водопад рисунков, и я та́к и окоченел над ними. Сразу появилось нетерпение. Душа не может быть успокоена, когда в руках держишь такие рисунки. Впрочем, держишь — это неправильно сказано — когда ты видишь в рисунке след души.

Андрей мне предложил делать любой эпизод — на выбор. И я взял «воображаемый разговор Пушкина с царем». Конечно, это очень любопытно — Пушкин в мультипликации. Все привыкли, что мы только сказки его делаем, а тут вдруг сами рисунки. Поэтому я Андрею чрезвычайно благодарен: где, когда еще я бы смог работать в такой эстетике, в таком куполе чувств?

— Вернемся к началу нашего разговора. Почему — «Шинель»?

— Вы думаете, я себе отдавал отчет? Как сказал Булгаков, «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих».

Это не экранизация, и вообще я этого слова не люблю. Не экранизация в том смысле, что у нас принято понимать под "бережным перенесением" литературного первоисточника на экран и результат оценивать исключительно только в плане буквенной верности этому первоисточнику, причем по весьма приблизительному счету. (А Гоголь мог бы сделать фильм в точном соответствии с повестью?) Как сказал один редактор на студии, «Норштейн работает над киноверсией «Шинели». Так вот, я никак не могу считать себя в числе следователей, которые проводят очередную версию раскрытия некоего преступления. Ни о каких версиях, если ты берешь литературу знакомую, разговора быть не может. Более того, должно быть ощущение, что ты сочинил это сам. Без этого ощущения работать вообще невозможно. И это ничуть не цинизм или наглость по отношению к Гоголю или другим великим покойникам...

Для меня «Шинель» — одна из глав библии. Это как бы житие Святого Акакия. Мне эта повесть кажется как бы хранилищем человеческой совести. И если произойдет полное крушение всех человеческих законов, то последней из того, что хранит человека от злодеяний, уйдет эта повесть...

То, что я говорю, не значит, что я рассуждал именно так, когда решил делать фильм. Рассуждений вообще не было. Был инстинкт. Я хорошо помню, что однажды, рисуя какой-то эпизод для «Сказки сказок», я сделал картинку. Угол комнаты, кровать, на кровати сидит человек. Маловнятный, понятный только мне рисунок... Но вдруг показалось, что кто-то уже так сидел, будто однажды я подглядел это. После этого я подал заявку на «Шинель».

...Реплика Акакия — крик: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» Может, он сказал это тихо, без раздражения, скорее с удивлением... В моих ушах это крик — во всю Вселенную. Вот из таких моментов... Не знаю, сумел ли я объяснить, почему... Вообще ведь никто не знает, когда, в какой момент его подстрелит искусство и он окажется буквально спеленут... И вдруг понимает, что заставляет его так жить, так чувствовать почти инстинктивно то, что он, когда-то прочитав, забыл и подсознание ему напомнило.

Если говорить о концепции, то у меня ее нет и она мне не нужна. Очень точно записал когда-то Воровский, что тенденция должна быть не в произведении, а в художнике. То же самое и с концепцией. Ее не нужно выставлять, показывать. Чем более она будет скрыта, тем лучше для меня, тем более инстинктивно я буду работать. Инстинкт предполагает другую степень искренности.

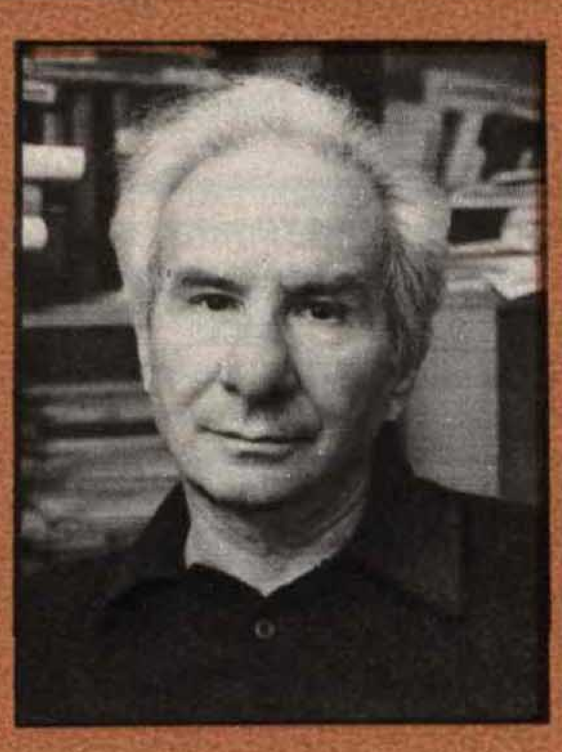
...О чем для меня «Шинель»? О совести. О незаинтересованном, почти не замеченном убийстве — каждым понемножку. Когда никто не виноват. Это провоцирование совести в нас. Мне хочется, чтобы не только мы, работающие над фильмом, узнали, как все это произошло с Акакием, но чтобы в результате все вместе сгустилось и породило такое понятие, как стыд. Сегодня очень важно, чтобы человеку было стыдно.

СРОК ЖИЗНИ

АЛЕКСАНДРА ВОЛОДИНА МЫ ЗНАЕМ КАК ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ДРАМАТУРГА. ДОСТАТОЧНО ВСПОМНИТЬ ЕГО СТАВШИЕ ФИЛЬМАМИ ПЬЕСЫ «ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ», «ОСЕННИЙ МАРАФОН»...

МИХАИЛ КУДИНОВ — ПОЭТ-ПЕРЕВОДЧИК. ШИРОКО ИЗВЕСТНЫ ЕГО ПЕРЕВОДЫ ИЗ РЕМБО, АПОЛЛИНЕРА, ПРЕВЕРА...

МЫ ПРЕДСТАВЛЯЕМ А. ВОЛОДИНА И М. КУДИНОВА КАК ПОЭТОВ.

Александр ВОЛОДИН

* * *

Казалось, жалкой жизни
не стерпеть.
Тогда уж лучше кувыркнуться
с кручи.
Казалось, если не свобода — лучше
совсем не жить. Тогда уж лучше
смерть.

Но, самого себя смешной осколок,
живу, бреду, скудея по пути.
Я знать не знал — тогда, вначале,
сколько
смогу, приноровясь, перенести.

ГЛАЗА ПРОВИНЦИАЛА

Гордый город Москва. Там
начальство в велюровых шляпах.
Там талант на таланте, и тоже
причастны к верхам.
Там вручают награды. Свершают
торжественный шабаш.
На угрюмых столах там безумных
бумаг вороха.
Там клыки как штыки и любовны
лихие улыбки.
Там по пропуску, скромно —
в обширный глухой кабинет.
Там подловят тебя на твоей
нестоличной ошибке,
и готов. И позор. И на двор.
И обратный билет.
Там автобусы иногородних везут
за добычей
от щедрот засекреченных в ЦУМе
и ГУМе вкусить.
Гордый город! Москва! Вознеслась
в магазинном величье
и на алчную родину пристальным
глазом косит.

* * *

По статистике многие женщины
от усталости сходят с ума.
Не позором — базаром развенчаны,
в сумасшедшие едут дома.

И живут на окраине города
в корпусах за глухими оградами —
некрасивые, и негордые,
непричесанные, ненарядные.

Им мужья передачи приносят.
Детям врут, что они отдыхают.
Они больше не требуют — просят.
Они больше не плачут — вздыхают.
И мужчинам дают указанья,
чтоб питались и чтоб
не терзались,
осторожно по улице шли
и чтоб нервы свои берегли!

* * *

Надо следить за своим лицом,
чтоб никто не застал врасплох,
чтоб не понял никто, как плох,
чтоб никто не узнал о том.
Стыдно с таким лицом весной.
Грешно, когда небеса сини.
Белые ночи стоят стеной.
Белые ночи — черные дни.
Скошенное! (Виноват!)
Мрачное! (Не уследил!)
Я бы другое взял напрокат,
я б не снимая его носил,
я никогда не смотрел бы вниз,
скинул бы переживаний груз.
Вы оптимисты? И я оптимист.
Вы веселитесь? И я веселюсь.

* * *

Равенства не надо. Это лишнее.
Умные, дорожите неравенством
с глупцами.
Честные, гордитесь неравенством
с подлецами.
Сливы, цените неравенство
с вишнями.
Города должны быть непохожи,
как люди.
Люди непохожи, как города.
Свобода и братство. Равенства
не будет.
Никто. Никому. Не равен. Никогда.

* * *

Откуда снова этот свет
небес и шумный блеск дождей?
Откуда ветер? То есть ветр?
И женщина, и тайна с ней?

Как долго прожил в темноте
без происшествий и помех.
Где были те дожди и те
снега, и свет, и женский смех?

Но вновь — гроза! И снова я
овеян ею с головой.
Как ярки тучи надо мной!
Как ты безмерна, жизнь моя!

* * *

Меня ошибочно любили
златые женщины твои.
Меня случайно не убили
враги твои — враги мои.

Но говорят, меня позоря,
твои начальственные лбы,
что выносить не надо сора,
пойми, мол, из чужой избы.

Твоих успехов череда
не для меня, не для меня.
А для меня твоя война.
А для меня твоя беда.

Михаил КУДИНОВ

МОНОЛОГ О ГОСТЕПРИИМСТВЕ

Я не навязывался
И не напрашивался.
Только по чистой случайности,
В силу непредусмотренных
обстоятельств,
Я оказался в гостях
И прошу вас:
Пожалуйста,
Будьте гостеприимны!
Не заставляйте меня
Говорить о вещах,
О которых не хочется мне
говорить;
Не призывайте меня
Изображать на лице восхищение,
Когда вы рассказываете
Не очень смешной анекдот;
И поверьте мне на слово,
Я знаю лучше, чем вы,
Какие блюда мне больше по вкусу.
В общем,
Не забывайте о том, что я гость,
Только гость,
Который, как видите,
Не нарушает приличий.
Не пытается плюнуть
В тарелку ближнего.
Не зарится
На серебряные ложки,
А главное,
Долго не засидится,
Потому что его пребыванье
в гостях
Ограничено сроком человеческой
жизни.

НЕ ЗНАЮ

Не знаю — поэтому верю.
А знал бы — прощай моя вера.
Но как возместить потерю?
И где той потери мера?
Ведь вера сдвигает горы
И рушит стены и зданья...
Незнанье — ее опора,
Вся сила ее — в незнанье.

ПАМЯТЬ

Дел у нее много,
А времени мало,
Вот она и трудится
Днем и ночью,
Даже и во сне
Продолжая устало
Ворох развороченный
Ворча ворочать.

Много в этом ворохе
Всего понакручено,
Может он подмять,
И помять,
И поранить...
Но, застраховавшись
От несчастного случая,
Чертов этот ворох
Ворошит память.

Дел у нее много,
А времени мало,
И работать надо ей —
Рада не рада...
Где б ни ворошила,
С конца ли, с начала,
И то забыть надо,
И это забыть надо.

И память забывает
И то, и это,
Но порою мается,
К работе готовясь,
И порой ворчит,
И не спит до рассвета,
Чтоб могла без просыпу
Спать совесть.

ДУРНОЙ СОН

Отняли волюшку,
Так ты и ни гугу.
А он говорит,
А я, говорит,
И так, говорит, могу.

Отняли силушку —
Ложись и лежи.
А он говорит,
Да ну, говорит,
Ведь главное — жив.

А когда пришли к нему
Жизнь отнимать,
Тут уж он не стал говорить,
А стал горевать,
Криком закричал
И проснулся: «О черт!
Нервы расшалились.
Пора на курорт».

ТИШИНА

Никуда не пошел в гости,
Никому не открыл двери,
Потому что пришло время
С тишиной провести вечер.

И сидел он вдвоем с нею,
И глядел на нее хмуро,
И хотя с ней на ты выпил,
Разговора у них не вышло.

Поскорей бы уснуть, что ли,
И уйдет тишина в поле...
С нею вместе он встретил вечер
И весь вечер был третьим лишним.

ЯГЕЛЬНЫЕ ПОЛЯНЫ

Окончание.
Начало см. на центральной вкладке

Тунгусы — так называли их предков в прошлые века — появились в таежных районах Красноярского края, возможно, еще в новокаменном веке. На протяжении нескольких тысячелетий складывались культура, хозяйство, основные виды которого — охота, рыбная ловля, оленеводство — диктовали трепетное отношение к живой природе, за счет которой они жили. Эвенки вели бродячий образ жизни, передвигаясь по огромным сибирским просторам на оленях, а жили в легких, построенных из жердей и обтянутых шкурами конусообразных чумах или в полуземлянках, вырытых на речных берегах.

Такие примитивные условия жизни ставили северных кочевников почти в полную зависимость от суровых природных условий. И кто знает, как развивалась бы жизнь человека в этих краях, если бы не олень, для которого нужен был только ягель на полянах. Уникальное создание природы — северный олень кормил, одевал, обувал, был крышей над головой и сапогами-скороходами, может, и не самыми быстрыми на сегодняшний день, зато самыми надежными.

Эвенки первыми и единственными из северных народностей освоили езду на оленях верхом, и это позволило им обжить всю сибирскую тайгу от Енисея до Охотского побережья. Наверное, поэтому почти все реки в бассейнах Нижней, Подкаменной и Верхней (ее называют Ангарой) Тунгусок имеют эвенкийские имена.

Они не называли себя первопроходцами или покорителями, ибо как можно покорять родную землю. И их пример уважительного отношения к законам природы сильнейшим образом воздействовал на первых русских, которые три века назад появились в этих краях, стали пасти скот на припойменных лугах и выращивать злаки на раскорчеванных в тайге полянах, строить деревянные крепости. И три века жили они в ладу с природой, и им всего хватало: и рыбы, и мяса, и леса, и воды.

В предвоенных дневниках Михаила Пришвина есть такая запись: «Было древнее равновесие края, которое поддерживали скалы, лес, вода. Человек расстроил это равновесие и тягостный труд соблюдать равновесие взял на себя». В этих словах ключ к пониманию той ситуации, которая сложилась в этом регионе в середине пятидесятых годов уже нашего времени. На освоение «дикого» края хлынули вооруженные техникой отряды молодых покорителей. Кто-то ехал за деньгами, других интересовали туманы и запахи тайги. Деньги за перекрытие сибирских рек и за прокладку линий электропередач, нефтяных и газовых ниток платили большие. И туманы, конечно, тоже были. И дичь, и соболь, и «царская» рыба в реках. И запахи тайги, к которым стали примешиваться другие, и самый страшный среди них сивушный.

Много, ох как много стало на Севере случайных людей, как грубо стали попирать они вековые традиции и обычаи, заменяя их сиюминутной корыстью и водкой. Трагедией пахнуло от этой пагубной страсти северян к «веселящей воде». У эвенкийского писателя Алитета Немтушкина нашел изложение одной гипотезы, согласно которой «у народов, питавшихся с давних времен овощами, фруктами, злаками, в результате брожения в кишечнике образуется этиловый спирт. Он разлагается соответствующим ферментом. У мясоедных и рыбоедных народностей Севера этот фермент фактически отсутствовал. Он просто-напросто был не нужен. И, лишенные естественной защиты, северяне быстро заболевали алкоголизмом». Так это или нет — не знаю, только не могу не обратить внимания на тот факт, что в интернатах Эвенкии живет почти сорок процентов сирот. А всех эвенков сейчас проживает в границах автономного округа меньше, чем шестьдесят лет назад. Да в Туре появилась еще одна школа, стыдливо именуемая вспомогательной, в ней учатся «плоды пьяной любви родителей».

— У нас недавно медицинская бригада из краевого центра осмотр ребятишек проводила,— рассказывал знакомый оленевод, когда мы летели из полярного поселка Ессей,— так вот в группе моего сына из 16 только двое условно здоровыми оказались. «Нерациональное питание»,— сказал доктор. А если б он зимой на градусник в детском саду посмотрел, он еще бы одну причину назвал. Там ведь редко когда температура выше 8—12 градусов поднимается. За зиму все по три раза переболеют, а ясельные пискуны в два раза больше.

Всех ребятишек в Эвенкии — 7465. Это сегодня. Завтра их может стать меньше: детская смертность здесь — реальность. И увеличение количества заболеваний туберкулезом тоже. Но, несмотря на это, только четверть из них прошли флюорографический осмотр, и меньшей половине из них сделана проба Манту...

АРГИШ НА БЕРЕГАХ САМАШИКА

Лед под ногами был разноцветным. На его голубовато-сером фоне то там, то здесь желтели свежие наледи, а вдоль берегов кое-где даже темнели пробоины.

Павел Бояки из бригады строителей оленьих изгородей шел чуть впереди. Временами лед под ним начинал угрожающе скрипеть и проседать. В такие минуты я нерешительно останавливался и даже приседал, наивно надеясь, что в такой позе удастся избежать ледяной купели. Но проводник, не оглядываясь, спокойно шел дальше, и я невольно поспешал за ним.

В одном месте лед был заметно потолще, лежал в несколько не очень ровных слоев, чуть припорошенных вчерашним снегом. Это были, по всей видимости, остатки старого тороса. Мы остановились и огляделись. Оленей нигде не было. Стадо, пока бригада оленеводов Бориса Сафронова устанавливала чумы и палатки после очередного аргиша (перекочевки на новое место), перебралось на другой берег речки Самашик. Бригадир вместе с огородником Петром Топоченком пошли искать следы переправы в одну сторону, мы с Павлом Бояки — в другую.

...С приходом весны бригада Сафронова, выпасающая стадо почти в полторы тысячи голов, перекочевала на берега Самашика. Здесь на припойменных пастбищах и начался сонкан — время отела важенок. От того, как он пройдет, зависит очень многое. Но главное, как и везде и во всем,— конечный результат.

Каким он может быть? Для человека непосвященного его цифровое выражение должно приближаться к ста, то есть от каждых ста важенок должно появиться около ста оленят. Любой оленевод, услышав эти цифры, только скептически улыбнется: слишком абстрактно они отражают многомерный труд в тайге, не учитывают многих обстоятельств, которые порой сильно отдаляют реальные результаты отела от идеальных цифр.

Об этом шел у нас разговор с первым секретарем окружного комитета партии Владимиром Васильевичем Увачаном, вместе с которым мы прилетели сначала на центральную усадьбу госплемзавода «Суриндинский», а потом, захватив с собой директора хозяйства Владимира Степановича Тачеева, полетели в тайгу к оленеводам седьмой бригады.

Вертолет быстро набрал высоту над поселком, аккуратные домики которого с двухсот метров смотрелись желтыми кубиками. «Кубики» эти стали появляться здесь не так давно, по сути дела, с тех пор как директором был назначен Владимир Степанович.

— Удивительный человек этот Тачеев,— рассказывал В. В. Увачан, когда мы еще только собирались в эту поездку в Байкитский район.— По национальности он хакас, а оленеводов и охотников понимает лучше многих эвенков. И они к нему тянутся. Доверие обоюдное. А началось оно с этих домов. Ведь раньше Суринда была забытым богом и руководителями уголком, селом с какой-то сотней или двумя сотнями жителей, одни из которых охотились, другие пасли оленей, но все это не было одной отлаженной системой. То в оленеводстве прокол, то со сдачей пушнины неладно. А ведь люди жили хорошие, трудолюбивые. Вот это и понял Тачеев и начал со строительства.

Нелегко, конечно, было строить, ведь с материалами в Суринде не легче, чем в других районах, а может, и потруднее. Но каждый год подрастала улица новостроек в поселке. Сегодня здесь больше ста двадцати новых домов. Да клуб, да школа, да магазин. И потянулся народ к Тачееву. Только в поселке теперь живет около пятисот жителей. Охотники добывают «мягкое» золото, оленеводы, разбитые на хозрасчетные бригады, выпасают стада. Там наступила горячая пора — сонкан.

— Какой у тебя план по мясу в этом году? — спросил первый секретарь окружкома у директора.

— 1400 центнеров.

— А в прошлом, если не ошибаюсь, полторы тысячи сдали?

— Сдали,— кивнул Тачеев,— думаю, и в этом будет не меньше.

— Вот-вот, вокруг только и разговоров о нерентабельности оленеводства, о закате и упадке отрасли, а я так думаю: где люди честно работают, там ничего оленю не грозит. Одни только о трудностях и бескормице болтают, а у Тачеева — ягельные поляны в избытке находятся. Другие легенду придумали про соболя, которого в тайге мало осталось. А у тебя как с пушниной?

— План на сто тысяч рублей.

— Сто тысяч! — повернулся ко мне Владимир Васильевич.— А ты знаешь, сколько соболей и белок нужно добыть в тайге, чтобы этот план выполнить?

— Нет,— пожал я плечами.

— Почти полторы тысячи зверьков. И каждого зверька так надо снять, чтобы шкурку не попортить, чтобы товарный вид не пострадал.— Потом помолчал, глядя в иллюминатор на заснеженную тайгу, и добавил: — Однако не всегда эта цифра только от добросовестности охотника зависит. Иногда, например, и от глубины снежного покрова. По глубокому снегу и охота идет труднее.

Какой снежный покров в этом году в долине речки Самашик, мы узнали, когда вертолет приземлился на опушке километрах в полутора от чумов седьмой бригады. Мы прошли их с небольшой покляжей часа за полтора, увязая по колено в снегу. Правда, таким глубоким снег был не везде, и на открытых полянах да на опушках, поросших молодым березняком, были видны проталины.

Бригада Сафронова начинала хлопоты по обустройству на новом месте. Рядом с оленеводами без суеты, но споро устанавливал свою палатку и Мельник Васильевич Иванов со своей женой Татьяной Ивановной.

— Сколько, думаешь, ему лет? — спросил меня Увачан, заметив, очевидно, с каким интересом я наблюдал за работой этой немолодой, прямо скажем, пары.

— Лет шестьдесят, может, чуть побольше,— ответил я, глядя, как Мельник Васильевич устанавливает палатку на распорки, а его жена ловко орудует топором.

— А на двадцать побольше не хочешь? — весело рассмеялся Владимир Васильевич.— Это ведь настоящие профессиональные охотники. Кстати, несмотря на возраст, одни из лучших охотников Суринды. Они в тайге, как в родном доме, где все знают и все умеют.

— Так я говорю? — спросил он старого охотника.

— Верно,— ответил Мельник Васильевич,— только лет мне, пожалуй, поменьше будет.

— Сколько же?

— Однако, семьдесят девять сравнялось,— улыбнулся охотник.

Потом мы с ним пилили ствол засохшей березы. Затем еще один. На третьем я попросил перекура.

— Перекури, отчего ж не перекурить, раз устал,— согласился неутомимый старик, а сам стал подрубать четвертое дерево.

Когда сидели у костра и его жена угощала нас таежным чайком из талой водицы, директор госплемзавода рассказал, что за этими стариками не всякие молодые в тайге угонятся. В прошлом году шестьдесят соболей добыли.

— И в этом добудут,— уверенно сказал Борис Сафронов.— Однако, давно я гагары не слышу. Не перебрались бы наши олешки на тот берег. Лед стал тонок.

Он поднялся, вместе с ним и Петр Топоченок, бригадир строителей оленьих изгородей, огородников, как сами себя они называют. Они пошли искать стадо оленей вниз по течению. А мы с Павлом Бояки — вверх.

Солнце грело так, что мы сняли шапки. Под ногами сверкал разноцветный лед, чуть пружиня под ногами. Павел шел спокойно, чуть расставив руки. «Раз настоящий таежник так делает, значит, и мне нужно»,— подумал я и расставил широко руки. На душе была такая легкость, а вокруг такая неожиданная для Севера теплынь и красота, что я, забыв про все на свете, зажужжал веселым мотором, чтобы взлететь. Но для взлета нужен разбег. Я прибавил ходу, обогнал Павла и... ощущение полета и в самом деле на миг охватило меня. А когда я ощутил обжигающий холод подледного течения и увидел себя по пояс в воде, рванул к берегу и чуть ли не вплавь перебрался через прибрежную протоку.

— К костру, однако, надо, обсушиться,— спокойно сказал подошедший Павел.— Напрямки пойдем, за час дойдем.

Этот час я скакал по болотным кочкам, иногда проваливаясь по колено в талую воду, не обращая внимания на такие пустяки. В одном месте спугнул глухариную пару, заметив своему проводнику, что неплохо бы прийти сюда на зорьке, посмотреть глухариный ток.

— Можно,— согласился Павел,— надо только не проспать, успеть до рассвета.

Через час мы сидели у костра, пили обжигающий губы чай, а мои сапоги висели на ветках березы вниз голенищами, как провинившиеся. А потом я залез в спальник, укрылся с головой и быстро заснул. Мне приснились белохвостые орланы с двухметровым размахом крыльев, они почему-то бегали по льду Самашика и все повторяли: глухари токуют, а олени дохнут, глухари токуют, а олени дохнут... «Почему?» — спросил я и проснулся. Высоко над головой посверкивали звезды, и казалось, что их свет доносится до земли мелодичным звоном. Прислушался, и правда, кто-то недалеко ритмично позванивал. Это был олень — вожак стада, на груди которого мелодично тренькал таежный бубенчик — гагара.

У КОГО В ХВОСТЕ ОЛЕНИ

Утром позвонили из окружкома партии:

— Через полчаса будет борт до Нидыма, если хотите встретиться с оленеводами, поспешите.

Вспомнил вчерашнее совещание. «Поголовье оленьего стада уменьшается из года в год, падает рентабельность отрасли, а мы все сбрасываем в тайгу сети для изгородного содержания, как будто это спасательный круг, а не дорогостоящие путы на ногах оленеводов»,— говорил один, он из тайги... «Внедрение изгородного содержания оленей гарантирует высокие производственные результаты»,— говорил другой, он из НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера... «У оленеводства как отрасли сельского хозяйства веками складывался «бродячий» тип технологии. А наблюдаемый всеми нами упадок связан именно с попытками перевести олешек на привязь. Огромные пространства тайги мы уже изуродовали «китайскими стенами» — стационарными изгородями, которые привели только к одному: заболеваемость животных увеличилась, выбивание ягельных пастбищ усилилось»,— говорил третий, который ушел из НИИ и пришел в тайгу...

На вертолетную площадку мы с фотокором успели как раз к концу погрузки. Мука, соки, кочаны капусты — груз для оленеводов первой бригады совхоза «Нидымский». В кармане я нащупал несколько ирисок для Николашки.

В Нидыме МИ-8 присел на минуту, подобрав директора совхоза Юрия Юрьевича Небогатова, молодого, красивого, уверенного.

— Нам на северо-запад,— показал он пилоту на карте точку,— километрах в ста отсюда на берегу Кандакана они должны закончить сегодня аргиш.

День разгорался над тайгой, на зелено-коричневом теле которой хорошо проявлялись белесые пятна ягельных полян.

— Это кормовой банк для наших олешек,— показывая на них, сказал Небогатов.— А распаханный пятачок в пять гектаров рядом с вертолетной площадкой в Нидыме — это картофельный клин для совхозных рабочих и жителей поселка. Недавно распахали еще гектаров пятьдесят под зеленые витамины для наших буренок.

Когда вертолет, развернувшись хвостом к реке, иначе никак не сесть, приземлился на берегу Кандакана — небольшой таежной речки, мы познакомились с первой бригадой. Оленеводы пасут в тайге стадо в 800 с небольшим голов да плюс нынешний приплод примерно в 400 оленят.

— На днях проведем обсчет стада, тогда можно будет сказать точно, сколько у нас тех и других,— приглашая в чум, сказал Виктор Мирошко.— Бригада у нас на подряде, окончательный расчет будем производить по валовой сдаче мяса. Если нам дадут полную самостоятельность, мы к этой «окончательной» обязательно «хвостик» добавим. Вы только нас не забывайте,— добавил он с хитрецой.

— Опять ты о своем,— понял своего бригадира директор.— Я ж тебе рассказывал: всего две квартиры сдаем в Нидыме в этом году. Мало, конечно, но средств больше нет. Правда, сейчас одну идею прокручиваю с начальством, может, выгорит. Дело в том, что денег на строительство нет, а материалы есть. Вот если ты или какой-нибудь другой оленевод обратится в банк с просьбой выдать ссуду, то на эти деньги совхоз сможет построить дом, потом возьмет на свой баланс и постепенно компенсирует оленеводу затраты. Ты как на это дело смотришь, Виктор Константинович?

— Подумать надо, посоветоваться,— кивнул на жену Мирошко.

— Советуйся, конечно,— согласился директор,— только знай: у меня уже есть заявления на этот вариант от троих нидымчан.

Разговор постепенно, перескакивая с жилья на погоду, вышел на болевые точки оленеводства, среди которых и отсутствие современного жилища, и накладки с оплатой труда, и слабая оснащенность бригад «Буранами» и радиостанциями, и плохое обеспечение продуктами питания. Все это, весь ком проблем, отступало перед главным капканом, в который попало оленеводство,— низкой рентабельностью. Взять хотя бы бригаду Мирошко, ведь это один из лучших коллективов в совхозе, а по рентабельности — чуть ли не в самом хвосте... Вслед за курами, лисами в клетках, свиньями, буренками... плетутся олени. Сегодня в тайге их пасет Виктор Мирошко с товарищами, завтра — те, кого в бригаду привозят из интернатов только на летние каникулы. С одним из них я познакомился недавно, а сегодня был рад встрече. По-моему, и он обрадовался не только конфетам.

— Ты маут метать можешь? — спросил он.

— Как-то не приходилось,— пожал я плечами.

— Попробуй набросить,— показал Николашка, сын бригадира, на сухую невысокую лиственницу, верхушка которой блестела, как обструганная, от тренировок мальчишек.

Я метнул веревочное кольцо. Оно неуклюже шлепнулось в метре от ствола.

— Давай покажу,— сказал Николашка, и маут в его руках в течение нескольких секунд свился в аккуратную и упругую спираль, которая, расправившись в полете, своей петлей через мгновение стянула верхушку дерева.— Пойдем, познакомлю с моим учагом. Вон, видишь, большой такой с ветвистыми рогами. Это и есть Нара, я на нем стадо вместе с отцом объезжаю.

Потом он скептически оглядел мою штормовку из хэбэшки и сказал, что лето, конечно, можно в тайге и так побегать, но зимой без парки нельзя. Новую парку — теплую куртку из оленьей шкуры, унтайки из камуса и авун — шапку из пыжика — мама обещала сшить Николашке к осени. А сосед дядя Сережа, охотник, обещал добыть росомаху, чтобы опушить авун по краю, тогда иней не будет намерзать в холода.

...Вертолет быстро набирал высоту. Снова стали видны белесые пятна ягельных полян, которые появлялись то слева, то справа по берегам Кандакана. А речка крутилась, извивалась под нами, припрятывая тихие пока еще рыбные заводи в можжевеловых зарослях. И, вглядываясь в ее светлеющие извивы, я как будто прочел: Ни-ко-лаш-ка...

Светлый вечер тихо опускался на холмы, как ежики, вспухавшие иголками сухостоя, а мы летели строго на юго-восток в сторону синеющей впереди гряды. Где-то за ней — Тура, там живут мои друзья-туринцы, никто из которых не говорит по-итальянски и мало кто по-эвенкийски... Да, проблема, одна из многих на эвенкийском возу. И хватит, наверное, оглядываться на него с высоты птичьего полета. Пора впрягаться.

ПОСЛЕ ЛЕКЦИИ В КОЛОНИИ...

Как-то мне предложили прочитать лекцию в колонии усиленного режима для тех, кто отбывает наказание. Честно признаться, я растерялась. С замиранием сердца вступила в зону. Некоторые осужденные играли в волейбол, другие ждали возле клуба начала лекции. Подошли ребята в спецодежде, здороваются со мной. Когда я посмотрела в зал, сердце мое содрогнулось. Сидели молодые, здоровые люди, которым бы служить в армии, воспитывать детей, а они лишены права быть свободными. Превозмогая волнение, я обратилась: «Товарищи...» В зале зашумели, кто-то выкрикнул: «Какие мы вам товарищи? Мы зэки». Но я продолжала: «Я не оговорилась, назвав вас товарищами. Если вы здесь, значит, я, как юрист и коммунист, видимо, виновата в том, что где-то недочитала, недоучила, где-то прошла мимо чужой беды, а где-то и подлецу поставила «тройку», который невинного посадил в это учреждение...»

А теперь немного о себе. Я, Балакирева Валентина Михайловна, 1934 года рождения, член КПСС с 1962 года, кандидат юридических наук, доцент, член общества «Знание» с 1958 года. Около двадцати лет преподавала в юридическом институте.

За день до этой встречи я прочла лекцию для администрации колонии, после чего два часа начальник колонии мне рассказывал, как трудно перевоспитывать человека, невинно осужденного или осужденного слишком жестоко. Он привел примеры, когда за стакан мака 19-летнему парню дали 12 лет лишения свободы с отбыванием в колонии усиленного режима, а содержателя притона оставили на свободе. Почему? Теперь-то уже ясно, почему. Потому, что следователь взял крупную взятку с последнего и отправил на скамью подсудимых мелкую сошку. Сейчас этот следователь сам сидит в колонии строгого режима.

Но вернусь к лекции. Результат был потрясающий: задавали вопросы, просили дать консультацию, прийти в колонию еще раз.

И вот однажды ко мне обратился паренек, которого из колонии для несовершеннолетних перевели в колонию строгого режима, не имея на это достаточных оснований. Я добилась того, чтобы его отправили в колонию общего режима. Он стал писать мне письма. Рассказал, как убил своего отчима, как до сих пор не может без омерзения вспоминать этого человека, который бил его, истязал мать. Когда он был уже в колонии, мать вышла замуж, перестала писать ему, не интересовалась его судьбой. Сережа (так зовут осужденного) окончил среднюю школу, через два года он должен выйти на свободу. Я нашла его мать, заставила съездить к сыну на свидание. Но на этом все и кончилось, она даже не пишет ему. Я езжу к нему на свидания, шлю посылки, когда подходит срок. В колонии о нем отзываются положительно, только вот замкнут, молчалив он. Я взяла над Сергеем индивидуальное шефство.

В настоящее время у меня уже несколько подшефных. Два Валерия, Виталий, которые мне пишут, я им отвечаю, по мере возможности езжу на свидания. Виталию добилась снижения срока наказания: через восемь месяцев должен выйти на свободу. Я знаю, что мои подопечные далеко не ангелы, виноваты, но порой не выдерживаю несправедливого отношения к ним. Когда я сказала начальнику колонии, что беру шефство над Виталием, он мне заявил: Виталий — злостный нарушитель режима, у него 26 нарушений. От шефства я не отказалась — он сирота, заступиться некому, из материалов дела видно, что он так жестоко наказан необоснованно. Добилась через Прокуратуру СССР снижения наказания.

Много можно написать о каждой судьбе, о тех, с кем я сейчас переписываюсь, стараюсь помочь стать на путь исправления. Можно подумать, что мне нечего делать, вот я и трачу время на преступников. Да нет же. У меня с мужем трое детей и четверо внуков, я преподаю, веду большую общественную работу. Просто я пришла к выводу, что индивидуальное шефство приносит гораздо больше пользы, чем шефство организаций. Мой трехлетний опыт подтверждает это. Среди моих подшефных двое убийц. Да, двое совсем молодых людей совершили тяжкое преступление, но суд не лишил их жизни. И я верю: они принесут еще стране пользу.

Через ваш журнал я хочу обратиться к тем, кто может брать индивидуальное шефство над осужденными. Сколько у нас пенсионеров? 50 миллионов! Среди них учителя, врачи, бывшие работники прокуратуры, суда и милиции. Я призываю не к сюсюканью. Я взываю к милосердию не на словах, а на деле.

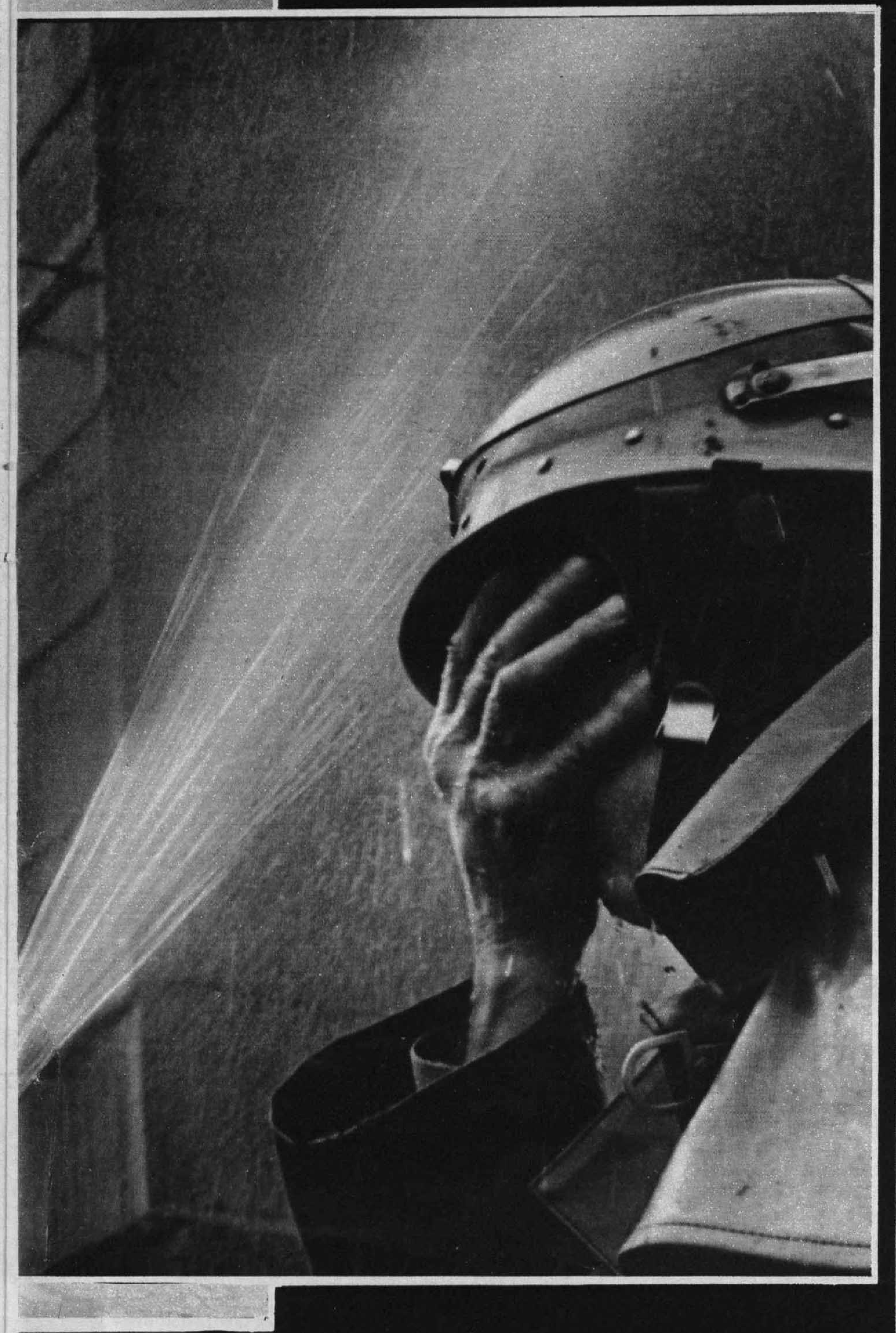
В. БАЛАКИРЕВА,
доцент
Невинномысск Ставропольского края

СЕМЕЧКИ, ИЛИ ЭХО «ХЛЕБНЫХ ВЗРЫВОВ»

ПОД ГОРОДОМ КУЙБЫШЕВОМ, В ПОСЕЛКЕ ТОМЫЛОВО, СЛУЧИЛАСЬ АВАРИЯ, ПОДОБНОЙ КОТОРОЙ НИКОГДА В МИРЕ НЕ БЫЛО. О ПРОИСШЕСТВИИ РАССКАЗЫВАЛОСЬ И В ТЕЛЕПРОГРАММЕ «ВРЕМЯ», И В ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ». ОДНАКО ИСТОРИЯ НА ЭТОМ НЕ ЗАВЕРШИЛАСЬ, И НЕТ ГАРАНТИЙ, ЧТО СЛУЧАЙ В ПОВОЛЖЬЕ НЕ ПОВТОРИТСЯ ГДЕ-НИБУДЬ В ДРУГОЙ ТОЧКЕ НАШЕЙ СТРАНЫ...

Борис СМИРНОВ,
Марк ШТЕЙНБОК (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»

Вот он, справа. Видите? Придорожные кусты кончились, и вдали как на ладони показалось высокое сооружение из пяти прямоугольных корпусов — словно пять гигантских спичечных коробков, которые кто-то поставил рядком среди чуть всхолмленных, желтоватых приволжских полей. Самый обычный, типовой элеватор, и я никогда бы не подумал, что в его недрах могут происходить процессы столь же непредсказуемые, как, скажем, в жерле действующего вулкана или во взбунтовавшемся ядерном реакторе...

Кому-то покажется — намек на Чернобыль. Нет, не только намек. Даже внешне немного похоже. Еще издали, за километр, в одном из «коробков» элеватора все яснее и яснее различался черный обугленный провал — вот уже видны рваные края бетонных плит, торчащих из вспоротого мощным взрывом корпуса. Над провалом клубится дымное марево, в воздухе плавает густой, горький запах гари.

Мы вышли из машины, отправились пешком вокруг элеватора по пыльному, разросшемуся ковылю. Стали обходить другой корпус, выглядевший целым и надежным. И я вдруг увидел, что его верхний угол словно бы выломан какой-то жуткой силой. Да что же это такое — элеватор или склад со взрывчаткой? Неужели зернышки и семечки, насыпанные в эти тридцатиметровые железобетонные короба, могут ТАКОЕ натворить? А еще говорят — «символ мирного труда»...

Документы, которые мне удалось посмотреть перед поездкой, напоминали то ли сводки о военных действиях, то ли листы уголовного дела. 22 декабря 1987 года в силосных емкостях Томыловского элеватора вспыхнул пожар — загорелись семена подсолнечника, загруженного сюда всего месяц назад. Причина: подсолнечник был слишком сырым, началось окисление, а семена лежат здесь огромной многотонной массой, приток воздуха затруднен — и семечки слиплись, образовав плотную массу, в которой быстро стала подниматься температура. Когда возник огонь, его залили водой, затем пытались выгрузить подсолнечник и просушить, но семечки «не пошли», их надо было теперь буквально выковыривать из вертикальных силосных «пеналов».

Тем временем начались такие же самовозгорания в других емкостях... 23 пожара! А ведь рядом, «бок о бок» с подсолнечником — сотни тонн пшеницы, ржи, гречихи, проса... Ситуация стала неуправляемой, и случилось неизбежное: 20 января 1988 года горячие газы, не найдя выхода, взорвались и разметали стену первого корпуса, выбросив наружу 15 тонн подсолнечника. Но это было лишь началом большой беды — ведь зерно перегревалось и в других корпусах, и в последний день января еще один мощный взрыв разбудил поселок. Рухнули перекрытия третьего корпуса, на заснеженную землю хлынули потоки зерна, и в этой груде, лежащей вперемешку с обломками железобетона, на следующий день нашли тела двух работников элеватора — они пытались предотвратить взрыв.

Почти через месяц, 27 февраля, взорвались раскаленные до тысячи градусов «семечки» во втором корпусе — к счастью, обошлось без жертв. Чтобы не допустить новых трагедий, все работы на элеваторе Министерством хлебопродуктов СССР решено прекратить. Пока все не выгорит, пока не исчезнет возможность новых взрывов...

Дым над Томыловом появился восемь месяцев назад. Зерно горит и сегодня. Сколько еще будет гореть — неизвестно.

Такую вот картину «нарисовали» документы, и я попросил заместителя начальника управления Госпожарнадзора Куйбышевской области Г. Г. Погорелова взять меня с собой на место происшествия...

— И что же, люди только смотрели, как гибнет элеватор?

Наверное, не стоило задавать вопрос в такой форме. Геннадий Георгиевич в первые секунды даже не нашелся что ответить.

— Да мы... Мы дневали и ночевали на этом элеваторе! У пожарной охраны в области тысячи объектов: дома, учреждения, предприятий не счесть, одна химия чего стоит, а тут — зерно! Оказалось, чуть ли не самый опасный материал! Сколько раз мы предупреждали наше управление хлебопродуктов, сколько документов повсюду разослали... Это еще до начала пожаров! А когда зерно загорелось, наши работники пытались погасить его всеми средствами, какие у нас были. Могли бы, конечно, сделать и больше — если бы нам разрешили.

— Кто?

— Союзное Министерство хлебопродуктов — хозяин над элеваторами области. В этой системе есть своя противопожарная служба. Но в Москву областное начальство сообщило о пожарах с большим опозданием — не хотели «выносить сор», делали вид, что все в порядке...

Здесь придется прервать Г. Г. Погорелова, так как многое из сказанного им опубликовать пока нельзя: возбуждено уголовное дело о взрывах на Томыловском элеваторе, и оценка в печати каких-то важных событий может быть воспринята как попытка повлиять на ход следствия. Но как не сказать о том, что всем давно известно: в начале прошлой зимы зерно горело не только на Томыловском, но и на других элеваторах, и те, кому нужно было об этом знать, это знали. Однако до «главного» взрыва — 29 января — областное начальство в общем-то спало спокойно.

Дико? А к таким фактам привыкли, ведь они повторяются из года в год. И не только в Куйбышевской области... Будет ли новостью для следствия, например, что за две недели до взрывов в Томылове, когда еще что-то можно было предпринять, состоялось совещание в управлении хлебопродуктов? Говорилось как раз о пожарах, о возможных взрывах и предупредительных мерах. Начальник управления (теперь уже бывший) Н. Л. Бардин распорядился подсолнечник из емкостей высыпать, обеспечить работу зерносушилок, об исполнении доложить в трехдневный срок... Не высыпали, не обеспечили, не доложили: все ведь знали, что строгое указание попросту невыполнимо! Как всегда, понадеялись, что испорченное зерно потом будет списано, а взрывы редко бывают — авось и сейчас пронесет! Лишь бы обо всем этом знали поменьше, не мешали бы работать. Наверное, поэтому небольшие взрывы газа в зернохранилищах уже давно даже взрывами не называют, а говорят почти ласково: хлопки!

— Геннадий Георгиевич, но ведь от первого серьезного взрыва до второго, с гибелью людей, прошло, судя по документам, десять дней. Неужели нельзя было предотвратить?

— Точно не могу сказать, я все-таки не специалист. Уж, во всяком случае, можно было действовать поактивнее — охлаждать силосы азотом, искать способы разгрузки емкостей... А работники элеватора были заняты составлением объяснений по поводу первого взрыва! 29 января наше пожарное подразделение в городе Чапаевске получило вызов: пожар на третьем корпусе Томыловского элеватора! Когда машины приехали, из оконных проемов уже валил густой черный дым...

— Обстановка была настолько сложной, что пришлось вывести из опасной зоны личный состав,— продолжал рассказ о том дне начальник пожарной охраны Чапаевска Н. П. Будорин.— Я чувствовал, что взрыв может произойти в любую секунду. В подсилосном помещении мы остались втроем — вместе с дежурным и командиром отделения. Я еще обратил внимание, что «гитара» — есть такой узел — разогрелась почти докрасна. «Посмотрите, как накалилась...» — успел я сказать,— и тут глухой взрыв, черная пелена... Очнулся — меня вытаскивают из кучи проса. А командира отделения взрыв забросил под пожарную машину...

Слушая, я пытался представить, как все это здесь происходило: где лежала та роковая груда зерна, под которой нашли людей, куда падали железобетонные плиты...

Странная у нас получилась экскурсия. Мы шли вдоль проволоки с красными флажками, развешанной на хилых опорах, и загнанная в проволочное кольцо серая громадина элеватора внушала и смутную тревогу, и безысходность, но больше всего — недоумение. Ну, ладно, где-то там тайны атома, где-то разбушевавшийся вулкан — а здесь-то что? Неужели в наш просвещенный научно-технический век ничего другого нельзя сделать, как развесить флажки?

— Приезжали комиссии,— рассказывал Геннадий Георгиевич,— генералы, академики, заместители министров, доктора наук... Какие только проекты не рассматривались: взорвать элеватор, расстрелять из орудий, запустить в горящие силосные корпуса робототехнику... Решили — взрывать опасно, надо изучать обстановку, потихоньку охлаждать и потихоньку разгружать силосы. Осталась стопка документов с выводами, планами действий, сроками, списками исполнителей — и все на этом закончилось. А представители одного из научных институтов решили обратиться в Министерство хлебопродуктов с просьбой содействовать в приобретении двух персональных компьютеров фирмы «Оливетти». Конечно, помощь науки была бы важна, но на деле... Знаете, как пришлось определять, где какое зерно засыпано? Залезали наверх и опускали в емкости веревку, на конце которой был ком пластилина. Если к пластилину прилипли зернышки гречихи — значит, в емкости гречиха... Стали охлаждать корпуса азотом, для этого нужны как минимум десятки спецмашин, а нам выделили единицы... Спасали зерно из первого

корпуса. Могли бы разгрузить и второй корпус, но не хватило азота для охлаждения, пришлось работу приостановить, а тем временем — мы так считаем — газ скопился в тех пустотах, которые после разгрузки образовались — и снова рвануло... Хорошо, что на этот раз без жертв. Тогда-то Москва и распорядилась, чтобы больше к элеватору никто не подходил. Пришлось все бросить и отступить...

«Отступили» метров на сто — и вот теперь разглядывать элеватор можно только из-за флажков. Я все пытался представить себе: какая гора зерна получится, если высыпать его из этих мертвых башен? Но воображение отказывалось работать, столько сразу зерна я в жизни не видел. А крестьянский труд, который здесь пропал зря, а не выпеченные из этого зерна булки, буханки, неполученные сотни литров масла, тысячи тонн кормов... Нет, объясняют мне, не все зерно пропадет, если огонь не распространится. Элеватор рассчитан на 50 000 тонн зерна, а в него было загружено, кажется, намного больше.

— Останется тысяч десять,— считает Погорелов,— могли бы спасти и больше, но министерство вело себя очень нерешительно...

Пусть это решают специалисты: одни говорят — можно было рискнуть, другие считают — безопасность надо ставить выше любых потерь! Но почему же не думали ни о потерях, ни о безопасности год назад? Правда, здесь тогда шли затяжные дожди, но для кого-то осеннее ненастье оказалось, как это бывает, «неожиданностью». Иначе — почему многие местные совхозы и колхозы не стали, как положено, просушивать зерно, а сразу повезли его на элеваторы? И почему Куйбышевский облисполком стал просить у министерства разрешения заложить не подготовленное к хранению зерно в элеваторы, а Москва «в виде исключения в счет плана» разрешила принять «до ста тысяч тонн подсолнечника влажностью до 25%».

Я собирался, вернувшись в Москву, все же спросить об этом в Министерстве хлебопродуктов РСФСР, но подписавшего ту правительственную телеграмму от 8 октября 1987 года заместителя министра Б. М. Исаева уже не было на прежнем месте — его перевели на другую работу.

Вот она, копия той телеграммы: с виду — простой клочок бумаги, который стечением обстоятельств вдруг приобрел такую страшную разрушительную силу... Может, вот так же «в виде исключения», разрастались корни многих и других наших бед? Всего одна бумажка — телеграмма... Нет, я не собираюсь привлечь внимание именно к этому документу. Прокурору такое послание ясности не прибавит. В этом-то и состоит, наверное, искусство министерской переписки — разрешать и запрещать, ни за что не отвечая, цитировать инструкции и не заботиться о том, насколько они реальны и выполнимы сейчас, в конкретных условиях!

А конкретные условия — это слабая организация дела, старая техника и постоянное бездорожье. Это погода, которая всегда «неблагоприятна». И это раздутые планы, которые так хочется перевести в эффектную отчетность! А уж она, отчетность, делает погоду в разговоре о премиях, наградах, новых назначениях и прочих льготах. Все окупится в тот момент, когда прозвучит заветная фраза: «Подводя итоги уборки урожая минувшего года...» Что значит в таком деле какой-то подсолнечник? Семечки!

Ах, эти семечки... Те самые, которые так любят щелкать, лузгать, грызть повсюду в нашей обширной сельскохозяйственной державе. Долго ли, широко шагая, увлечься, и на этом крохотном плоде масличной культуры вдруг поскользнуться...

Вот так же пренебрежительно отзываемся мы иногда об инструкциях, а ведь они необходимы! Есть, например, среди них такая, где прямо сказано: «...хранение сырого зерна в силосах элеваторов запрещается». А из кузовов машин, которые везли подсолнечник на Томыловский элеватор в прошлом октябре, вода стекала ручьями. Какие там разрешенные 9 процентов влажности! Или 25, указанные в телеграмме! В документах элеватора о приеме того зерна влажность скромно обозначена цифрой 30, но это, простите, для дураков. А правду наверняка знали в Куйбышевском облисполкоме, во всяком случае, должны были знать. И когда начальник областного управления хлебопродуктов Бардин давал телеграмму директору Томыловского элеватора Солодовникову (это было еще 21 октября 1987 года) с требованием принять дополнительно к плану сырой подсолнечник и сырое просо — оба они не могли не догадываться, что в элеватор будет заложена мина с горящим бикфордовым шнуром. Но — урожай большой, подготовиться к нему «не успели», сроки поджимают — давай, вали! Правда, во всех документах есть оговорки, что зерно должно быть просушено. Только люди, подписавшие телеграммы, отлично помнили, какие маломощные и устаревшие сушилки стоят на наших элеваторах: сплошь и рядом зерно в них и загорается!

В общем, вот так, друг друга обманывая, ответственные лица в прошлом году боролись не за урожай, а за высокие цифры в отчетности. Боролись, следуя привычному лозунгу: «Авось пронесет!» И ведь почти всюду «пронесло»: зерно, конечно, горело (на Чагринском, Богатовском элеваторах, в зерносушилках Неприкского, Куйбышевского элеваторов, пять пожаров произошло на Кинельском хлебоприемном предприятии, а на зерносушилке Безенчукского элеватора 10 ноября случился взрыв, от которого погиб человек), но никто, кроме посвященных, об этих привычных «издержках» ничего бы и не узнал, если бы не печальный «рекорд по взрывам» в Томылове.

Нельзя сказать, что эхо этих потрясений не прокатилось по служебным кабинетам. Очень строго наказан по партийной линии, освобожден от должности начальник областного управления хлебопродуктов. Исключены из партии, уволены с работы его заместитель и директор Томыловского элеватора. Получили выговоры, взыскания и другие руководящие товарищи, кто-то вскоре предстанет перед судом... Следствие по этому делу завершается, хотя не ясно, когда погаснет зерно в разрушенном элеваторе и будет точно подсчитан нанесенный стране убыток. Ох, и трудно же будет Фемиде удержать на чаше своих весов эти тонны упавших конструкций, эти горы золы, груды искореженных механизмов!

...После Томылово, устав от тягостных впечатлений, мы с подполковником Погореловым заехали на другой элеватор — Куйбышевский, один из самых старых в области, оказавшийся теперь в черте города. Еще продолжалась уборочная страда, но здесь было тихо и пусто: никаких тебе очередей из наполненных зерном грузовиков, и скучные голуби стаями сидели на крышах, высматривая хоть единое зернышко на пустых площадках... Не удался урожай в этом году, сожгло его на приволжских полях необычайно жаркое лето!

В дежурном помещении элеватора, рядом с пультом управления, установлен большой щит с укрепленными на нем карточками. На каждой карточке запись: когда, откуда поступило зерно, в какой силосной емкости хранится. Читаю: рожь из Казахстана, из Алтайского края, пшеница из Канады, Италии, Греции...

Погорелов стоит рядом, на лице у него следы раздражения. Мы только что обошли весь элеватор, и Геннадий Георгиевич снова тут и там усмотрел нарушения противопожарных инструкций. Неприятный разговор состоялся с администрацией, а теперь вот и я со своими наивными вопросами.

— На этом элеваторе когда-нибудь тоже горело зерно?

— «Когда-нибудь»! В прошлом году, как раз в ноябре, загорелась сушилка. Чтобы погасить, подняли всю технику в округе. Потом в акте записали: объект в неудовлетворительном пожарном состоянии, водой не обеспечен, специальный тупиковый водопровод неисправен, территория завалена горючими отходами зерна. Обслуживающий персонал вместе с директором проявил растерянность, главного инженера нашли только через три часа... Да что там! — махнул рукой Погорелов.— На каждом элеваторе боремся с одним и тем же: сушилки устаревшие, того и гляди загорятся, мусор не убирается, зерно закладывается некондиционным, с нарушением инструкций... Мы и увещеваем, и штрафуем, и закрываем элеваторы, хотя это крайняя мера,— и все равно: каждый год зерно в хранилищах горит!

* * *

Этот репортаж был подготовлен к печати, когда мы узнали, что на Томыловском элеваторе вновь побывала комиссия из Москвы. Может быть, положение улучшилось? Я звоню начальнику Главного управления противопожарной службы и техники безопасности Минхлебопродуктов СССР Л. А. Теслеру.

— Да, пожар идет на убыль, температура постепенно понижается. Приезжайте, познакомим вас с выводами...

Стол в кабинете Леонида Александровича был завален стопками документов, схемами взрывов и распространения огня, фотографиями... Как все это отличалось от тех времен, когда каждую бумажку в министерствах нам показывали осторожно и с оговоркой: «Не для печати!»

— Так каков же окончательный вывод, Леонид Александрович? Элеватор обречен?

— Кто вам это сказал? Ни в коем случае! Горение прекратится, испорченное зерно мы уберем, заменим конструкции, оборудование, и элеватор начнет работать! Одно неизвестно — сколько будет продолжаться процесс горения. Недавно этот вопрос рассматривался в Академии наук — единого мнения ученых, к которым мы обращались, пока нет. Кстати, академик Марчук тоже выразился: «Второй Чернобыль!»

— Значит, возможны новые взрывы?

— Они происходят постоянно. По нашим данным, их там было уже около пятидесяти...

— А зерно?

— То, что сгорело, уже, конечно, не спасешь. Но, вы знаете, самое удивительное: буквально рядом с горящим подсолнечником, в соседних силосах, зерно в нормальном состоянии! Пожар как бы самоизолировался... И мы убеждены, что лучший выход — дождаться, когда все само выгорит!

— Но ведь есть другие мнения...

— У областной пожарной охраны? В Главке МВД? Сейчас они соглашаются с нами, что вмешательство опасно.

— Неужели нельзя ничего сделать?

— Вы же знаете, сколько было попыток: флегматизация азотом, бурение с подачей инертных газов... Теперь специалисты по взрывам утверждают: любое вмешательство может привести к резкой активизации процессов. Вот почему и Академия наук согласна с решением министерства — не вмешиваться. Создана, находится под охраной запретная зона вокруг элеватора. Она, естественно, обнесена проволокой, которая почему-то вас, корреспондентов, так раздражает.

— Ну, мы ведь не можем не прислушаться к тем, кому больно смотреть на гибнущее зерно!

— Да, это очень модно — считать, что в министерствах засели одни бюрократы... Кстати, о зерне. Мы уверены, что государству будут возвращены и 500 тонн пшеницы, которая лежит в первом корпусе, и около четырех тысяч тонн зерна из второго корпуса, около трех тысяч — из третьего, четыре тысячи — из четвертого... Почему неточно? Не определены размеры ущерба. Кроме того, выяснилось, что количество зерна в некоторых силосах почему-то оказалось несоответствующим тому, что записано в документах... Это уже к вопросу о порядках, царивших на этом элеваторе. Тут надо серьезно разбираться... А то, знаете, иногда все внимание обращено не на то, отчего возник пожар, а на то, как его гасят! Если говорить о противопожарной службе, то она создана всего шесть лет назад. Взрывы? Могу показать данные: в год «взрывалось» по полтора десятка емкостей, но, как вы понимаете, этих взрывов старались не слышать. Да, есть они и сейчас, поэтому давайте не будем сегодня манипулировать цифрами и доказывать, что положение улучшается. Вот когда не будет ни единого взрыва — станем говорить о наших успехах!

— А как с этой проблемой в других странах?

— Тоже не все благополучно, мы располагаем статистикой. Нигде, даже в таких мощных зернопроизводящих странах, как США, Канада, Австралия, не проходит года без взрывов.

— Значит, пока существуют элеваторы, существует и возможность, что они...

— ...Могут взорваться? Нет, это не так. Во всяком случае, это проблема не из технической области, а из чисто психологической. Скажем проще: взрывы и пожары возможны, пока на зернохранилищах нет порядка! И добиться порядка намного сложнее, чем, например, установить повсюду надежное оборудование.

— Одно другому, наверное, не помеха...

— Скорее, наоборот: без модернизации оборудования на элеваторах, без дисциплины и должной организации труда, трудно добиться перемен к лучшему. Кстати, томыловская история послужила хорошим уроком! Напрасно в газетах писали, что эха взрывов мы не услышали. Нет ни одного зернохранилища в стране, где бы это происшествие не обсуждалось. Скажу о нашей службе — она усиленно развивается! На элеваторы уже поступают новые приборы контроля, пересматривается и совершенствуется вся противопожарная система...

Кажется, теперь можно бы успокоиться: эхо взрывов прогремело достаточно громко, докатилось до Москвы и до дальних окраин. Но ставить точку рано, и не только потому, что «очаг неприятностей» в Томылово дымится до сих пор. Нет гарантии, несмотря на все «мероприятия», что где-то подобное не происходит с зерном нового урожая, не закладывается в элеваторы «хлебный динамит».

Очевидно, выход надо искать не в строгих наказаниях, не в одних только безупречных противопожарных системах, а в том, чтобы спасти зерно от равнодушных управленцев и безучастных исполнителей. Сейчас мы, кажется, к этому идем. Я не стану утверждать, что арендный подряд и хозрасчет вмиг наведут порядок и на полях, и на колхозных токах, и на государственных зернохранилищах. Но сначала станет больше людей, радеющих о хлебе насущном. А затем станет больше и хлеба.

...Самая последняя новость: позвонил из Куйбышева Г. Г. Погорелов, сообщил, что история повторяется. На этот раз, несмотря на строжайший запрет министерства, новый заместитель областного управления хлебопродуктов А. Н. Трушин распорядился загрузить в емкости хлебной базы № 26 города Тольятти 770 тонн семян подсолнечника.

— Только после нашего активного протеста,— сказал Геннадий Георгиевич,— эти семена все же выгрузили! Что будет дальше — не знаю...

БИТВА. 1927.

ТРОЙКА. 1925.

КОМПОЗИЦИЯ. 1929.

вернувшись с фронта, начинает свои художественные поиски.

Одна из вершин творчества Голикова — работа над «Словом о полку Игореве». Миниатюры, написанные художником, причислены к лучшим живописным воплощениям «Слова».

Если в миниатюрах Маркичева, Баженова можно часто увидеть параболические линии в контуре человеческой фигуры, то у Голикова они как бы растущие, гибкие, созвучные растительному миру. Отсюда и орнаментальность. В характерном положении фигур, позы, наклона сказываются традиции древнерусской живописи.

Сам Голиков говорил: «Выхожу на улицу, наблюдаю за природой вечера, прежде чем начать писать картину, сначала переживу, весь уйду в тот мир, который нужно изображать: гулянка, хоровод, пляска. Запечатлеваю отголоски: какое настроение...»

ПЕНСИОНЕР СОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Сергей ХРУЩЕВ

ЧАСТЬ IV

— Командующий Закавказским военным округом,— представился несколько запыхавшийся генерал.— Разрешите, Никита Сергеевич, вас проводить?

— Садитесь,— равнодушно ответил отец.

Тучный генерал взгромоздился сзади на приставное сиденье.

— Прошу прощения, Никита Сергеевич. Василий Павлович Мжаванадзе в Москве, отдыхает в Барвихе, а товарищ Джавахишвили уехал по районам. Мы не ожидали вашего отъезда и не смогли его предупредить,— стал извиняться генерал.

— И правильно, пусть работает. И вы напрасно приехали,— недовольно буркнул отец.— Уж раз приехали, оставайтесь,— остановил он готового выскочить генерала.

Машина тронулась.

Обычно приезжавшего на отдых отца встречали и провожали первый секретарь ЦК Компартии Грузии Мжаванадзе и Председатель Совета Министров Джавахишвили. Отец всегда ворчал на них:

— Я отдыхаю, а вы попусту тратите рабочее время. Прогул вам запишем.

Однако всерьез никогда не сердился, и эта традиция встреч и проводов сохранялась.

Мжаванадзе отшучивался:

— Отработаем сверхурочно!

На сей раз их не было. Это не было связано со срочностью отъезда, а объяснение выглядело убедительным. Оба — Мжаванадзе и Джавахишвили,— видимо, заранее уехали в Москву для участия в дальнейших событиях. Генерал же должен был компенсировать неудобство ситуации и заодно проконтролировать отъезд отца и Микояна.

По пути генерал информировал гостей о положении в сельском хозяйстве Грузии. Отец молчал, и было непонятно, слушает он или занят своими мыслями.

Наконец, приехали в аэропорт. ЗИЛ подкатил к самолету. У трапа выстроился экипаж, и личный пилот отца генерал Цыбин отдал традиционный рапорт:

— Машина к полету готова! Неполадок нет. Погода по трассе хорошая.

Его широкое лицо расплылось в улыбке. Отец пожал ему руку, стал легко подниматься по трапу. За ним последовал Микоян.

Они оба прошли в хвостовой салон. В правительственном варианте хвостовой салон Ил-18 был свободен от обычных самолетных кресел, а взамен там установили небольшой столик, диван и два широких кресла. Это было самое тихое место в самолете.

Отец не любил одиночества, и в полете в «хвосте» всегда собирались попутчики: он что-то обсуждал с помощниками, правил стенограммы своих выступлений, а то и просто разговаривал.

На сей раз было иначе.

— Оставьте нас вдвоем,— коротко приказал он.

И вот мы в воздухе. Самолет полупустой — в салоне помощники обоих государственных деятелей — Президента и Премьера, охрана, стенографистки. Деловитый Лебедев раскрыл свой необъятный желтый портфель и копается в многочисленных папках. Надо иметь недюжинную память, чтобы не запутаться в этой бумажной массе.

Стюардесса проносит в задний салон поднос с бутылкой армянского коньяка, минеральной водой и закуской, но через минуту возвращается, неся все обратно. Не до того...

Каждый занят своими делами. Для большинства это обычный перелет — сколько они уже исколесили с отцом по нашей стране и за ее пределами.

В заднем салоне, закрывшись от всех, два человека вырабатывали линию поведения, проигрывали варианты, пытались угадать, что их ждет там, впереди, в аэропорту Внуково-2.

Теплая встреча? Едва ли...

Оцепленный войсками аэродром? Еще менее вероятно. Не те времена. Но что-то, безусловно, ждет...

А от принятых сейчас, здесь, в вибрирующем самолете, решений зависит будущее. И не только их личное, но и будущее страны, будущее дела, которому оба эти старых человека посвятили свои жизни...

...Самолет начал снижаться. Уже можно было различить отдельные деревья. Наконец, мягкий толчок. Посадка, как всегда, отличная. Сколько налетано с Николаем Ивановичем Цыбиным? Хорошо бы подсчитать. И в войну на «дугласах» в любую погоду, и потом на Украине, и из Москвы в разные уголки нашей планеты.

Самолет подрулил к правительственному павильону в аэропорту Внуково-2. Последний раз взревели моторы, и наступила тишина. Внизу — никого. Площадка перед самолетом пуста, лишь вдали маячат две фигуры. Отсюда не разберешь, кто это. Недобрый знак...

Последние годы члены Президиума ЦК гурьбой приезжали провожать и встречать отца. Он притворно хмурил брови, ругал встречавших «бездельниками», ворчал: «Что я без вас дороги не знаю», но видно было, что такая встреча ему приятна.

Теперь внизу — никого.

Медленно подкатился трап. Загадочные фигуры тоже приблизились вслед за ним. Теперь их уже можно узнать — это председатель КГБ Семичастный и начальник управления охраны Чекалов.

Отец, поблагодарив стюардесс за приятный полет, спускается по трапу первым. За ним в цепочку растянулись остальные.

Семичастный подходит к отцу, вежливо, но сдержанно здоровается:

— С благополучным прибытием, Никита Сергеевич.

Потом пожимает руку Микояну.

Чекалов держится на два шага сзади, руки по швам — служба. Лицо напряжено.

Семичастный наклоняется к отцу и, как бы доверительно, сообщает вполголоса:

— Все собрались в Кремле. Ждут вас.

Роли, видно, расписаны до мелочей.

Отец поворачивается к Микояну и спокойно, даже как-то весело произносит:

— Поехали, Анастас.

На мгновение задержавшись, он ищет кого-то глазами. Меня не замечает. Увидев Цыбина, улыбается, делает шаг в его сторону, жмет руку — благодарит за полет. Теперь ритуал выполнен.

Наконец, кивает на прощание своим спутникам, и они вдвоем с Микояном быстрым шагом идут к павильону. Чуть сзади следует Семичастный, за ним я,

---

Окончание. Начало см. в №№ 40—42.

а замыкает процессию Чекалов. Он держится на несколько метров сзади, как бы отсекая нас от всего, что осталось в самолете.

Проходим пустой стеклянный павильон. Эхом отдаются шаги. В дальних углах вытягивается охрана. Дежурный предупредительно открывает большую, из цельного стекла, дверь.

Напротив двери у тротуара застыл длинный ЗИЛ-111, автомобиль отца. На площадке выстроились черные машины еще один ЗИЛ охраны, «Чайки» Микояна и Семичастного, «Волги».

Хрущев и Микоян садятся в машину. Литовченко захлопывает дверцу и занимает место впереди. Автомобиль стремительно трогается и исчезает за поворотом. За ним срываются остальные. Семичастный на ходу запрыгивает в притормозившую «Чайку». Мимо меня пробегает Чекалов.

— Тебя подвезти?

— Нет, спасибо. Меня должны встречать.

— Тогда до свидания.

Он буквально влетает в свою «Волгу» и уносится вслед, только слышится визг покрышек на повороте.

Я остаюсь один. Все произошло чрезвычайно стремительно...

Серго не видно нигде. Не было его на поле, нет и здесь. Все мои многозначительные просьбы не возымели никакого действия. Обидно. Очень он мне сейчас нужен. Хорошо еще, если он дома.

Я сажусь в машину, волнение последних минут несколько сглаживается. Как будто ничего особенного не произошло.

Едем по знакомым улицам. Тротуары полны людей — все ловят последние погожие денечки. Вот и Воробьевское шоссе. Справа возникает желтая громада каменного забора. У микояновских ворот прошу остановиться — надо все-таки найти Серго.

Мне повезло. Он с чем-то возится на втором этаже. Улыбаясь знакомой, немного виноватой улыбкой, Серго произносит:

— Понимаешь, я забыл. А потом было поздно. А добраться тебе было на чем. Так что ничего не случилось?..

— Бросай свои дела. Есть важный разговор. Пошли на улицу,— говорю я ему.

Все знают, что у стен есть уши и в помещении говорить нельзя. Правда, я не думал в тот момент, что нас могут подслушать, такая мысль не приходила в голову, просто лучше говорить на свежем воздухе.

— Пошли,— легко соглашается он.

Особняки расположены один за другим: у Микоянов — № 34, у нас — № 40. Можно пройти, минуя улицу, через соседние дворы, но тогда нужно искать ключи от калиток. По улице проще.

Я начинаю свой рассказ с разговора с Голюковым и заканчиваю встречей во Внуково, стараюсь не упустить подробностей. Постепенно увлекаюсь, мне даже начинает казаться, что речь идет о чем-то постороннем, меня не касающемся. Тревога, копившаяся последние дни, как будто притупилась. Теперь мы оба знали эту тягостную цепь событий.

Но что же происходит сейчас? У нас могли быть только предположения. Ситуации в Кремле не знал никто.

Прогуливаясь, мы перебирали варианты. В голову пришла мысль позвонить Аджубею. Ведь он главный редактор «Известий». Возможно, ему что-то известно. Во всяком случае, это была хотя бы иллюзия действий. В дом мы решили не заходить, чтобы не посвящать в это дело домашних. Незачем раньше времени поднимать панику. Зайдя в дежурку охраны, набрали номер Аджубея. Звонили мы по телефону правительственной связи, и он сам снял трубку.

Узнав меня, Аджубей ответил, что он очень занят и приехать никак не может.

Я стал его уговаривать. Аджубей отвечал все резче и раздраженнее.

Говорить, в чем дело, по телефону, а тем более от дежурного, который все

Семья: Алексей Аджубей; дочери Никиты Сергеевича Елена и Рада; жена Нина Петровна; внуки Алеша, Никита и Ваня; Никита Сергеевич; сын Сергей; невестка Галина; внук Никита. Фото 1963 года.

слышал, мне не хотелось. И тем не менее я сказал:

— Отца и Анастаса Ивановича срочно вызвали из Пицунды на заседание в Кремль. Мы с Серго беспокоимся: что произошло. Хотели выяснить у тебя.

Аджубей ничего не знал.

— Перезвоните мне через десять минут, я постараюсь узнать,— сказал он.

Через десять минут голос его изменился до неузнаваемости. Никто ему ничего не сказал, только дежурный в Кремле ответил, что действительно идет заседание Президиума ЦК. Повестки дня он не знал.

— Мы с Серго ничего не знаем, но у нас есть некоторые соображения. Если сможешь, приезжай в особняк,— попросил я его.

У Аджубея, видимо, больше не было важных государственных дел.

— Сейчас еду,— пробормотал он.

Через двадцать минут он был у нас.

Я еще раз повторил свой рассказ. Аджубей стал звонить в разные места. Горюнову в ТАСС — ничего не знает; Семичастному в КГБ — нет на месте; Шелепину в ЦК — на заседании; Григоряну в ЦК — ничего не знает.

Так мы ничего не узнали до самого вечера, Серго ушел к себе. Я бесцельно кружил вокруг дома, хотя ноги гудели от усталости.

Около восьми часов вечера приехал отец. Машина его привычно остановилась у самых ворот. Он пошел вдоль забора по дорожке, это был обычный маршрут. Я догнал его. Несколько шагов прошли молча, я ни о чем не спрашивал. Вид у него был расстроенный и очень усталый.

— Все получилось так, как ты говорил,— начал он первым.

— Требуют твоей отставки со всех постов? — спросил я.

— Пока только с какого-нибудь одного, но это ничего не значит. Это только начало... Надо быть ко всему готовым...

Отец замолчал.

— Вопросов не задавай. Устал я, и подумать мне надо...

Дальше шли молча. Прошли круг вдоль забора, начали второй. Он вдруг неожиданно спросил:

— Ты доктор?

Я опешил.

— Какой доктор?

— Доктор наук?

— Нет, кандидат.

— Ладно...

Опять молчание.

Прошли второй круг, и отец свернул к дому.

На звук хлопнувшей двери в прихожую вышел Аджубей. В глазах его застыл немой вопрос: что случилось?

Отец молча кивнул ему и стал подниматься на второй этаж к себе в спальню. Туда он попросил принести чай. Никто не решился его беспокоить.

Позвонили Серго. Он появился через несколько минут, но информации у него было еще меньше. Анастас Иванович приехал домой и гуляет с академиком Арзуманяном. О чем они говорят — неизвестно.

Серго предложил дождаться отъезда Арзуманяна и поехать к нему. Наверняка они с Микояном сейчас говорят о событиях минувшего дня.

Опять надо было ждать. Серго ушел домой. Время тянулось нестерпимо медленно.

Аджубей попытался дозвониться домой Шелепину. Телефон не отвечал. Позвонил на дачу. Ответа нет. Попытки дозвониться Полянскому и еще кому-то тоже окончились неудачей. Только через несколько дней я узнал, что после отъезда отца все члены Президиума договорились к телефону не подходить: вдруг Хрущев начнет их обзванивать и ему удастся склонить кого-нибудь на свою сторону.

Часов в десять вечера снова пришел Серго с известием, что Арзуманян уехал домой. Мы заторопились, вскочили в мою машину и ринулись из ворот. На полном ходу пересекаю бульвар, тянущийся по Воробьевскому шоссе, и делаю левый поворот. Из темноты дере-

вьев к машине бросается какой-то человек. Проскакиваю мимо него. Он не пытается нам помешать, только внимательно смотрит вслед. Ему важно разглядеть номер.

Наш путь лежит на Ленинский проспект. Там, в большом академическом доме, живет Арзуманян. Проверить, не следует ли кто-то за нами, не приходит в голову. Все слишком возбуждены. Без помех достигаем цели. Машину оставляем на улице. Теперь надо найти подъезд. Тротуары пустынны. Только впереди на углу маячат две характерные мужские фигуры. Мы проходим мимо, они не препятствуют, лишь пристально вглядываются в лица.

Анушаван Агафонович не удивлен столь поздним визитом. Он возбужден новостями, ему тоже хочется выговориться. Рассаживаемся в столовой вокруг стола. Комната неярко освещена лампой под тяжелым матерчатым абажуром.

Никто не знает, с чего начать.

Молчание нарушает Серго, он здесь свой человек. Серго коротко рассказывает все, что нам известно о происходящем и что нас очень волнует, о чем конкретно шла речь на сегодняшнем заседании.

— Анастас Иванович просил держать наш разговор в секрете,— нерешительно говорит Арзуманян,— но вам я могу рассказать. Положение очень серьезно. Никите Сергеевичу предъявлены различные претензии, и члены Президиума требуют его смещения. Заседание тщательно подготовлено: все, кроме Микояна, выступают единым фронтом. Хрущева обвиняют в разных грехах: тут и неудовлетворительное положение в сельском хозяйстве, и неуважительное отношение к членам Президиума ЦК, пренебрежение их мнением и многое другое. Главное не в этом, ошибки есть у всех, и у Никиты Сергеевича их немало. Дело сейчас не в ошибках Никиты Сергеевича, а в линии, которую он олицетворяет и проводит. Если его не будет, к власти могут прийти сталинисты, и никто не знает, что произойдет. Нужно дать бой и не допустить смещения Хрущева. Однако боюсь, это трудновыполнимо. Впрочем, нельзя сидеть сложа руки, попробуем что-то сделать.

Его слова вселяли надежду: отец неодинок. Ведь в 1957 году большинство членов Президиума тоже требовали его отставки, но Пленум решил иначе. Теперь же все говорило о том, что надежды эти иллюзорны, опыт 1957 года был учтен, да и основная масса членов ЦК была недовольна многими нововведениями Хрущева.

Мы просидели у Арзуманянов больше часа. Хотелось узнать обо всем как можно подробнее, но Арзуманян и сам знал не слишком много. Основные обвинения, выдвинутые против отца, сейчас известны. Они отражали различные подходы к руководству народным хозяйством. К примеру, Хрущев постоянно выступал за приближение руководства к производителям. Для этого он настоял на введении децентрализованной территориальной системы хозяйствования, ввел совнархозы. Он исходил из того, что местные руководители лучше знают нужды и возможности своих регионов, следовательно, будут оперативнее решать возникающие вопросы. Министерства, в большинстве преобразованные в государственные комитеты, пусть лишь надзирают за соблюдением основных принципов государственной политики в своей отрасли. Он предложил разделить обкомы и облисполкомы на промышленные и сельские, так как и тут считал, что руководители должны быть ближе к производству, а в условиях развившегося хозяйства задачи усложнились и трудно найти людей, одинаково хорошо понимающих и в промышленности, и в сельском хозяйстве.

Был принят и ряд других решений.

Естественно, все предложения предварительно обсуждались и были одобрены как Президиумом, так и Пленумами ЦК.

Но сторонники централизованного отраслевого принципа управления народным хозяйством, не высказываясь открыто, оставались в оппозиции нововведениям. И вот сейчас эти разногласия вылились наружу и стали предметом острейшей дискуссии.

Серьезным было обвинение Хрущева в недооценке других членов Президиума ЦК, в нетактичном с ними обращении, пренебрежении их мнением. Все это относилось к взаимоотношениям между людьми в высшем партийном органе, и непосвященным трудно судить о правомерности и обоснованности сказанного. Чего не бывает между людьми, особенно в запале спора. Тем не менее здесь, видимо, была значительная доля истины: я сам неоднократно бывал свидетелем того, как отец, не стесняясь окружающих, выговаривал тому или иному члену Президиума за упущения в подведомственных ему вопросах.

Да и другие претензии соответствовали истине, но были, на мой взгляд, непринципиальны в серьезном споре. Их было много. Можно только привести примеры.

Стараясь приблизить руководство к производству, отец настойчиво выселял Министерство сельского хозяйства из Москвы, стремясь при этом заставить чиновников чуть ли не своими руками возделывать опытные делянки.

Или присвоение Президенту Объединенной Арабской Республики Насеру и вице-президенту Амеру звания Героев Советского Союза, вызвавшее широкое недовольство во всей стране.

Перечисление можно продолжать. И хотя все решения принимались коллективно, Президиумом ЦК, автором их справедливо считался Хрущев.

Сейчас эти обвинения сыпались на его голову, как из рога изобилия. Каждый вспоминал давние и свежие обиды.

Были претензии просто надуманные, хотя выглядели они для непосвященных довольно основательными.

Например, отца обвинили в том, что при визитах за границу он брал с собой жену или детей и возил их туда за государственный счет. Однако членам Президиума было хорошо известно, что инициатором в этом вопросе был не Хрущев, а Министерство иностранных дел, чью инициативу поддержал и «эксперт по Западу», еще до войны много поколесивший по миру, Анастас Иванович Микоян. Аргументировалось же предложение тем, что так принято на Западе и присутствие членов семьи делает визит менее формальным, а обстановку более доверительной. Нашему государству это ничего не стоило, так как расходы по приему гостей при государственных визитах несет другая сторона, а в самолете во время спецрейсов пустых мест всегда достаточно. Тем не менее внешне такое обвинение выглядело эффектно и впоследствии получило широкую огласку.

Арзуманян рассказал нам, что наибольшую активность проявляют Шелепин и Шелест. Он имени присутствовавших с перечислением ошибок отца выступал Шелепин, он все свалил в одну кучу — и принципиальные вещи, и ерунду.

— Кстати,— обратился ко мне Арзуманян.— Шелепин сослался на то, что вам без защиты присвоили степень доктора наук?

— Так вот в чем дело! — невольно вырвалось у меня.

Присутствующие повернулись в мою сторону.

— Сегодня отец спросил, не доктор ли я. Я ничего не мог понять и стал объяснять ему, что три года назад защитил кандидатскую диссертацию, и какая разница между степенью кандидата и доктора наук. Теперь ясно, откуда у него возник этот вопрос. Это чистейшей воды выдумка. О докторской диссертации я даже еще и не думал.

— Шелепин ничем не брезгует! Даже мелкой ложью! — Арзуманян возмутился.

Ложь действительно была мелкой, но она очень расстроила меня. Ведь Александр Николаевич Шелепин постоянно демонстрировал мне если и не дружбу, то явное дружеское расположение. Нередко он первый звонил и поздравлял с праздниками, всегда участливо интересовался моими успехами. Этим он выделялся среди своих коллег, которые проявляли ко мне внимание только как к сыну своего товарища, и не более того. Мне, конечно, льстило дружеское отношение секретаря ЦК, хотя где-то в глубине души скрывалось чувство неудобства, ощущение какой-то неискренности со стороны Шелепина. Но я загонял его внутрь, не давал развиться. И вот такое неприкрытое предательство. Воистину все средства хороши...

— Очень грубо вел себя Воронов,— продолжал Арзуманян.— Он не сдерживался в выражениях. Когда Никита Сергеевич назвал членов Президиума своими друзьями, он оборвал: «У вас здесь нет друзей!»

Эта реплика даже вызвала отповедь со стороны Гришина. «Вы не правы,— возразил он,— мы все друзья Никиты Сергеевича».

Остальные выступали более сдержанно, а Брежнев, Подгорный и Косыгин вообще молчали. Микоян внес предложение освободить Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК, сохранив за ним должность Председателя Совета Министров СССР. Однако его отвергли...

...Время было позднее, мы откланялись. Оставалось только ждать завтрашнего дня. Слова Арзуманяна несколько успокоили и вселили призрачную надежду.

В то время мы не знали, что отец уже принял решение без борьбы подать в отставку. Поздно вечером он позвонил Микояну и сказал, что, если все хотят освободить его от занимаемых постов, он возражать не будет.

— Я уже стар и устал. Пусть теперь справляются сами. Главное я сделал. Отношения между нами, стиль руководства поменялись в корне. Разве комунибудь могло пригрезиться, что мы можем сказать Сталину, что он нас не устраивает и предложить ему уйти в отставку? От нас бы мокрого места не осталось. Теперь все иначе. Исчез страх, и разговор идет на равных. В этом моя заслуга. А бороться я не буду.

Телефон наш прослушивался, и его слова мгновенно стали известны оппонентам. Мы же ничего не знали.

Все утро четырнадцатого октября прошло в томительном ожидании. Наконец около двух часов дня позвонил дежурный из приемной отца в Кремле и передал, что он поехал домой.

Обычно днем он никогда домой не приезжал, а, экономя время, обедал в Кремле. Я встретил машину у ворот.

Отец сунул мне в руки свой черный портфель и не сказал, а выдохнул:

— Все... В отставке...

Немного помолчав, добавил:

— Не стал с ними обедать*.

Все кончилось. Начинался новый этап жизни. Что будет впереди — не знал никто. Ясно было одно — от нас ничего не зависит, остается только ждать.

— Я сам написал заявление с просьбой освободить меня по состоянию здоровья. Теперь остается оформить решением Пленума. Сказал, что подчиняюсь дисциплине и выполню все решения, которые примет Центральный Комитет. Еще сказал, что жить буду, где мне укажут: в Москве или в другом месте.

Что еще происходило на заседании, отец не сказал, а я не хотел травмировать его вопросами. Лишь спустя годы я узнал некоторые подробности.

Как мне рассказывали некоторые из

* Как правило, члены Президиума ЦК обедали вместе. Это стало своего рода традицией. Во время этих совместных обедов часто принимались важные решения, обсуждались насущные вопросы жизни страны.

очевидцев, ключевыми фигурами в деле отстранения отца в 1964 году были не Шелепин и Игнатов, а Брежнев с Подгорным, которые неоднократно в разговорах с членами Президиума затрагивали тему взаимоотношений с Хрущевым. Брежнев жаловался на нетерпимость Хрущева, резкие выражения в свой адрес. Особенно то, что отец назвал его как-то «бездельником».

Однако в этих разговорах речь об освобождении Хрущева не велась. Брежнев только предлагал собрать Пленум ЦК и на нем «покритиковать» стиль работы отца. Тут, очевидно, сказалась нерешительность Брежнева, который боялся последнего шага.

Когда я неоднократно пытался узнать у отца о том, что же происходило на последнем для него заседании Президиума ЦК, я неизменно получал отказ: до конца жизни воспоминания об этих событиях были для него неприятны. И только в самый последний период по отдельным отрывочным высказываниям отца я составил более или менее полноценное представление о происходившем. В частности, о том, что говорил он сам в своем последнем выступлении.

Тогда, на Президиуме, отец сказал, что бороться он за власть не станет, поскольку не считает возможным идти против мнения большинства. Он говорил о роли партии и необходимости сохранения единства ее рядов, что было бы невозможно в условиях борьбы в высшем руководстве. Он извинился за возможно допущенные им грубые выражения или нетактичные поступки в отношении других членов Президиума и Секретариата ЦК, сказав, что в работе все могло быть, но вины за эти упущения он с себя не снимает. Однако он решительно отмел основные обвинения, выдвинутые против него. Отец упрекнул своих бывших соратников в отсутствии смелости — никто из них никогда не пытался заставить отца критически отнестись к собственным поступкам или решениям, все наперебой лишь поддакивали и во всем соглашались с его предложениями. Сохранить в таких условиях необходимую долю самокритичности, конечно же, архитрудно. Но никто не обратил внимания на его доводы.

Серьезные претензии были выдвинуты против отца и в отношении некоторых внешнеполитических шагов, предпринятых в период его руководства страной. По его словам, речь шла о Карибском кризисе, о событиях на Суэце и об отношениях с Китаем. Отец тогда ответил, что, судя по всему, некоторых подводит память, поскольку все решения по перечисленным вопросам принимались коллегиально, большинством голосов. А теперь всю вину за те или иные упущения пытаются свалить на него.

Отец на Пленуме не выступал и прений не было. Насколько мне это теперь известно, их попросту не допустили, поскольку опасались возможных неожиданностей.

По положению в партии с речью на Пленуме должен был выступать Брежнев или в крайнем случае Подгорный. Однако оба они отказались. Очевидно, руководили ими этические мотивы — в течение долгого периода времени они работали бок о бок с отцом. Доклад Пленуму решили тогда поручить Суслову, как главному идеологу. Он, кстати, по слухам, ничего не знал о предстоящем перевороте, а узнав, был сильно напуган. Тем не менее и на сей раз в ситуации он сориентировался мгновенно, ведь на Пицунду отцу звонил именно Суслов.

Хочу отметить и такой эпизод.

Как говорила она сама, секретарь ЦК Компартии Украины Ольга Ильинична Иващенко, в начале октября она узнала о готовящихся событиях и попыталась по «ВЧ» дозвониться Никите Сергеевичу. Соединится ей не удалось. Хрущев был надежно блокирован. На Пленум ее не допустили, как и другого члена ЦК — Зиновия Тимофеевича Сердюка. Боялись, как бы чего не вышло.

Вскоре их обоих освободили от занимаемых постов и отправили на пенсию.

...Возвращаюсь к тому октябрьскому дню.

После обеда отец вышел погулять. Все было необычно и непривычно в этот день — эта прогулка в рабочее время и цель ее, вернее, бесцельность. Раньше он гулял час после работы, чтобы сбросить с себя усталость, накопившуюся за день, и, немного отдохнув, приняться за вечернюю почту. Час этот был строго отмерен, ни больше ни меньше.

Теперь последние бумаги — какие-то материалы к очередному заседанию Президиума ЦК — остались в портфеле. Там им было суждено пролежать нераскрытыми и забытыми до самой смерти отца. Он больше никогда не заглядывал в этот портфель...

Длительность нынешней прогулки ничем не ограничивалась, просто надо было убить время, хоть немного освободиться от нервного напряжения последних дней.

Мы шли молча. Рядом лениво трусил Арбат, немецкая овчарка, жившая в доме. Это была собака Лены — моей сестры. Раньше он относился к отцу равнодушно, не выказывал к нему никакого особого внимания. Подойдет бывало, вильнет хвостом и идет по своим делам. Сегодня же не отходил ни на шаг. С этого дня он постоянно следовал за отцом.

В конце концов я не выдержал молчания и задал интересовавший меня вопрос:

— А кого назначили?..

— Первым секретарем будет Брежнев, а Председателем Совмина — Косыгин. Косыгин — достойная кандидатура.— Привычка отца оценивать кандидатуры, примеряя их к тому или иному посту, по-прежнему брала свое.— Еще когда освобождали Булганина, я предлагал его на эту должность. Он хорошо знает народное хозяйство и справится с работой. Насчет Брежнева сказать труднее — слишком у него мягкий характер и слишком он поддается чужому влиянию... Не знаю, хватит ли у него сил проводить правильную линию. Ну, меня это уже не касается, я теперь пенсионер, мое дело — сторона.— В уголках рта пролегли горькие складки.

Больше мы к этой теме не возвращались.

Вечером к нам пришел Микоян.

После обеда состоялось заседание Президиума ЦК уже без участия отца. Микояна делегировали к нему проинформировать о принятых решениях.

Сели за стол в столовой, отец попросил принести чаю. Он любил чай и пил его из тонкого прозрачного стакана с ручкой, наподобие той, что бывает у чашек. Эту конструкцию — стакан с ручкой — он привез из Финляндии. Необычный стакан ему очень нравился, и он постоянно им хвастался перед гостями, демонстрируя, как удобно из него пить горячий чай, не обжигая пальцев.

Подали чай.

— Меня просили передать тебе следующее,— начал Анастас Иванович нерешительно.— Нынешняя дача и городская квартира (особняк на Ленинских горах) сохраняются за тобой пожизненно.

— Хорошо,— неопределенно отозвался отец.

Трудно было понять, что это — знак благодарности или просто подтверждение того, что он расслышал сказанное.

Немного подумав, он повторил то, что уже говорил мне:

— Я готов жить там, где мне укажут.

— Охрана и обслуживающий персонал тоже останутся, но людей заменят.

Отец понимающе хмыкнул.

— Будет установлена пенсия — 500 рублей в месяц и закреплена автомашина.— Микоян замялся.— Решили сохранить за тобой должность члена Президиума Верховного Совета, правда, окончательного решения еще не приняли. Я еще предлагал учредить для тебя должность консультанта Президиума ЦК, но мое предложение отвергли.

— Это ты напрасно,— твердо сказал отец,— на это они никогда не пойдут. Зачем я им после всего, что произошло? Мои советы и неизбежное вмешательство только связывали бы им руки. Да и встречаться со мной им не доставит удовольствия... Конечно, хорошо бы иметь какое-то дело. Не знаю, как я смогу жить пенсионером, ничего не делая. Но это ты напрасно предлагал. Тем не менее спасибо, приятно чувствовать, что рядом есть друг.

Разговор закончился. Отец вышел проводить гостя на площадку перед домом.

Все эти дни стояла теплая, почти летняя погода. Вот и сейчас было тепло и солнечно.

Анастас Иванович обнял и расцеловал Хрущева. Тогда в руководстве не было принято целоваться, и потому это прощание всех растрогало.

Микоян быстро пошел к воротам. Вот его невысокая фигура скрылась за поворотом. Никита Сергеевич смотрел ему вслед. Больше они не встречались.

●

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

Газета основана 5 мая 1912 года В. И. Лениным

№ 290 (16876) Пятница, 16 октября 1964 года Цена 3 коп.

Коммунистическая партия Советского Союза твердо и последовательно проводит в жизнь ленинскую генеральную линию, выработанную XX и XXII съездами КПСС. Тесно сплоченный вокруг своей родной партии, советский народ героически борется за осуществление великих задач коммунистического строительства.

Под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством Коммунистической партии — к новым победам коммунизма!

СООБЩЕНИЕ
о Пленуме Центрального Комитета КПСС

14 октября с. г. состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу т. Хрущева Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

Пленум ЦК КПСС избрал Первым секретарем ЦК КПСС т. Брежнева Л. И.

При публикации материала использованы фотодокументы из семейного архива С. Н. Хрущева и снимки Дм. Бальтерманца.

ОТВЕРЖЕНИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ

Окончание. Начало см. на стр. 14.

Я считаю, готовящийся Закон о печати должен, наконец, сделать работу журналиста более безопасной, лишить ее этого «фронтового накала». Закон о печати должен гарантировать независимость прессы, независимость журналистского расследования.

— То есть гарантировать расширение свободы действий журналиста?

— Нет, не расширение, а укрепление. Это разница: я против того, чтобы предоставлять журналисту какую-то бо́льшую по сравнению с другими свободу. Должна быть расширена свобода для всех. Информация, скажем, должна быть доступна не только журналистам и неширокому кругу должностных лиц, как считает сегодняшний бюрократ, «тем, кому положено». А вот **укрепить** журналистскую свободу — гарантировать от преследований и прочих палок в колеса, предусмотреть конкретную ответственность за препятствование в установлении истины, в получении необходимых документов — в Законе о печати надо обязательно.

— Теперь частный вопрос, так сказать, на злобу дня. Как вы, Александр Максимович, относитесь к недавно принятому союзному Указу о порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР?

— Я считаю, что такой Указ должен был бы основываться не на разрешительном принципе, а на регистрационном: если в заявке на демонстрацию нет ничего, что запрещено законом, исполком обязан зарегистрировать ее, утвердив время и место. Насчет места: конечно же, демонстрации и митинги должны проводиться в центре города или в других людных местах; перед кем и зачем демонстрировать на пустынных окраинах? Регистрационный принцип способствовал бы развитию демократии, активности народа и перекрыл бы возможность произвола со стороны местных властей. И вторая норма, которая, на мой взгляд, необходима применительно к демонстрациям,— это возможность обжаловать в суд решение исполкома, запрещающее демонстрацию. Сейчас это невозможно: Закон об обжаловании в суд действий должностных лиц не предусматривает обжалование коллегиальных решений. А это принципиально антидемократично, в эту стену все время будет упираться дальнейшее развитие демократии, уже упирается. Ведь что отличает правовое государство? Ответственность граждан перед государством и, главное, ответственность государства, должностных лиц перед гражданами. А механизм этой ответственности — судебное обжалование любых актов государственной власти. Вот главный рычаг демократии. Не приведем его в действие, не двинемся с места.

Когда готовился Указ о порядке проведения митингов и демонстраций, специалисты-правоведы, в частности ученые Института государства и права Академии наук, дали свои предложения. Но учтены они не были. Поэтому мы надеемся, что на сессии Верховного Совета, которой предстоит утвердить Указ, будет развернута дискуссия по поводу его соответствия задачам правового государства. Скажу честно: очень обнадеживает прецедент, когда депутаты Верховного Совета отказались утвердить расправу над кооператорами — Указ о налогообложении кооперативов. Указ же просто пустили под откос! Сработала-таки социалистическая демократия. А ведь подобного не было в нашей истории с 20-х годов!

Но тут вот что очень важно: какими бы хорошими ни были наши законы, развитие демократии чем дальше, тем больше потребует от органов власти и милиции, осуществляющих законы, от нас всех политической мудрости, политического такта. Демократия всегда чревата «внештатными» ситуациями, непредвиденными эксцессами... Представьте спонтанный митинг или стихийно возникшее шествие людей, которые выдвинули добрые и законные лозунги и при этом не мешают движению. Да, они собрались без разрешения — так что, разогнать их? Глупо...

— По-моему, все-таки четкость и определенность в таких вопросах лучше зыбкости. А зависеть от того, обладает или не обладает политическим тактом начальник отделения милиции! Уже было, зависели уже...

— Вот-вот, мы все хотим определенности, и я, признаться, тоже. Чтобы на все случаи жизни — заведомо правильный, демократичный и точный рецепт, чтобы невозможны были ситуации вроде той, что произошла в самолете, захваченном семьей Овечкиных, в результате «стрельбы наугад» при выполнении спасательной операции. Но в том-то и беда (или счастье?), что демократия в отличие от авторитарного режима — это не здание, которое построили, сдали под ключ, вот оно готовенькое, и думать, беспокоиться ни о чем не надо. Демократия — это процесс. Определенности не будет! Будет постоянное балансирование на грани между «да» и «нет», между полной свободой и полным порядком. Если один только глухой порядок — это кладбище, если одна только безраздельная, лихая свобода — это махновщина. Нам всем надо учиться нелегкой науке оптимальных решений, взвешенности, умению найти и соблюсти меру.

— Вы сказали, что при принятии Указа о порядке проведения митингов и демонстраций предложения ученых не были учтены. Разве это соответствует принципам правового государства?

— Ни в одной стране ученые не обладают законодательной властью. И при всем моем уважении к науке я вовсе не считаю, что их надо этой властью наделить. Но дело совсем в другом. Ученые дали свои рекомендации, аргументировав их, затем вышел законодательный акт, в котором эти рекомендации не были учтены, и все. Резоны, которые представили ученые, никем гласно опровергнуты не были. Вот против такого порядка необходимо возражать. Обязательна гласная, открытая дискуссия, чтобы широкая общественность могла судить, кто прав — ученые или те, кто считает их рекомендации по такому жизненно важному для развития демократии вопросу необоснованными. И еще: хорошо бы знать авторов проектов того или иного Указа, Закона. Пока проекты у нас, как народные песни, анонимны...

Предполагалось, что на ноябрьской сессии Верховного Совета СССР будет принят важнейший закон — Закон о судоустройстве СССР. Сейчас в разных институтах, в разных ведомствах идет проработка проекта этого Закона, вносятся различные предложения. Идет работа и в нашем институте. Мы стараемся внести в наш проект Закона те идеи, которые, на наш взгляд, соответствуют идеалу правового государства. Хотелось бы, чтобы еще до сессии основные предложения по этому Закону были гласно обсуждены, чтобы в случае их отвержения была дана гласная аргументация.

— О необходимости судебной реформы — и более широко, правовой реформы — за последний год написаны сотни дискуссионных статей. Но к согласию спорящие стороны, похоже, не пришли...

— Спорных вопросов осталось много. Скажем, Конституционный суд. Против необходимости его создания давно никто не возражает. Сейчас принято решение учредить Комитет конституционного надзора.

— Комитет, а не суд? Или дело не в названии?

— Лично я назвал бы его все-таки судом, ибо за названием здесь стоит процедура. Я думаю, этот **Комитет** преуспеет только в том случае, если в своей процедуре воспроизведет основные черты **судебного рассмотрения.** Если же Комитет станет работать как министерство, как существующие административные органы, какая-то коллегия соберется за закрытыми дверями и все решит «по-деловому» и «без лишних слов», то это будет, извините, очередной и бесполезный довесок к существующей административной системе. И тогда — давайте без иллюзий — об истинном конституционном надзоре нам придется забыть.

— Проверке на конституционность подлежат только законы, указы, инструкции, другие юридические акты? А конкретное действие (например, строительство атомной станции, подобной Чернобыльской) может быть признано антиконституционным?

— Конечно, если будет доказано, что это нарушает записанное в Основном Законе право граждан на охрану здоровья и охрану окружающей среды. Дело в том, что строительству атомной станции, вообще любому подобному действию предшествует решение — о строительстве, о сносе и так далее. А решение и есть юридический акт.

— Должен ли, по вашему мнению, орган конституционного надзора обладать правом отменять юридиче-

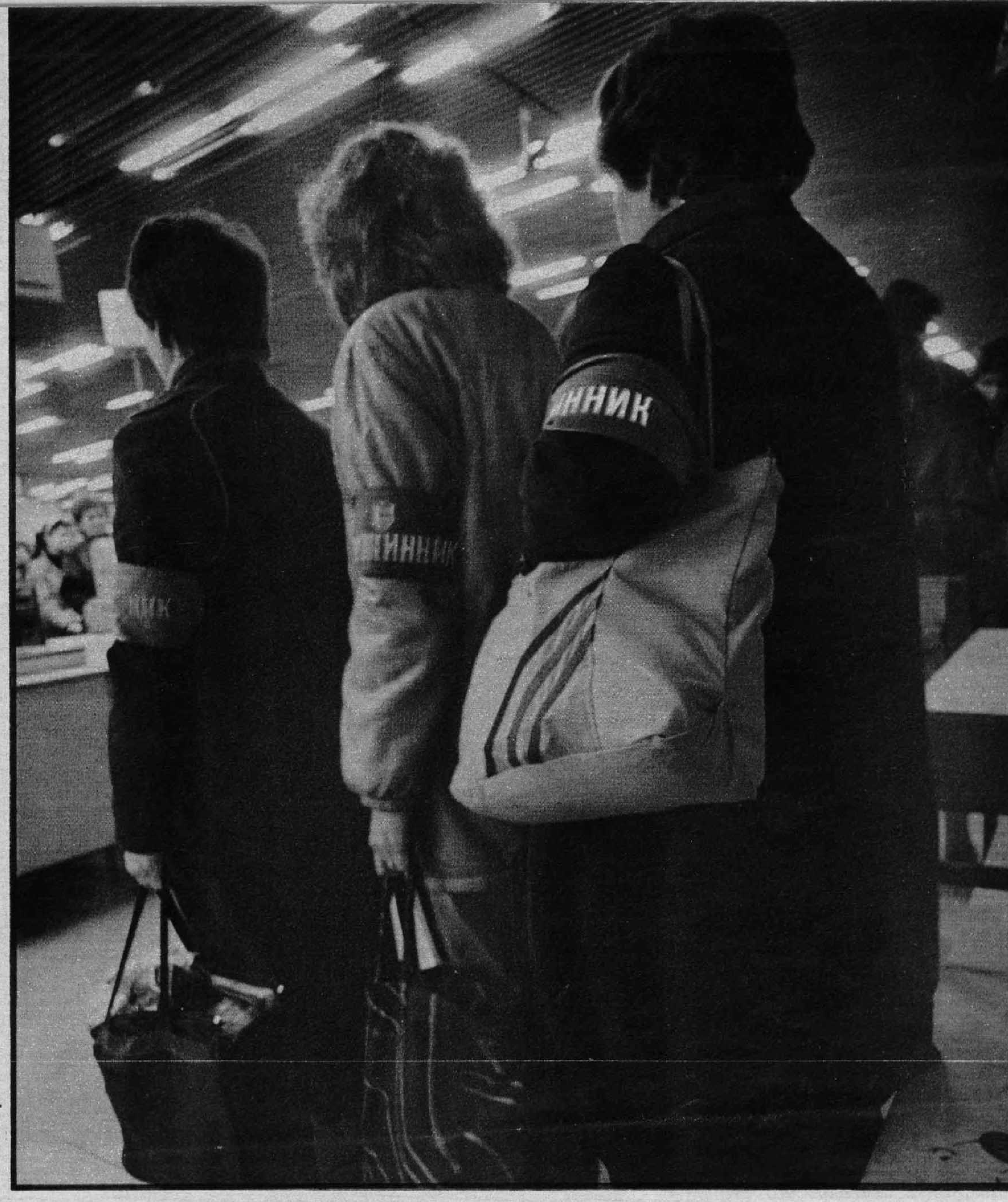

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

ские акты, принятые высшими органами власти?

— Это очень сложный вопрос. В США Конституционный суд вправе отменить закон любого ранга. А в Польше, например, несколько другой порядок. Там Конституционный трибунал тоже оценивает на соответствие Конституции любые акты, в том числе принимаемые Сеймом, но отменить их своей волей не может. Он просто «возвращает» неконституционный, по его заключению, акт на повторное рассмотрение в Сейм, и, если две трети членов Сейма опять подтверждают конституционность данного акта, он остается в силе, а если нет — подлежит отмене.

Как лучше, как в США или как в Польше, не берусь сказать. Если бы знать, что наш будущий Комитет станет работать именно как суд, я бы, видимо, больше склонялся к американскому варианту, ну, а если он превратится в «контору»? Тогда его никакой властью наделять не хочется, понимаете?

Нельзя все решить и обдумать заранее. Придется решать по ходу дела, попутно. Но хорошо, что мы уже встали на этот путь!

Например, копья ломаются вокруг проблем следствия. Я убежден, что необходимо вывести следователей из подчинения Прокуратуры (сейчас следствие ведется самой Прокуратурой и следователи прямо подчиняются прокурору, так как же прокурор может объективно следить за соблюдением законности проводимого им же расследования?); для построения правового государства крайне важно разрешить участие адвоката еще на стадии предварительного следствия. А чтобы окончательно искоренить возможность произвола на предварительном следствии, считаю, нам было бы полезно заимствовать институт, который существует в ГДР,— судебный контроль за предварительным следствием. Любой гражданин, в отношении которого прокурор санкционировал арест, может обратиться в суд с жалобой на арест, чтобы суд проверил, насколько арест обоснован. Суд выслушивает аргументы и следователя, и адвоката и либо утверждает арест, либо отменяет его. Вероятно, стоит ввести такую фигуру, как следственный судья, он контролировал бы весь ход следствия и в конце мог бы определить, есть ли достаточные основания для предания человека суду. Таким образом, он предотвращал бы передачу в суд дел, недостаточно доказанных или вовсе сфабрикованных.

— То, о чем вы сейчас говорили,— это попытки ликвидировать незащищенность человека перед возможностью необоснованного преследования, необоснованного ареста, перед возможностью самооговора под давлением... Но есть ведь в нашей жизни и другое явление — сверхзащищенность. Когда есть уже реальные, веские основания для возбуждения уголовного дела и передачи дела в суд,— основания есть, а возможности нет. Не могут взять под стражу человека в течение недель, месяцев, а то и лет. Потому что человек этот за мощной броней депутатской или партийной неприкосновенности. Да, формально у нас нет партийной неприкосновенности, но на деле привлечь партийного работника высокого ранга к уголовной ответственности крайне сложно. Нужна ли нам сейчас эта сверхзащищенность, если мы действительно хотим бороться с коррупцией, с мафией на всех без исключения уровнях? Этот вопрос задают в письмах к нам многие наши читатели.

— Сначала о депутатской неприкосновенности: это обязательное и непременное условие демократии в любом обществе! Депутатскую неприкосновенность мы должны всячески лелеять и оберегать!

Раздражение следователя, который ведет конкретное уголовное дело, вышел на серьезного преступника и не может в течение года его арестовать, вполне понятно. Но мы-то с вами, общество должны заботиться не только о поимке преступника, но и о защите демократии! А интересы демократии требуют: пусть лучше за стеной депутатской неприкосновенности спрячется преступник, чем мы потеряем поистине независимый, контролирующий все и вся орган народной власти. Идея правового государства — это же контроль представителей народа, то есть Советов, за всеми без исключения органами, так? А теперь представим, что нет депутатской неприкосновенности. И вот такой незащищенный депутат контролирует, например, прокуратуру, разоблачает беззакония, пытается бороться с мафией, берет и смело выступает на сессии Совета с критикой милиции, прокуроров... Да не реально это! Его назавтра же в отместку арестуют по сфабрикованному подозрению! И уж его-то, депутата, некому будет защитить, мафия парализует Советскую власть.

Значит, депутаты действительно должны быть застрахованы от неправедного уголовного преследования.

Если же следователь не может просто с санкции прокурора арестовать члена ЦК партии и должен ждать разрешения ЦК, такой порядок, который никаким законом, конечно же, не оговаривается, является прямым нарушением Конституции, нарушением принципа равенства всех перед законом. Еще Ленин выступал против того, чтобы «партия защищала своих мерзавцев».

— Центральным звеном в механизме правового государства является независимая судебная власть. Но как сделать ее независимой? Как оградить судей от влияния местных властей, ведомств, райкомов, обкомов? Как перерезать шнур сложившегося в годы застоя так называемого «телефонного права»?

— В каждой реформе есть свой гвоздь, главное звено. Введем его — вся картина сразу качественно изменится, все сразу поднимется на совершенно иной уровень. Не введем — все будет меняться к лучшему, но качественного скачка не произойдет. Это как появление звука в кинематографе. И без звуковой дорожки кино могло еще развиваться, совершенствоваться, но лишь до определенного предела.

Таким «гвоздем» судебной реформы является введение суда народных представителей («суда присяжных»). Без этого нам не сделать суд независимым органом.

Термин «суд присяжных» я употребляю условно. Присяжными ведь их называли потому, что они присягали на библии. Впрочем, почему бы народным заседателям не присягать, скажем, на Конституции СССР?

Итак, именно «суд присяжных», или коллегия народных заседателей, в составе, скажем, шести человек должен после судебного заседания, выслушав доводы прокурора, адвоката, свидетелей, удалиться в отдельное помещение и там, отдельно и независимо от профессионального судьи, решить главный вопрос — виновен или не виновен подсудимый, положившись на свой жизненный опыт, на свое чувство справедливости. А потом уже вместе с судьей решать вопрос — именно здесь и требуются профессиональные знания — о мере наказания.

— Но сейчас в газетах и журналах высказывалось мнение, что отпадет надобность в «суде присяжных», если просто увеличить число народных заседателей, ну, и выбирать в народные заседатели не абы кого, а тех, кто действительно заслуживает, не равнодушных, а людей с активной жизненной позицией, кто сможет, если надо, поспорить с судьей, отстоять свое мнение.

— Мало что изменится! Думаете, почему сейчас народные заседатели бывают, как правило, безропотны и автоматически, без лишних вопросов соглашаются с судьей, за что и получили у публики меткое прозвище — «кивалы»? Только потому, что их двое, а не шестеро и что выбирают недостойных и равнодушных? Знаете, не надо быть большим психологом, чтобы понять: сколько бы народных заседателей ни было и будь они все трижды достойные и сверхактивные, но если они заседают вместе с судьей, он просто давит на них своим авторитетом, грузом своих профессиональных знаний, всеми этими пунктами, параграфами, исключениями, незнакомой терминологией, наконец. Они пасуют перед всем этим, и будут пасовать, и будут «кивалами»! Это естественно, закономерно для человеческой психологии.

— Но народные заседатели — и это сейчас предлагается — могут ведь овладеть элементарными юридическими знаниями.

— Вот именно элементарными! Им же никогда по знаниям и опыту с судьей не сравниться! Он все равно сможет увести их в дебри юридической казуистики. Сейчас, когда народные заседатели в редких случаях не соглашаются с судьей, он, бывает, такой «силовой» прием применяет: «Не согласны? Так пишите приговор сами! Вот вам бумага... Что, не можете?..» Да, чтобы суметь написать приговор, народным заседателям нужно долго учиться... Но если они станут «судом присяжных» и будут сами решать только один вопрос: виновен, не виновен,— им глубокие юридические знания не нужны. Опыт «суда присяжных» самых разных стран, в том числе России, где «суд присяжных» оправдал Веру Засулич, показывает, что тут нужны именно жизненный опыт, народная мудрость, чувство справедливости и гуманности.

— А если «суд присяжных» все-таки ошибется?

— Обвинительный приговор может быть отменен кассационной инстанцией, и прокуратура имеет возможность передать дело на новое рассмотрение. Но вот оправдательный приговор присяжных ни при каких условиях отменен быть не может, даже если он ошибочный.

— Получается, что преступник может остаться на свободе?

— Получается. А в чем мы сегодня больше заинтересованы? В том, чтобы «10 невиновных были осуждены, лишь бы один виновный не избежал наказания»? Мы уже знаем, что стоит за этим «уравнением», и подозреваем, сколько миллионов прячется за цифрой 10... Думаю, после многолетней практики судебных «ошибок» именно такого рода мы заинтересованы в обратном: пусть даже кто-то из виновных будет оправдан, лишь бы никто из невиновных не был осужден. Вот какая нам сегодня нужна арифметика...

«Суд присяжных», думаю, должен принимать решение голосованием не по большинству, а только единогласно. В случае же неединогласия пусть никакого вердикта не выносят, тогда набирается новый состав присяжных. Добиться единогласия гораздо труднее, чем добиться большинства, поэтому тут к очень малой величине сводится вероятность осуждения невиновного.

Но беда в том, что вопрос ваш — «А если суд присяжных ошибется?» — симптоматичен. Когда говоришь о судьях, почему-то редко спрашивают: «А если судья ошибется?» И то, что многие юристы сейчас считают, будто достаточно увеличить число народных заседателей, а «суд присяжных» не нужен, тоже симптоматично.

Многие привыкли к тому, что мудрость распределяется в соответствии с положением, с должностью, и чем выше официальное положение человека, тем он мудрее. Не наоборот, нет. Кто руководит, тот и знает, как надо. «Просто люди» нам не авторитет. После десятилетий фиктивного народовластия верим ли мы в представительную демократию, власть представителей народа?

Только вдумайтесь: нас шокирует, что какие-то простые граждане, не юристы, не судьи, будут решать вопрос о виновности данного подсудимого, но ведь у нас же будет постоянно действующий Верховный Совет из 400 народных представителей, и они будут решать вопрос не о том, виновен или не виновен Сидоров в убиении чужой коровы; они будут решать сверхкрупные и важнейшие, принципиальные вопросы нашей жизни, они будут решать проблему оборонного бюджета, продовольственную проблему, они будут принимать законы, которые определят судьбу страны! Но ведь это те же самые простые люди. Им мы сейчас собираемся вручить реальную и полную власть. Так почему же мы боимся вручить власть таким же людям в решении конкретного гражданского или уголовного дела? Где тут логика?

Мне кажется, аргументы против «суда присяжных», по сути, направлены и против предоставления власти реальным депутатам, избранникам народа.

И еще: наличие «суда присяжных» изменит всю картину следствия и картину суда! Следователь будет знать, что все его действия и вся его система доказательств не просто будут «проштампованы» прокурором, а затем и судьей, как бывает, увы, нередко сейчас, но будут обсуждаться и анализироваться независимыми «присяжными». И у прокурора уже не будет возможности диктовать судье, ему придется потрудиться, чтобы его доказательства, вся аргументация обвинения были очень убедительны. Адвокат сможет обращаться к сердцу, уму «присяжных», сможет апеллировать к их чувству справедливости, к их гуманизму...

Будет перед кем копья ломать! Будет, кому доказывать и кого убеждать.

— Но ведь судебная реформа направлена как раз на то, чтобы сделать судью независимым. Если это удастся, тогда непонятно, почему мнение присяжных лучше, объективнее мнения тоже независимого, но — профессионала?

— Полная независимость судьи возможна только в мечтах. Это идеал. Мы можем лишь приблизиться к нему, но достичь его не сможем никогда. Судья включен в определенную иерархическую, профессиональную структуру, и возможность влияния на него полностью не устраняется. А «присяжные» набираются каждый раз заново, для каждого нового дела. Следовательно, они на тысячу километров дальше от возможности на них повлиять, чем любой судья.

Да ведь именно «суд присяжных» и может сделать судью независимым. Звонит судье, скажем, секретарь обкома, а судья отвечает: извините, мол, ничего не могу сделать — присяжные решают. И всё.

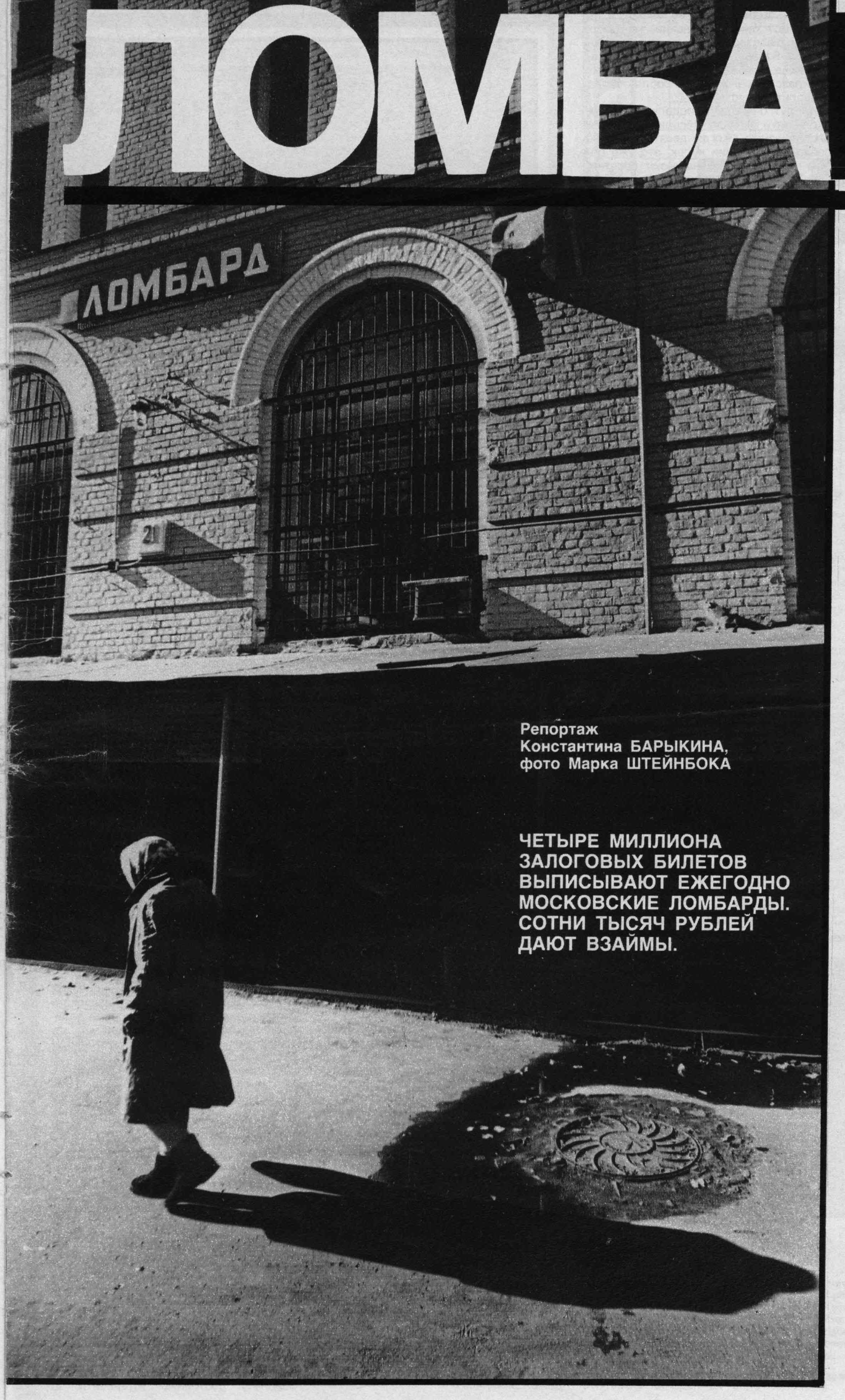
И не потому ли некоторые чиновники от юриспруденции, привыкшие к тому, что суд — это просто еще одно ведомство, где все решается по команде сверху, не хотят введения «суда присяжных»?

Конечно, «присяжные» — всего лишь люди. Они могут оказаться равнодушными, могут быть движимы страстями, находиться в плену социальных, групповых, национальных предрассудков... Вообще мы постоянно сталкиваемся с тем, что демократия вовсе не делает нашу жизнь идеальной, даже создает дополнительные сложности, несет с собой массу издержек, а то и драм...

Действительно, демократия — наихудший способ управления. Если не считать всех остальных. Если не считать рашидовщину и брежневщину, сталинизм и фашизм. Ничего лучше демократии человечество пока не придумало.

Уже был у нас железный порядок. Уже был мудрец, который говорил, что знает, как надо, лучше всех остальных и берется привести народ в светлое будущее, закрыв другим глаза... И вел — по морям крови, как посуху. И закрывал другим не только глаза, но и рты. Мы уже знаем, куда можно прийти по этой дороге, слушаясь и повинуясь.

ЛОМБАРД

Репортаж
Константина БАРЫКИНА,
фото Марка ШТЕЙНБОКА

ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА ЗАЛОГОВЫХ БИЛЕТОВ ВЫПИСЫВАЮТ ЕЖЕГОДНО МОСКОВСКИЕ ЛОМБАРДЫ. СОТНИ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ ДАЮТ ВЗАЙМЫ.

В ломбарде тихие, нескандальные очереди. И переговариваются здесь вполголоса. Нет, не шепотом, но негромко, стеснительно. А вот в директорском кабинете страсти подчас разгораются.

— Поймите вы, поймите,— надрывно, с отчаянием объясняет женщина.— Мои вещи он заложил, мои. И кольцо мое, с этого пальца кольцо.— Она показывает руку.— И мех мой, и пальто...

И — тише, горше, обреченно:

— Но никогда не выкупит...

Протягивает врачебную справку — болен муж тяжко, невменяем. Но тут, в ломбарде, нужна не справка, а доверенность. Какую, однако, доверенность может дать душевнобольной? Директор все понимает, и клиентка все понимает. А сделать ничего нельзя. Надо бы обратиться в суд, там подтвердят диагноз, и тогда она сможет выкупить свои вещи...

Кто такое выдержит?

Ломбардному уставу, однако, до всего этого дела нет. Любая ревизия навешает выговоров, признает незаконной выдачу вещей, «заложенных другим лицом»... Ушла клиентка. Директору успокоиться бы, забыть о драме, отголоски которой прокатились по кабинету. А он приглашает заместителя, зовет юриста. И начинают они думать, искать обход инструкции: житейски справедливый, не очень наказуемый. Находят. Что, впрочем, не оградит их от ревизоров-законников, если те ретивость проявят.

Ломбарды живут своей жизнью. Тихой и стыдливой. В стороне от шума улицы, от магазинной суматохи, а в самой гуще жизни... Кольца и браслеты, шапки и отрезы, роскошные палантины и скромненькие жилеты уходят за непрозрачное стекло.

Клиент наклоняется к окошку, негромко просит: «Вы уж, пожалуйста, побольше, деньги очень нужны».

А «потолок» — двести рублей. Кому-то такой суммы достаточно, но чаще приносят не одну вещь, а две, три.

— Дачу строим, в банке ссуду взять — набегаешься,— объясняет немолодая женщина. И доверительно: — Да и привычнее тут, в ломбарде, проще.

Есть и постоянные клиенты. Их тут знают, и они чуть не с каждым по имени-отчеству...

Сдали — выкупили, выкупили — сдали... А в небольшой и светлой комнате, это здешний красный уголок, идет оценка невостребованных залогов. За каждым из них — чья-то неустроенность, неумение вести хозяйство, нерасчетливость? Или — бедность, невзгоды? Обрушится беда — сюда, в ломбард, чтобы было на что купить на рынке клюкву или мандарины и собрать из них больничную передачу. Благополучные клиенты наперечет, но есть и такие. Для них ломбард — игра, азарт, биржа. Не разоришься, какой разор от нескольких процентов, но нервы пощекотать — в самый раз... Позволяет ломбард заняться и коммерцией. Накупили когда-то, в ту пору продавали их совсем дешево, хрустальные вазы и блюда. Потом подняли цену на хрусталь, да так, что голова закружилась.

И сразу он потек в ломбарды, начали его закладывать. А выкупать не торопились, ибо залог выше прежней цены.

Но на сегодняшней оценке-реализации хрусталя нет. Идет другой товар...

— В ломбард я пришла в первый раз семь лет назад, вот так же, осенью, когда автомобиль покупали. И с того времени постоянно тут. Одно заложишь, другое перезаложишь, приносишь — уносишь... Два ковра уже уплыли...

— Шапка норковая, новая,— комиссионер бесстрастен. Шапку осматривают члены комиссии. Так положено, таков порядок. Да, новая, и пломба на месте, и ярлык фабричный.

Заложить в ломбард проще, чем выкупить залог. За год остались в ломбарде и отсюда ушли в безразличные руки скупки 420 килограммов золотых изделий и полторы тонны серебряных. Шапок и костюмов, мехов и ковров, разной прочей мануфактуры комиссионка получает из ломбардов миллионов на пять, а то и на шесть — год на год не приходится. Сегодня оценивают двадцать девять меховых шапок, три ковра, два бостоновых отреза — сукно тонкое, не нынешнее, редкий товар — штуку крепсатина, тоже из бабушкиного сундучка? Гора мануфактуры. За месяц передали в комиссионный текстиля на 46 тысяч рублей. Это по одному ломбарду, а их в столице несколько. И лишь ломбард-холодильник таких операций не ведет, там вещи хранят от моли и от воров.

Споро, но без торопливости все осмотрят, оценят, разнесут по книгам-актам, отправят в дальние магазины, «на реализацию». Торгуют там ломбардным товаром плохо, неграмотно, не выбиваясь из общего стиля нашей комиссионки. Даже при нынешнем товарном дефиците нередко не расходится присланное из ломбарда. Тогда — с претензиями: дескать, что принимаете? Ломбард отвечает, спорит или соглашается. А чего бы проще: коль остаются в ломбарде невызволенные вещи, ему за них и отвечать. Самому ломбарду их и продавать. Найти магазинное помещение, тут же, в центре города, поднять, скажем, с насиженного шестка лишнюю контору и открыть свое торжище. Назвать магазин «От ломбарда» или еще как подходящее, выложить на прилавок все, что сейчас уходит в комиссионные руки и приносит ломбарду только хлопоты. Станет такой магазин, сомнений в этом нет, заботливее не только к товару, но и к сдатчику. Случается, приходит владелец вещи через день-второй после ее отсыла в комиссионку, но уже поздно: ищи ветра в поле. А из своего магазина, если не продано, отчего не вернуть?

Говорю об этом директору объединения ломбардов Николаю Николаевичу Шумарову. Соглашается.

— Могли бы такой магазин создать — на кооперативных началах.

...Был случай, его и сегодня помнят, умерла постоянная клиентка ломбарда. Жила неподалеку, в одном из тихих здешних переулков. Очень пожилая, немного чопорная дама. Каждой вещи родословную знала. Наследников нет. Залоговых билетов — уйма. С одним все ясно: блюдо редкостное, его в музей определили. Но другие-то вещи: черные кружева, шкатулка красного дерева? Пустить их в безликую и безразличную комиссионку? Так, конечно, и сделали: порядок один. А был бы ломбардный магазин, пригласили бы на торги знающих людей, чтобы попали вещи в хорошие руки.

Аукцион вообще мог бы стать одной из форм работы ломбарда. Так оно и было встарь на Руси, есть тому свидетельства. А серебряная или золотая «массовка», безликие колечки и серьги, миллионными тиражами наштампованные заводами Минприбора, можно было бы просто выкладывать на прилавок, но не отправлять в переплавку, как делают сейчас. Таких поделок не выкупают несколько килограммов ежемесячно. Счет так и идет — на вес. Выковырнут камень, чтобы не мешал, и на весы. Вот они, плохонькие, на таких гвозди бы взвешивать, а не злато-серебро. «Взвешивание изделий производится на технически исправных весах III класса точности» — соблаговолил позволить Минфин.

Кладут очередную поделку — в ней около пяти граммов. Абсолютно точный вес не узнать. Когда десятые грамма собираются в один кулек, это уже целые граммы. Из них набегают десятки. Они не пропадут, оприходуются, но об этом не узнают ни ломбард, ни бывший владелец: обезличенно идет ссыпка. «Образующийся при комплектовании посылок «привес» за счет укрупнения партий ценностей комиссия должна оприходовать» — цитирую минфиновскую инструкцию-распоряжение. Казне привес, и без кавычек, но не значит ли это, что кто-то недополучил несколько таких нужных рублей?

То, что поступает от ломбарда — золотая вещь или серебряная, конвейерная или уникальная,— любая оценивается как лом, и распоряжаются этим добром соответственно. Так вот ушел в переплавку и серебряный оклад. Заложили его несколько лет назад, сроки проходили, хозяин не появлялся. Но чувствовали ломбардные работники: что-то здесь не так. Одну за другой отправляли открытки-напоминания. Не объявлялся сдатчик, не приходил. Долго рука не поднималась комиссовать оклад, упаковать его, послать в скупку. Но когда миновали все сроки, пришлось это сделать. Собрались, еще раз подивились работе и отправили все в скупку.

А через месяц отыскался хозяин. Болел он тяжело, долго. А потом ушел с табором. «Думал, вернусь — выкуплю». Впервые тут видели плачущего мужчину. «Это реликвия табора. Меня убить надо».

— Цыгане часто сдают золотые вещи, нередко кустарной работы, но всегда из высокопробного золота,— поясняют мне.— И аккуратно выкупают. Если владелец не имеет денег, табор ему поможет.

Не все, однако, живут табором, И застревают вещи, а затем уходят в небытие. Сколько историй таких невеселых... Ломбард старается вернуть вещь владельцу. То «не заметит» небольшую просрочку с выкупом, то пошлет еще одно напоминание, а если есть номер телефона, то и позвонит. Но скупка и финансисты нависли над ним: никаких поблажек и послаблений клиентам. У скупки план. А ломбарду оборотных денег не всегда достает, сами в банк идут за ссудой.

...Идет реализация. «Чего здесь нет? Чего рука нужды Ни собрала на этих полках пыльных? От генеральской Анненской звезды До риз с икон и крестиков крестильных». Не сегодня сказал это поэт, но ведь сказал же.

Жесткая и безжалостная, как и другие подобные документы, инструкция Минфина иллюзий не оставляет: «...по истечении установленного срока, невыкупленные или невостребованные... ценности... возврату не подлежат».

...А отчего не затеять в ломбардах обмен вещей? Так на так, как говорится. Одному нужна такая же, как у него, пара «саламандры», но другого размера. А кто-то хочет иметь джемпер не коричневый, а маренго. Меняются книгами. Квартирами меняются! А вещами почему не обмениваться, если есть такая надобность? Надобность-то есть, как не быть, а вот возможности пока не предвидится. Хотя дело это вовсе не сложное, сними только с ломбарда путы инструкций и предписаний.

Будь ломбард акционерным, оказались бы в правлении те, кто более всего заинтересован в его хорошей работе — клиенты. Пора создать, а точнее, возродить Акционерное общество ломбардов. Было такое когда-то.

Поинтересоваться и тем, как работают ломбарды за рубежом. Хотя и заверяет нас одно из изданий БСЭ, что «советские ломбарды принципиально отличаются от капиталистических», но все же...

Развернуть дело, вести так, чтобы стало оно подмогой городскому бюджету и себя позволяло содержать в исправности. Но опутаны ломбарды ложными представлениями. Минторг требует скорой — навалом? — ссылки золота и серебра, комиссионторг давит своим пониманием торгового дела, Минфин тоже участвует... И нет им никакого дела до клиента-«винтика». Килограммы золота, десятки шуб и воротников, сотни шапок — и не видно за ними того, кто принес вот это колечко, может, единственное; кто отдал под залог шапку или этот воротник... Ломбард оказался вовлеченным в жесткую административную схему, оказался заодно с финансистами и с Минторгом, с «комиссионкой», а ему бы вырваться из этой достославной компании, стать рядом с клиентом, с человеком...

— А наш клиент помолодел,— прерывает мои раздумья заведующая Арбатским отделением Анна Егоровна Лобозова.— Заметно помолодел! Прежде шли люди степенные, а теперь молодежь появилась.

— Обобщенный портрет клиента? Такой статистики не ведем. Лишних вопросов сдатчику не задаем, дело деликатное. Клиент знает, уверен, что его отношения с ломбардом достоянием гласности не окажутся.

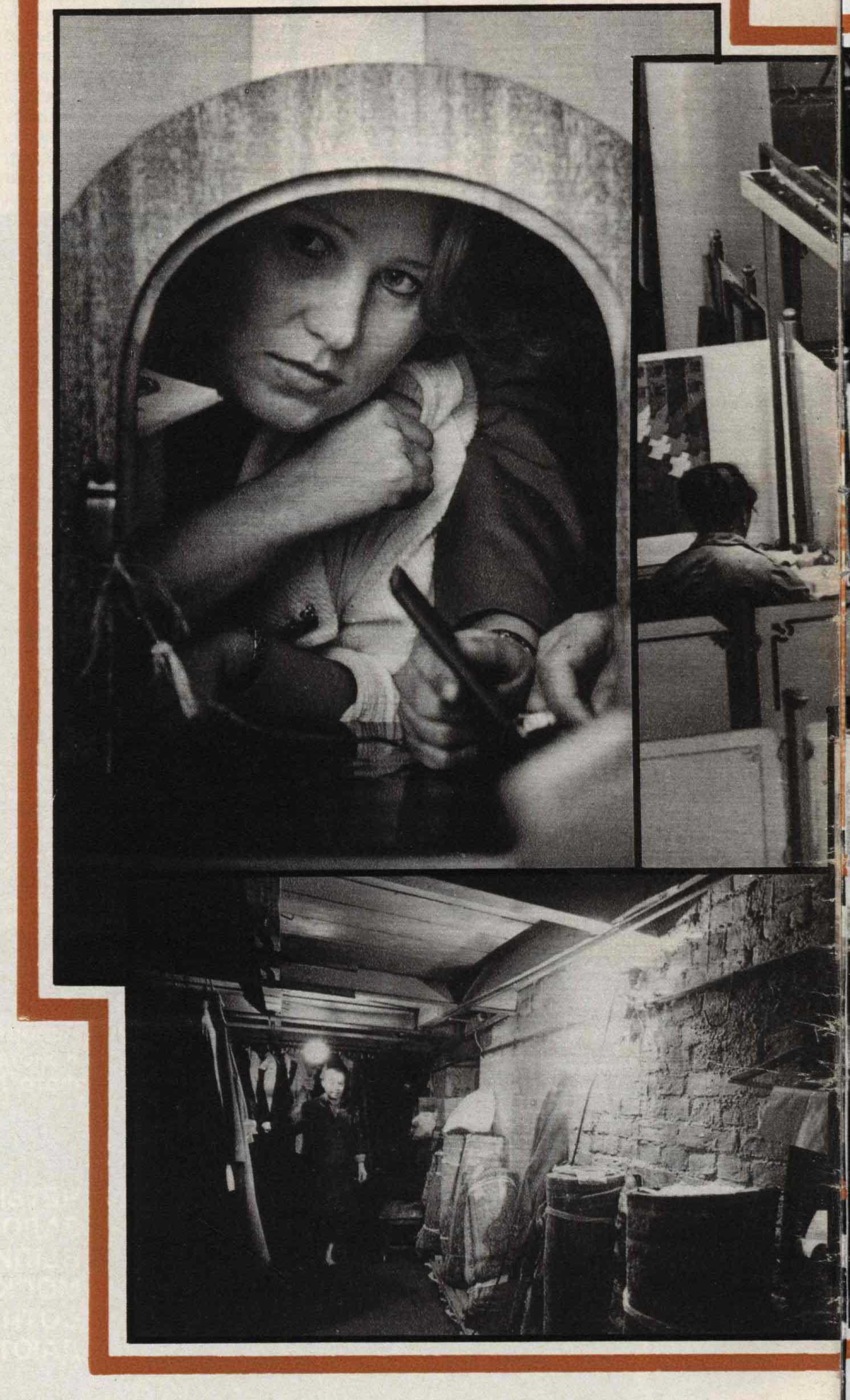
Но приметили ломбардные работники не только омоложение клиентуры. Прежде сюда чаще других наведывались рабочие. Сейчас — учителя и врачи. Было время, профессура числилась только в ряду сдающих вещи на хранение. Ныне кое-кто перебрался в соседний зал, сдают под денежный залог. Как и прежде, почти девяносто процентов сдатчиков — женщины.

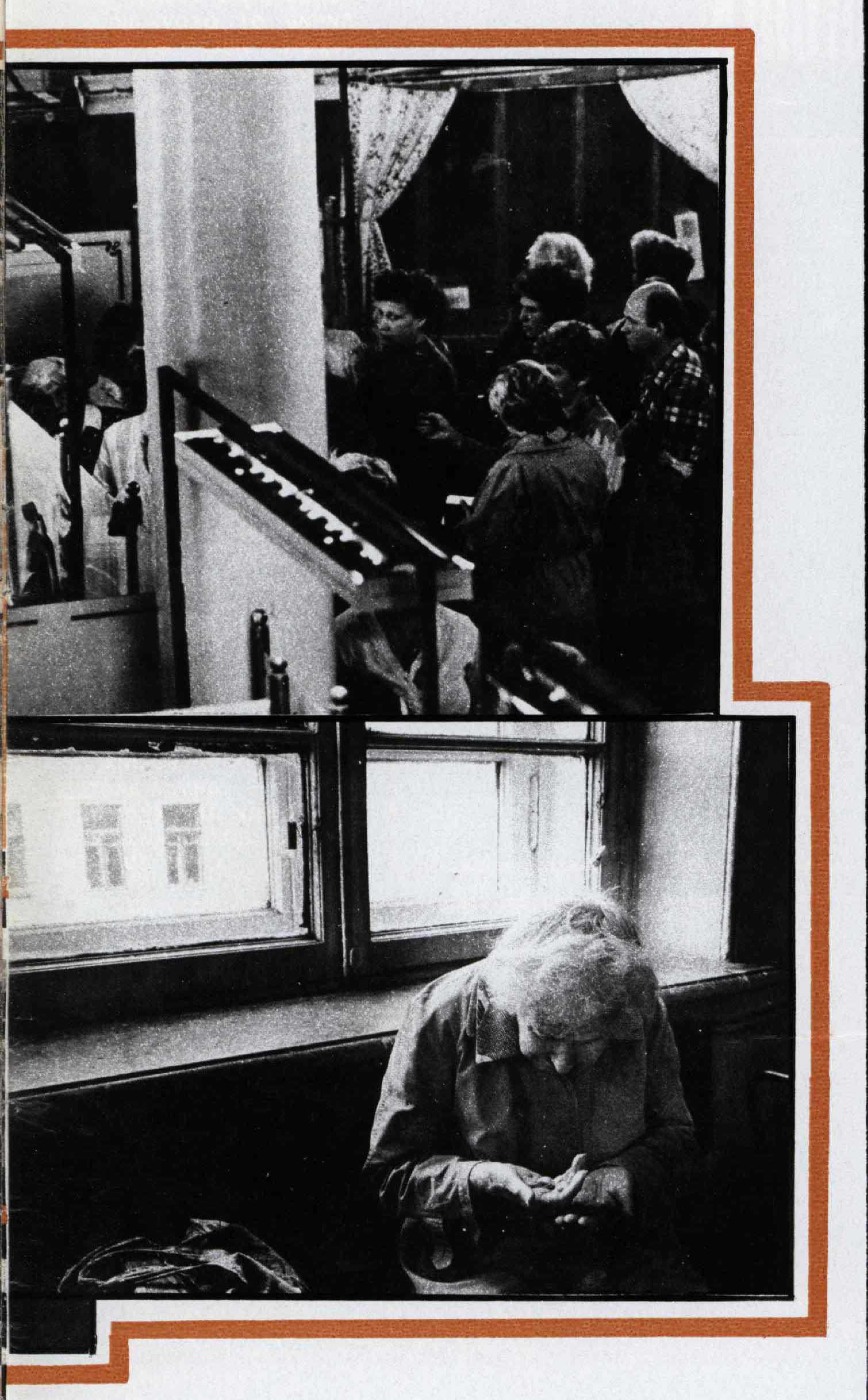
— А тут-то какая закономерность?

— Обычно с ломбардом имеет дело хозяин дома, глава семьи,— отвечают мне.

Если бы обстоятельный социолог провел тут свои исследования, нам бы открылся особый пласт городской жизни. Но обходят ломбард социологи.

Управление бытового обслуживания бьется над тем, чтобы помочь ломбардам, поддержать их, тем самым и клиентов. Но что он может, Главмосбыт?! Зарплату достойную установить не

в его власти. С жильем помочь ломбардным работникам — какое там! Сейчас архитекторы, что уже лихо поработали на Арбате, присматриваются к зданию Арбатского отделения. Не подойдет ли дом для очередной конторки? Не сгодится ли для размещения самих проектантов?

А здешний ломбард — городская примечательность. Комнаты-сейфы со стенами кованого железа. Гулкие антресоли, на которых прежде была конторка управляющего, а сейчас, прикрытая стираными занавесочками, «комната для приема пищи», потому что столовой поблизости нет, а очередное кооперативное кафе здешнему работнику не по карману.

У меня на столе копия тревожной записки, ушедшей из объединения: «В соответствии с предписанием зампреда исполкома Киевского райсовета «О реализации второго этапа реконструкции пешеходной улицы Арбат с прилегающими территориями» объединению «Мосгорломбард» предложено освободить занимаемое помещение по адресу Арбат, 11, строение 2».

Ах, исполкомы, скорые на руку исполкомы! Им бы с людьми посоветоваться, с депутатами поговорить, а они предписаниями балуются. Остановиться, в историю, в документы заглянуть, в материалы «Московского товарищества для ссуд под залог движимых имуществ»... И пойти навстречу ломбарду, очень уж он поизносился, только окна остались прежними, высокие банковские окна. Все остальное поистерлось, померкло. Линолеумом заменили узорчатый паркет, белой больничной краской закрасили могучие балки перекрытий. С трудом прочел на одной из них надпись: «провиданс НП 10». Автограф изготовителя? Поди дознайся теперь-то. Уходит вдаль богатая ломбардная история. Не с умыслом ли? Ведь с безродным домом расправа проще. Выбросить бронированную комнату, сдать в утиль винтовые лестницы и двери со старинными засовами.

Ломбард, ломбард... «И ухожу... И сердце все в слезах От горечи, бессилия и муки!» — написал поэт...

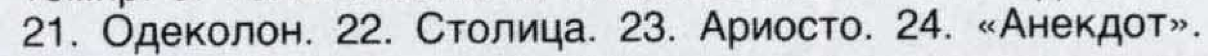
Лицемерно стыдливое, ущербное существование ломбардов вписывалось в недавнее время «еще более дальнейших успехов».

А сегодня? Как быть сегодня?..

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Музыкальный духовой инструмент. 5. Единица времени. 8. Народный артист СССР, певец, выступающий в Большом театре. 9. Опера Ш. Гуно. 11. Животное семейства оленей. 12. Главная артерия. 16. Ветвь винограда, ивы. 17. Звезда в созвездии Большой Медведицы. 18. Народный писатель Латвии, Герой Социалистического Труда. 19. Союзная советская республика. 22. Спортивная площадка для игры в теннис. 23. Лососевая рыба. 24. Прибор для отсчета времени. 25. Стихотворение А. С. Пушкина. 27. Воинская часть. 29. Помещение для хранения товара, материалов. 30. Парусное двухмачтовое судно. 31. Композитор, народный артист СССР. 32. Действующее лицо в пьесе Л. Н. Толстого «Власть тьмы».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Устройство для охлаждения в двигателях внутреннего сгорания. 3. Немецкий писатель, режиссер, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 4. Порт в Бразилии. 5. Повесть А. П. Чехова. 6. Птица, обитающая в хвойных лесах. 7. Единица измерения оптической силы линзы. 10. Скульптурная фигурка. 13. Травянистое растение с желтыми цветками. 14. Столица союзной советской республики. 15. Приток Волги. 20. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. 21. Спортивное холодное оружие. 26. Река в Мексике. 27. Экваториальное созвездие. 28. Рыба семейства карповых, обитающая в Каспийском море. 29. Стихотворная форма из четырнадцати строк.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Баллада. 6. Морава. 7. Витраж. 8. Таджикистан. 10. Окуляр. 11. Идиома. 12. Аджария. 15. Свет. 16. Ворс. 17. Определение. 18. Опал. 20. «Спор». 22. Саванна. 25. Гамбит. 26. Нансен. 27. Калиновская. 28. Кузнец. 29. Оберон. 30. Акробат.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Коненков. 2. «Баядера». 3. Линкува. 4. Австрия. 5. Кантемир. 8. Толстолобик. 9. «Неизвестная». 13. Жадов. 14. Рулон. 19. Плашкоут. 21. Одеколон. 22. Столица. 23. Ариосто. 24. «Анекдот».

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Живой, доверительный разговор с читателями нашего журнала состоялся в Центральном Доме архитекторов. Главный редактор «Огонька» Виталий Коротич и журналист-международник Артем Боровик ответили на многочисленные вопросы читателей и друзей журнала. На вечере также выступили народный артист СССР Георгий Жженов и актер Театра на Таганке Дмитрий Межевич.

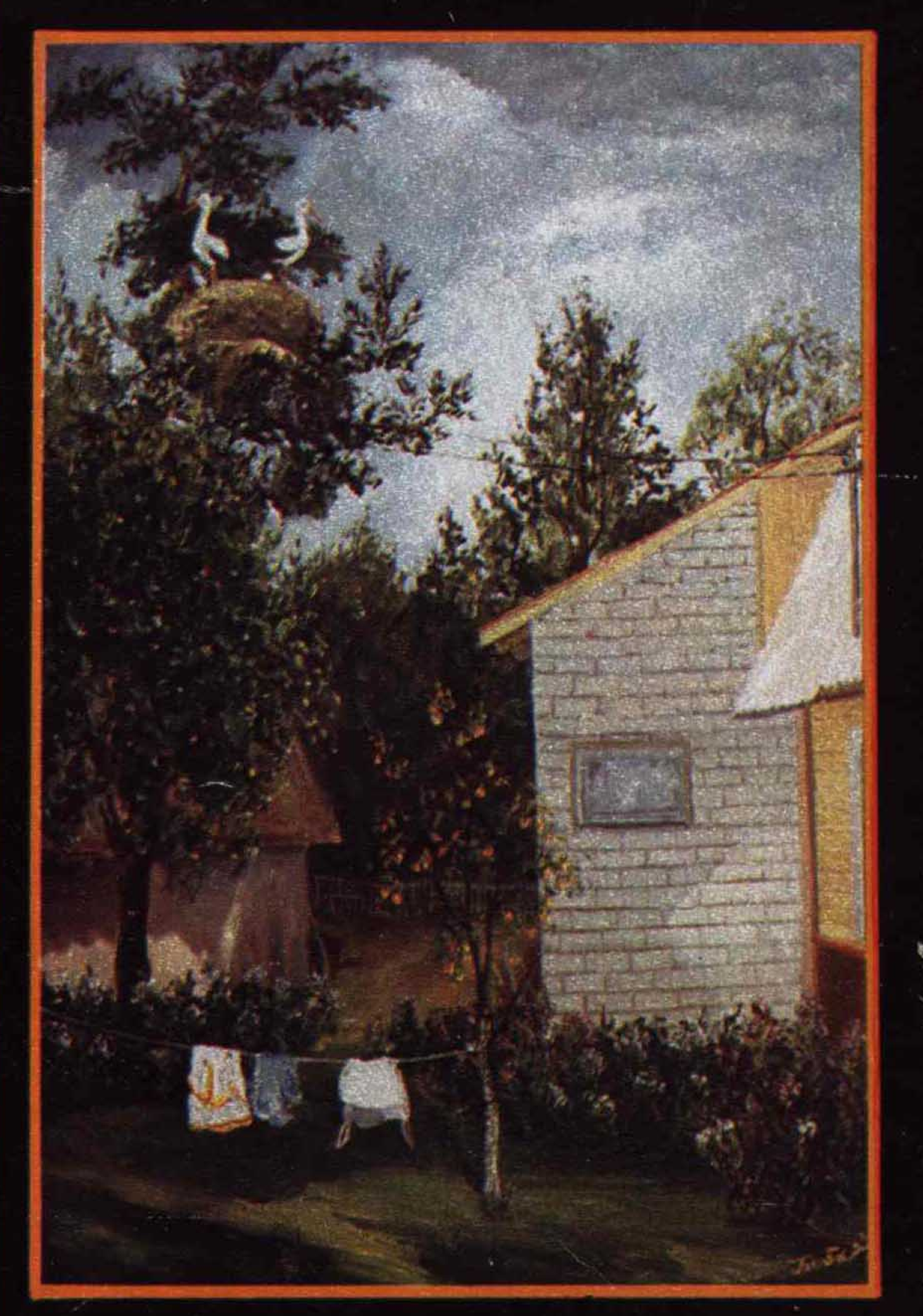
Средства от вечера были перечислены на счет 700454 — на строительство Мемориала жертвам сталинских репрессий.

Он оказался первым профессиональным художником, запечатлевшим зону катастрофы не по рассказам очевидцев и фотографиям, а непосредственно на Чернобыльской АЭС, через три месяца после случившегося. Отдежурив на объекте, Валерий Бобков брал этюдник... Еще в первый день Валерий обратил внимание на необычную сосну. В отличие от окружающего серого леса ее ветки ярко зеленели: солдаты 80-х, в память о погибших на этом месте партизанах Великой Отечественной, систематически проводили дезактивацию этого дерева и смогли спасти его.

При вывозе работ из зоны все этюды тоже прошли дезактивацию. Однако на краях холстов радиоактивный фон сохранялся. Пришлось в ущерб изображению обрезать картины по краям.

Однажды, когда Валерий писал этюд, к нему на бронетранспортере подъехал один солдат и сказал: «Здесь неподалеку я видел аистов». Валерий вначале не поверил товарищу, но потом действительно увидел — на самой вершине одного из погибших деревьев — двух аистов. Они стали для художника символами жизни.

Олег ТУРКОВ

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663